

страны, города и люди

Аннелиз Фрейзенбрук

Первые леди Рима

Женщины в тени императорского трона

The First Ladies of Rome

Freisenbruch, Annelise

Аннелиз Фрейзенбрук

Первые леди Рима

Серия «Страны, города и люди»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19405320
Фрейзенбрук, Аннелиз. Первые леди Рима: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-091449-4

Аннотация

Супруги древнеримских императоров, дочери, матери, сестры – их имена, многие из которых стали нарицательными, овеяны для нас легендами, иногда красивыми, порой – скандальными, а порой и просто пугающими.

Образами римских царственных красавиц пестрят исторические романы, фильмы и сериалы – и каждый автор привносит в них что-то свое.

Но какими они были на самом деле?

Так ли уж развратна была Мессалина, так ли уж ненасытно жаждала власти Агриппина, так ли уж добродетельна была Галла Платидия?

В своем исследовании Аннелиз Фрейзенбрук ищет и находит истину под множеством слоев мифов, домыслов и умолчаний, и женщины из императорских семей – умные интриганки и решительные честолюбивы, робкие жертвы династических игр, счастливые жены и матери, блестящие интеллектуалки и

легкомысленные прожигательницы жизни – встают перед нами, словно живые.

Содержание

Введение	6
Глава первая	23
Создание первой римской леди	23
Глава вторая	88
Женщины Октавиана Августа	88
Глава третья	159
Народная принцесса и женщины режима	159
Тиберия	
Конец ознакомительного фрагмента.	165
Примечания	

Аннелиз Фрейзенбрук

Первые леди Рима

Моим родителям

Annelise Freisenbruch

THE FIRST LADIES OF ROME

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Intercontinental Literary Agency Limited.

© Annelise Freisenbruch, 2011

© Перевод. Н. Тартаковская, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Введение Я, Клавдий...

*Жена Цезаря должна быть выше подозрений.
Плутарх, «Жизнь Юлия Цезаря».
Миссис Ландингем, «Западная кулиса»^[1]*

Посетителям Музея классической археологии Кембриджского университета вполне простительно ощущение, что они забрели в уединенное частное владение коллекционера произведений искусства. Пройдите вдоль этой длинной гулкой галереи с ее высокой обрешеченной стеклянной крышей, сквозь шелест, производимый щеточками и грифелями художников, делающих наброски, – и вы окажетесь во власти более четырехсот самых точных и мгновенно узнаваемых образов классического мира. Тут расположены фризы и фронтоны, снятые с Парфенона лордом Элджином; тут и Аполлон Бельведерский, которому когда-то поклонялись как самой прекрасной из сохранившихся статуй античности; тут и душераздирающая статуя из Ватикана, изображающая трагедию Лаокоона и его сыновей, которых две огромные змеи тащат в подводную могилу перед стенами осажденной Трои.

Когда мы подходим к последнему помещению музейного круга, нас встречает Римский Зал Славы – ряд голов без тел, изображения людей, некогда правивших Римом. Тут пред-

ставлено множество знаменитых личностей, чьи мраморные лица легко увязать с хорошо известными историческими именами: юный коротышка Нерон, худой уверенный Веспасиан, интеллигентный бородатый Гордиан и ограниченный недовольный Коммод. А в задний ряд галереи серых голов прославленных патрициев втиснуто гладкое бледное лицо женщины, которое кажется среди них слегка неуместным. Ее имя напечатано на табличке внизу: просто «Фаустина Младшая» – ни больше ни меньше. Это аэрозольная, бесцветная маска лица, невыразительная и нечитаемая; волны ее расчесанных волос тщательно уложены, впадины миндалевидных глаз слепо смотрят на что-то позади нас^[2].

Что известно нам о том, кем некогда была эта женщина, если судить по данному белесому слепку? Ибо этот слепок – все, чем мы располагаем; и не только потому, что сам портрет – предмет неодушевленный, но еще и потому, что, как и большинство других экспонатов данного музея, ее голова – лишь копия, гипсовая реконструкция, повторившая оригинал более века назад, в ту пору, когда коллекции слепков с античных оригиналов, как и изучение классического искусства, вошли в моду. В силу неотчетливой идентификации большинства лиц Древнего мира не существует даже никакой уверенности, что это в самом деле Фаустина Младшая, и имя ее вряд ли часто пробуждает искорку узнавания – хотя на деле она была женой глубоко чтимого шестнадцатого императора Рима Марка Аврелия. Как можем мы предста-

вить по этой плохонькой гипсовой скорлупке жизнь женщины, смотревшей на империю через плечо своего супруга, тем более что о ее жизни сохранилось не так уж много свидетельств?

Соблазн сыграть в Пигмалиона, дабы в соответствии со своей фантазией оживить Фаустину и других великих женщин имперского Рима, невероятно велик – это проделано огромным количеством художников и писателей. Вероятно, огромное влияние современных портретов в том, что они созданы британским писателем Робертом Грейвзом, который в августе 1933 года, живя в добровольной ссылке в сонной деревушке Дея на Майорке, отправил лондонским издателям свою последнюю рукопись, не особо надеясь, что та поможет ему погасить 4000 фунтов долга за дом. Книга называлась «Я, Клавдий» и повествовала о первой династии Римской империи с точки зрения давшего ей свое имя заикающегося рассказчика – Клавдия, четвертого римского императора.

Грейвз открыто выказывал пренебрежение к этой работе, называя ее «литературной стряпней», но и она, и ее продолжение, «Божественный Клавдий», имели громадный успех – как коммерческий, так и у критиков. Со временем, в 1976 году, эти романы были экранизированы для телевидения Британии и США. Тринадцатисерийная сага, вышедшая под девизом «Семья, чьим бизнесом было управление миром», быстро стала «Кланом Сопрано» своих дней, завоевав признание благодаря звездному актерскому составу и попада-

нию на верхнюю строку телерејтингов.

Но, в отличие от приоритетов, расставленных в книгах Грейвза, реальными звездами шоу – теми, кто преобладал в большинстве сцен, привлекая максимум внимания рецензентов, чьи лица стали определяющими рекламными образами для программы, – оказались женщины из жизни Клавдия, в особенности его бабка Ливия, жена первого римского императора Августа, а также третья и четвертая жены Клавдия – Мессалина и Агриппина. Эти женщины сложились в злодейское трио: Ливия, предшественница Макиавелли по духу, которая уничтожала соперников своего сына Тиберия с полнейшим безразличием; Мессалина, смертоносная шлюха, которая наставляла рога стареющему мужу и всячески оскорбляла его; Агриппина, черная вдова, чья рука в конце концов определила, кто унаследует венец Клавдия ^[3].

Длинная тень, отброшенная книгой «Я, Клавдий», хорошо заметна и в недавнем популярном сериале «Рим» компании НВО («Хоум бокс офис» – одна из первых компаний кабельного телевидения), где в качестве наиболее злобного и запоминающегося образа выбрана Атия, племянница Юлия Клавдия. Хотя едва ли существуют какие-то исторические свидетельства о жизни Атии, кроме предположения, что она была преданной и высокоморальной матерью своего сына Октавиана, тут в сцене кражи ее живо представили как хитрую бессовестную соблазнительницу – явное культурное наследие телесериала семидесятых годов.

Однако и у самого Грейвза нелестные портреты выдающихся женщин Рима появились на свет не одной властью авторского воображения. По большей части он выбирал их деяния из описаний, оставленных наиболее известными и чтимыми хронистами Древнего Рима, и действительно создал на их основе вполне добротное изделие. «Я нигде не погрешил против истории...» — писал он в защиту своих книг, приводя цитаты из Тацита и Светония в качестве подтверждения своей точки зрения на женщин первой римской императорской династии^[4].

После прочтения литературных сочинений древности, которые вдохновили Грейвза, его характеристики нельзя не признать полностью соответствующими действительности. Помимо Ливии, Мессалины и Агриппины, среди отобранных им биографий женщин римского имперского века мы найдем дочь, которая издевалась над своим отцом, пьянствуя на римском Форуме и занимаясь любовью с незнакомцами на возвышении для ораторов; тщеславную и красивую любовницу, уговорившую императора ради женитьбы на себе убить свою мать; жену, которая прелюбодействовала с актером до того, как приняла участие в заговоре против мужа; мачеху, которая пыталась соблазнить своего пасынка, затем составила план его казни и в итоге сама была сварена заживо в качестве наказания.

Юлия, Поппея и Фауста — вот лишь несколько женщин, чья репутация в ответе за по большей части негативную ре-

акцию историков на женщин Рима. Они оказались настолько запятнанными, что в течение веков их имена многократно упоминались как аргумент для отстранения женщин от возможности разделять политическую власть с супругами и сыновьями, а в литературе их образы стали злобной и универсальной аллегорией убийств, постельной неразборчивости и преступных замыслов^[5].

Итак, Грейвз ни в коем случае не был первым, кто вытащил женщин античности на свет со страниц Тацита и его римских современников. Совсем нет. Образы женщин Римской империи – это вызов веков, который подхвачен постклассической западной культурной продукцией через калейдоскоп пьес, исторических сочинений, романов, опер, фильмов, поэм, порнографических брошюр, картин, оттисков, скульптур, рукописных иллюстраций и даже рубашек карт или другого ширпотреба. С XIV века, когда стали появляться первые биографические списки печально известных исторических женщин, начиная с «*De claris mulieribus*» («О знаменитых женщинах») Джованни Боккаччо в 1374 году, римские дамы регулярно возникали в таких перечнях.

В нескольких отдельных случаях они служили образцами женской стойкости и патриотизма, но куда чаще выступали суровым предостережением для революционно настроенных молодых дам в популярных изданиях тех дней – например, в труде шотландского священника Джеймса Фордайса 1766 года «Проповеди для юных леди». В истории и литературе

их имена имели хождение как псевдонимы для других известных женщин со спорной репутацией. Екатерина Вторая, Анна Болейн, Мария Стюарт, Лукреция Борджиа, Екатерина Медичи, Элеонора Аквитанская, Мария-Антуанетта и Жозефина Бонапарт – всех их в то или иное время сравнивали с нарицательными образами из римской истории. Из более близких к нашему времени примеров можно вспомнить «Мессалину Илфордскую» – 29-летнюю Эдит Томпсон, которая в январе 1923 года стала первой за пятнадцать лет женщиной, повешенной в Британии по обвинению в убийстве собственного мужа. Многие с тех пор ставили приговор под сомнение, но пресса того времени без колебаний цитировала эротические письма Томпсон к ее любовнику и обвиняемому Фредерику Байуотеру, дабы оправдать присвоенное ей в газетах имя третьей супруги Клавдия, нимфоманки и убийцы^[6].

Однако не все упоминания о женщинах, связанных с правящими династиями Римской империи, столь негативны. Некоторые из них обладали относительно доброй славой как в литературных источниках древности, так и в посмертных легендах – в том числе Агриппина Старшая, мать имеющей дурную репутацию родительницы императора Нерона Агриппины Младшей. Овдовев в 19 лет в результате странной смерти своего популярного в народе мужа Германика, Агриппина Старшая пользовалась особой симпатией у тех, кто подозревал в убийстве Германика беспощадную руку

правлящего императора Тиберия и его матери Ливии.

Ценис и Береника, любовницы соответственно отца и сына, Веспасиана и Тита, стали героинями популярных пьес и романов, а Елена, мать первого христианского императора Константина, даже удостоилась чести войти в сонм святых. И все-таки, без сомнения, как благие примеры, так и их противоположность, властные развратницы, которые при помощи вымыслов об их жизни стали преобладать в расхожем мнении о том, каковы были на деле женщины Рима, выглядят не более чем картонными фигурками, своего рода древним аналогом жен Степфорда¹.

Наша книга снова открывает описание Ливии и подобных ей «первых леди» Рима – имея целью показать немного больше, чем статичные утвердившиеся картонные стереотипы. Но само затрагивание данной темы имеет свои сложности.

Рим был однозначно мужским миром. Идентификация римлянина определялась исключительно в терминах достижений в мужских сферах деятельности – войне и политике, из которых римлянки полностью исключались. Даже римское слово *virtus*, означавшее «мужество», имело корень *vir*

¹ «Степфордские жены» – мистический роман американского писателя Айры Левина (1972), героиня которого попадает в город Степфорд, населенный идеальными домохозяйками. Дважды экранизирован в США (1975 и 2004-й, с Николь Кидман). Оборот «степфордская жена» стал нарицательным обозначением женщины, которая внешне выглядит слишком безупречно, как истинная леди, и поэтому вызывает безотчетную настороженность. (Прим. ред.)

— мужчина. За всю историю Рима женщины никогда не имели права занимать политические должности. Они не могли ни командовать армиями, ни голосовать на выборах, имели совсем небольшие права в рамках закона и вообще играли ограниченную и жестко прописанную роль в римской общественной жизни — по сравнению с мужьями, братьями, отцами и сыновьями. Несмотря на редкие свидетельства женского сопротивления непопулярным законам и дебаты среди юристов и философов о привилегиях, которые должны быть даны римлянкам в области образования или наследования имущества, в древности не существовало такого понятия, как женское движение за права. Большинство (хотя не все) из рассматриваемых тут римских первых леди никогда бы не остались на страницах истории, если бы не мужчины, за которых они вышли замуж, или сыновья, которым они дали жизнь. Их биографии неизменно рождались в тени и как отражение биографий их родственников-мужчин.

Одной из принципиальных загадок для современных историков, изучающих женщин Древнего Рима, является то, что в анналах фактически не сохранилось ничего написанного женской рукой — даже рукой женщин из императорской семьи, за исключением нескольких фрагментарных набросков поэзии, писем и рисунков. В то время как теперешние жены политиков могут давать интервью или писать мемуары, оставляя прямые свидетельства своей жизни, единственная известная женская автобиография древности, написан-

ная матерью Нерона, Агриппиной Младшей, стала жертвой цензора-истории вместе с другими работами женского авторства, если они вообще когда-либо существовали.

Впрочем, мужчины древности также бывали жертвами подобных ситуаций – к примеру, не сохранилось никаких записок Клавдия, а эти записки вполне могли бы подкорректировать распространенное мнение о том, что четвертый римский император был беспомощной и комической фигурой^[7]. Но систематическое замалчивание женских голосов, свойственное древней истории, отражает более общие предрассудки по поводу женщин, и в первую очередь – отсутствие желания услышать их самих как нечто значимое. В результате мы никак не можем увидеть женщин древности иначе, чем глазами тех, кто писал о них, – часто спустя десятилетия или даже века после их смерти, и столь же часто интересовался ими не как личностями, а лишь как игроками поддержки в рассказах о жизни их родственников-мужчин.

Вероятно, величайшей проблемой служит прокладывание курса сквозь литературную территорию, на которой разбросаны источники подавляющего большинства наших впечатлений о женщинах Римской империи. К примеру, как выбрать между противоречивыми описаниями Ливии, среди которых сосуществуют нелестный отзыв о ней великого римского историка и сурового критика Юлия-Клавдия Тацита как о буйной хулиганке, восхищение поэта Овидия ее озорным обаянием целомудренной матроны с красотой Венеры

– и высокая оценка стойкости ее духа перед лицом тяжелой утраты в свидетельствах философа Сенеки? Древние источники часто оказываются смущающими и расстраивающими гордиевыми узлами противоречий, споров, сплетен, инсинуаций и намеренных искажений. Кроме того, они не разделяют тех биографических забот, которые волнуют нас, они не озабочены анализом развития характера или психологических мотиваций – того, что действительно ценно при описаниях женских характеров. Вместо этого они рисуют свой предмет поспешными, поверхностными, линейными мазками, оценивая его исключительно в моральных критериях, в которых он может быть сведен к простому образу вроде потворствующей мачехи (например Ливия, Агриппина Младшая и до некоторой степени жена Траяна Плотина принадлежали бы к этой категории) либо злобной жены (сестра Августа Октавия или первая жена Нерона – Клавдия Октавия)^[8].

Столкнувшись с такой дилеммой, оказываешься перед искушением выбора тех частей рассказов о женщинах древности, которые звучат наиболее правдоподобно, – обычно по мерке того, что кажется наименее сенсационным, – а затем проверяешь эти данные психоанализом и интуицией, чтобы заполнить пробелы. Но попытка уверенно решить, какие элементы в этих грубых набросках характера являются истинными, а какие фальшивыми – в большинстве случаев дело безнадежное. Ни один историк не обладает исключительной антенной в прошлое, и было бы неумно заявлять, что

мы можем чревоуещать за этих женщин при отсутствии их собственного голоса и других примет их жизни.

Эта книга не претендует на такое, как не заявляет, что она «биографическая» для этих женщин в общепринятом смысле: я не могу проникнуть в их головы и не могу дать вам полное описание их жизней от А до Я^[9].

Взамен требуется агностический подход при выборе из эклектической массы рассказов о той или иной римской первой леди, которые мы имеем. Здесь на сцену выступает именно чувство борьбы с беспорядком в портретах множества исторических персон, особенно когда доходит до выявления реальных характеров римских женщин за масками и карикатурами их древних изображений. А это на деле является ключом для понимания их места в римском обществе. Я доказываю, что индивидуальность первых леди Рима так изменчива, противоречива и похожа, потому что их действия и их характеры диктовались политической повесткой дня и репутацией императора, за которым они были замужем или с которым находились в родстве, а также критическая реакция на его правление.

В целом императоры стремились пестовать свой образ как надежного семейного человека, и их женская родня представлялась послами доброй воли и идеалами семейного благополучия, поддерживая этот образ. Но конечно, в руках врагов императора или успешной династии, стремящейся разорвать связи и уничтожить воспоминания о своих пред-

шественниках, изображения жен могли быть совершенно различными.

Вот почему использование мною термина «первая леди» в названии этой книги и в тексте ощущается уместным. Частично это поклон в сторону неоднократного обозначения Ливии в литературе античности как *femina princeps* — женская версия титула *princeps*, принятого ее супругом Августом, означающего «глава» или «руководящий гражданин», — который свободно может быть переведен как «первая леди»^[10]. Но он также привлекает внимание к неизбежному и иногда удивительному сходству между ключевой ролью, которую играли эти женщины Древнего Рима, с их современными политическими двойниками в «подаче» семейного образа их мужей публике — так как политики все еще скорее являются мужьями, чем женами, — помогая дальнейшему их политическому продвижению, когда я объясняю, что делали Ливия и ее сестры по положению, первые леди Рима.

Поэтому мы увидим, например, как хвалили некоторых жен римских императоров за такую позицию, как поддержание доступного, открытого дома для своих подданных, за пожертвование одежды и личных вещей, чтобы помочь создать фонды для римской армии, и за культивирование скромной жизни — все в целях создания привлекательного образа правящего императора. Если мы рассмотрим некоторых женщин, для которых термин «первая леди» был создан первоначально, мы увидим подобные же образцы действий, про-

ходящие сквозь века и точно с такой же целью. Например, супруга первого президента Америки Марта Вашингтон начала традицию открытия в определенные дни официальной резиденции для посетителей – весьма подходящий жест для жены одного из отцов-основателей Американской республики; во время президентства Вудро Вильсона его супруга Эдит Вильсон продавала на аукционе шропширскую шерсть и жертвовала вырученные деньги на нужды Первой мировой войны. Мишель Обама следует по стопам дочери Эндрю Джонсона – Марты Джонсон Паттерсон и жены Рутерфорда Б. Хейза – Люси; первая пасла молочных коров на лужайке Белого дома, вторая держала открытыми для проверки свои щеки на одежду. Мишель Обама, посадив огород, продемонстрировала политически здоровое решение в чувствительные к экологии и экономически трудные времена, в которые принял присягу ее муж.

И как римские императрицы подвергались осмеянию за растраты или обвинялись противниками во вмешательстве в политику их мужей, за то же травят критикой многих современных первых леди. Мэри Линкольн и Нэнси Рейган обе попали в трудное положение из-за своей расточительности: первая – за неоплаченные счета за одежду в тот момент, когда многие семьи находились в трауре по родственникам, потерянным на американской Гражданской войне; последняя – когда в начале первого срока президентства ее мужа было объявлено о покупке для Белого дома китайского фарфора

на сумму более двухсот тысяч долларов буквально за день до того, как администрация ее мужа решила озвучить план программы по понижению стандартов на продукты для школьных завтраков.

А вот иллюстрация того, как и положительные, и отрицательные стереотипы можно применить к одной и той же первой леди: Мишель Обама просто последняя в длинном ряду президентских жен, которая взъерошила публику, четко выразив личное политическое мнение, приведшее в ее случае к формированию более мягкой роли «мамочки-начальницы», чтобы не рисковать отчуждением консервативно настроенных голосов^[11]. Хотя древняя и современная политические супруги безусловно находятся в разных мирах по условиям политических и социальных возможностей, открытых для них, модели феминизма, которые прошли сквозь века, во многом неизменны.

Действие в этой книге начинается накануне имперского века, как раз когда муж Ливии Август стоял у грани превращения в первого римского императора, а она – в первую императрицу. Тогда фактически были сделаны первые шаги в отборе женщин, которые последуют за Ливией в этой роли от I века вплоть до V, кульминацией здесь стала смерть одной из последних императриц Западной Римской империи Галлы Пласидии. Не все императрицы за столь долгий исторический период могут быть включены в список самых до-

стойных и интересных, и я решила сфокусироваться на тех, о ком сохранились наиболее богатые традиционные материалы и чьи истории наиболее важны для рассказа о римской истории.

Императорские жены являются центром большинства глав, но во многих случаях важную роль играют также дочери, сестры, матери и другие женщины, члены семей императоров – точно так же, как было и с первыми леди Америки, особенно в XIX веке, когда племянницы, сестры и невестки президентов часто должны были замещать супруг и хозяек Белого дома из-за нежелания собственной жены президента показываться на публике^[12].

Взгляд назад, в прошлое, может часто стать взглядом сквозь застывшее оконное стекло, за которым в неясном медленном танце двигаются нечеткие фигуры неясной формы и цвета. Это очень похоже на попытку взглянуть в мир женщин Рима. Время от времени образы и формы приближаются к стеклу, становятся резче, заставляя нас упорнее вглядываться в желание увидеть их ясно. Мы все стремимся удовлетворить свою потребность установить контакт с прошлым, встать там, где кто-то однажды уже стоял, дотронуться до чего-то, что она или он когда-то трогал. Мы можем никогда не узнать точно, кем были *реальные* Ливия, Мессалина, Агриппина и прочая компания, о чем они думали, что они чувствовали, были ли они такими черными или же столь святыми, как их рисуют. Но нельзя подавить радость, кото-

рую мы ощущаем в моменты открытий, которые приводят нас на один мучительный шаг ближе к этим людям: кремированные останки рабов, которые однажды складывали платья Ливии и наливали ей стакан любимого красного вина; богато украшенный дом, в котором когда-то жила в опале дочь Августа Юлия; разобранная кукла из слоновой кости, с которой могла играть однажды девочка, росшая в императорском доме; письмо, написанное юным римским императором и напоминающее о долгих вечерних беседах с матерью, когда она сидела в ногах его кровати.

Именно моменты, подобные этим, в соединении с нашим растущим желанием отразить существенную роль, которую женщины Рима играли на огромной римской сцене, привели к тому, что бледный музейный портрет с пустыми глазами начинает оживать снова.

Глава первая

Одиссей в юбке

Создание первой римской леди

Типичным свойством римской нации была грандиозность: ее добродетели, ее пороки, ее процветание, ее беды, ее слава, ее бесчестье, ее взлеты и падения – все было одинаково великим. Даже римские женщины, презирая ограничения, предписываемые их полу, что были свойственны варварству и невежеству других народов, соперничали героизмом и отвагой с мужчинами.

Мэри Хейз, «Женские биографии», т. 2 (1801) [13]

Похоже, пламя пришло ниоткуда, удивив тех, кто попался ему на пути. Смертельной полосой оно косило оливковые рощи и сосновые леса Спарты. Когда языки огня взметывались в ночной воздух, наполняя его едким запахом горячей смолы деревьев, сухие щелчки трещащих сучьев сопровождались паническими криками и тяжелым дыханием.

Через горящий лес спешили мужчина и женщина. Дорога была опасной; в одном месте волосы женщины и развевающийся край ее платья опалило огнем, но не было времени

оценить ущерб. Враждебные силы неслись за ними по пятам и торопили их вот уже много времени. Несколькими неделями раньше бегущую пару и их попутчиков чуть было не схватили, когда они попытались тайно взойти на корабль в порту Неаполя, плач их младенца-сына едва не провалил все дело.

Мужчину звали Тиберий Клавдий Нерон, а женщина была его семнадцатилетней женой, Ливией Друзиллой^[14].

Шел 41 год до н. э. Тримя годами ранее убийство диктатора Юлия Цезаря заговорщиками, действовавшими во имя свободы, бросило Римскую республику в гражданскую войну, разделив правящую элиту на два яростно враждебных лагеря – на сторонников убийц, Брута и Кассия, и на тех, кто поддерживал сторонников Цезаря. Среди последних были наиболее заметны назначенный его наследником 18-летний внучатый племянник Гай Октавий, известный иначе как Октавиан, и его заместитель Марк Антоний. Вместе с экс-консулом Марком Лепидом эти самозванные мушкетеры образовали хрупкое тройственное соглашение о разделе власти, известное как Триумвират, который сокрушил Брута и Кассия в битве при Филиппах в октябре 42 года.

Но Октавиан и Антоний вскоре рассорились, и римская элита вынуждена была опять заявлять о своей лояльности победителю. Годом позднее враждебные группировки яростно столкнулись, вынудив благородного Тиберия Нерона, который встал на сторону Антония, вместе с его юной женой

Ливией обратиться в отчаянное бегство. Началось смутное десятилетие ожесточенной борьбы партий, завершившееся битвой при мысе Акций в 31 году до н. э. – великим морским сражением, в котором Антоний, финансируемый своей египетской любовницей Клеопатрой, выступил против Октавиана, чтобы раз и навсегда решить судьбу Римской империи.

В первом акте, при начале этой великой драмы, Ливия Друзилла была лишь дополнением к толпе, невидимкой в обществе, где лишь нескольким женщинам было позволено сделать себе имя в качестве публичных фигур. Но во втором акте мужчина, чьи войска преследовали ее в Спарте, заменил Тиберия Нерона в качестве ее мужа, возведя ее в статус первой леди. И ко времени, когда пьеса дошла до своего великого финала, Ливия готовилась стать первой леди нарождающегося века Империи и матерью-основательницей династии Юлия Клавдия, который ее начал.

Может быть, самая могущественная и определенно одна из самых спорных и страшных женщин, исполнявших когда-либо эту роль, Ливия стала образцом, по которому мерили себя все последующие жены римских императоров. Ее внук Калигула позднее наградил ее прозвищем *Ulixes stolatus* – Улисс (то есть Одиссей) в юбке, намекая одновременно на греческого воина, известного своей хитростью, и используя слово *stola*, то есть платье, которое носили выдающиеся римские матроны^[15]. Ни в одной женщине лучше, чем в ней, не воплотились все западни и парадоксы, заключенные в при-

сутствии римской женщины в общественной жизни.

В отличие от своей египетской противоположности Клеопатры, при которой она вынуждена была играть вторую скрипку и в течение десяти последующих лет, и в исторической памяти, Ливия Друзилла не воспитывалась для роли члена императорской династии. Но не была она и аутсайдером для римского политического истеблишмента. Родилась она 30 января 58 года до н. э. в известной патрицианской семье Клавдиев, которая гордилась своим происхождением от троянского беженца Энея – одного из мифических основателей римской нации. Ливии было четырнадцать лет, когда 15 марта 44 года до н. э. Юлий Цезарь был убит, и среди римской элиты вспыхнула гражданская война^[16]. Клан Клавдиев, из которого она происходила по отцовской линии (ее мать, Альфидия, происходила из богатой, но менее аристократической семьи, обитавшей в прибрежном итальянском городе Фунди), занимал высокое положение на политической сцене с первых дней Римской республики в V в до н. э. и мог похвастать минимум двадцатью восемью консулами, пятью диктаторами и шестью триумфами². Еще одна дополнительная связь шла через отца к известной семье Ливиев, один из членов которой, Марк Ливий Друз, был популярным героем в итальянских областях, требовавших римского граждан-

² Публичная церемония признания заслуг для успешных полководцев. (Прим. ред.)

ства в начале I века до н. э.^[17] Такая блестящая родословная выделила юную Ливию в качестве ценного брачного объекта для любого соискателя на политическую власть – и успешный претендент должным образом явился в 43 году до н. э.^[18]

Тиберий Клавдий Нерон был представителем несколько менее родовитой ветви клана Клавдиев, он описывался в письме великого римского государственного деятеля Цицерона как «знатного рождения талантливый, выдержанный молодой человек». Он разумно наслаждался осторожным ростом римской экспансии в течение 40-х годов, заняв сначала пост квестора, а позднее претора – всего на ранг ниже самого высокого возможного политического ранга консула^[19]. Получив некоторую поддержку Юлия Цезаря, чьим флотом он успешно командовал во время Александрийской войны, он тем не менее переключил свою лояльность после убийства Цезаря, предложив свою поддержку его убийцам Бруту и Кассию. То же самое сделал и богатый отец Ливии, Марк Ливий Друз Клавдий, который годом позже окажется на стороне проигравших у Филиппи и совершит самоубийство в своей палатке. Тиберий Клавдий Нерон позднее перенесет свою лояльность к Марку Антонию.

Римская политическая иерархия все еще оставалась в смятении после смерти Юлия Цезаря, когда Тиберий Нерон, вопреки данному в 50 году до н. э. обещанию взять в жены дочь Цезаря Тиллию, решил жениться на своей родственнице Ливии. В свои пятнадцать лет она была, вероятно, лет

на двадцать моложе его – обычный возрастной разрыв между зажиточными супругами в римском обществе ^[20]. Скорее всего замужество было устроено для Ливии ее отцом, хотя римские матери иногда имели право голоса в подобном сватовстве ^[21]. По закону почти каждая римская женщина (за исключением шести девственных весталок – жриц, которые ухаживали за очагом богини Весты) целиком находилась во власти своего отца или хозяина дома, пока он был жив. Контроль отца обычно сохранялся даже после замужества, поскольку в ту эпоху, с I века до н. э. и далее, женитьба без *manus* начала все больше становиться общим явлением. Словом *manus* именовался полноценный контроль над средствами и имуществом. Другими словами, существовали браки, в которых женщина и, что более важно, ее приданое в форме денег и имущества оставались под законной юрисдикцией ее отца, а не супруга. Такой порядок стал нормой благодаря желанию любого богатого клана, подобного клану Ливии, сохранить свои владения нетронутыми и соблюсти целостность семьи, не позволяя ее членам попасть под контроль глав других семейств^[22].

Девушка в положении Ливии формально имела право отказаться от замужества – но только в случае, если сможет доказать, что выбором ее отца стал человек с дурными свойствами. Вероятно, немногие девушки были способны или стремились использовать эту возможность. Замужество было не только единственным уважаемым занятием для сво-

бодной римской женщины, но и социальной смазкой и клеем римской политической иерархии. Юные девушки-аристократки, такие как Ливия, которые имели мало возможностей познакомиться с достойным человеком вне своего узкого семейного круга, вряд ли могли многого ожидать не только от брака, но и от жизни в элитарной культуре, где замужество часто было не столько романтическим союзом, сколько средством установления социальных и политических альянсов между амбициозными семьями, альянсов, которые с таким же успехом могли опираться на зыбучие пески^[23].

Накануне ее пышной аристократической свадьбы Ливия прошла первую в серии церемониальных процедур, символизирующих ее переход от детства к взрослому состоянию и ее перемещение из дома отца в дом мужа. Римская невеста выкидывает детские вещи – свои игрушки и миниатюрную тогу, которую носила в подростковом возрасте, – и одевается в прямое белое шерстяное платье (*tunica resta*), полотно для которого сама ткет на особом ткацком станке. На следующий день эту простую белую тунику невесты перевязывают на талии шерстяным поясом, чей сложный геркулесовский узел в свое время будет развязан ее мужем. Ее длинные волосы, которые на ночь забирали в желтую сетку для волос, укладывались в простую прическу с использованием особой острой булавки для разделения волос на шесть тугих косичек, прежде чем их обвивали шерстяными лентами^[24].

Жених и гости обычно приезжали в дом отца невесты

в полдень. Хотя римские бракосочетания не были религиозным договором, в этот день имели место различные церемониальные обряды, включая принесение в жертву свиньи, чтобы обеспечить хорошие предзнаменования для союза. Брачующаяся пара обменивалась словами согласия, и брак закреплялся, когда замужняя женщина из гостей (*pronuba*) брала правые руки невесты и жениха и соединяла их. Контракт подписывался при свидетелях, и пару приветствовали пожеланием «*Feliciter*» – «Удачи». Затем свадебная церемония перемещалась с невестой и ее окончательным эскортом в новый дом, где ее муж выходил вперед, ожидая новобрачную.

Мы можем представить себе эту сцену, как и далекие звуки пения, отражающиеся эхом по всему городу на фоне звуков вечерних шагов и бормотания торговцев, запирающих на ночь свои лавки. Скользя вдоль маршрута процессии, сильно пахнущего горящими сосновыми факелами, флейтисты играли, пока хриплая компания, разгоряченная участием в свадебной церемонии, которую она только что покинула, следует мимо в высоких двуколках, распевая традиционные свадебные песни «Гимн Гименею» и «Таласию», разбрасывая горсти орехов бегущим рядом детям и любопытным местным жителям, которые вышли поглазеть на проходящую процессию.

В центре прижатой брачной фаты Ливии (*flummeum*) цвета яркого яичного желтка пламенел, как маяк в темноте, уло-

женный венок из вербены и сладкого майорана. Желтые в цвет ему туфли (*socci*), вероятно, расшитые жемчугом, то выглядывали, то прятались от глаз под опоясанной туникой, когда ее, держа за руки, вели два маленьких мальчика, отобранные из отпрысков женатых друзей семьи, – как обещание, как предвестники детей, которых однажды она принесет. Третий мальчик маршировал впереди с сосновым факелом. Вместо букета вдоль маршрута процессии несли веретено – символ ее новых домашних обязанностей.

Несмотря на присутствие этих безобидных символов роскошной замужней жизни, атмосфера была густой от юмора, доброжелательного, но скабрёзного, с массой рискованных шуток, а также перегруженных намеками песен, которые приходилось терпеть, пока невеста добиралась до дома жениха. Когда, наконец, шумный эскорт Ливии доставил ее к входной двери дома Тиберия Нерона, она обнаружила, что та украшена гирляндами цветов от ожидающего жениха. Как требовалось от нее, она церемонно смазала дверной косяк салом и прикрепила к нему клубки нечесаной шерсти – ритуал, проводимый для сохранения здоровья и достатка для себя и своего нового мужа. Наконец, молодые рабы-мужчины аккуратно перенесли ее через порог. Осторожность была необходима, потому что споткнуться в дверном проеме нового для невесты дома считалось дурной приметой.

После того как она оказалась внутри, после поднесения мужем ей в подарок огня (факел) и воды (в кувшине или дру-

гом сосуде), символизирующих ее ответственность как жены за готовку, стирку и ведение дома, другая замужняя женщина отвела ее в новую спальню до того, как туда был допущен жених для завершения брачной церемонии^[25].

Статус Ливии как совсем юной невесты был абсолютно нормальным. Девушки высшего класса в поздней Римской республике обычно вступали в первый брак совсем рано, иногда даже в двенадцать лет. Это продлеvalo их самые пригодные для деторождения годы в климате, где детская смертность была высокой. Производство детей, наиболее ценный вклад, который римлянки вносили в общество, было обязательным для женщины в положении Ливии – бездетность, вину за которую неизбежно возлагали на жену, а не на мужа, могла стать основанием для развода.

В глазах римских комментаторов положение римских матрон было неразрывно привязано к производству ими детей. Неудивительно, что первым упоминанием Ливии в истории Рима считается 16 ноября 42 года до н. э. – дата официального документального свидетельства о рождении ее старшего сына Тиберия, мальчика, чей крик позднее чуть не выдал укрытие его родителей, когда они бежали через греческий город-государство Спарту. Мальчика, который однажды станет императором Рима^[26].

Тиберий родился в доме на Палатинском холме, в самом лучшем жилом районе Рима. Благодаря близкому расположению к римскому Форуму, центру города, и его духовной

связи с ключевыми моментами в мифологическом римском прошлом, таком, как рождение близнецов – основателей города, Ромула и Рема, Палатин был идеальным домом для амбициозного политика, такого как Тиберий Нерон. Истинные *«Кто есть кто»*, создатели и сотрясатели поздней республики, от Цицерона до Октавиана и Марка Антония, тоже выбирали Палатин в качестве своей базы; Ливия, вероятно, сама выросла там в доме своего отца^[27].

За рождением женщиной ребенка в римском мире тщательно следили. С момента зачатия до кормления и отнятия от груди матери предлагался поток советов, некоторые основывались на теориях уважаемых медиков-практиков, некоторые коренились в суевериях и знахарстве. До того как появился малыш Тиберий, Ливии предлагались различные методы опытных жен, чтобы попытаться наверняка родить сына – включая выведение цыпленка в руках и сохранение его теплым в складках платья, где он в должное время превратится в гордого петуха с гребнем, предопределяя появление младенца-мальчика^[28]. Более прагматичный, хотя равно ненаучный совет медицинских экспертов вроде Сорана, записанный несколько позднее, уже во II веке, рекомендовал, что лучшее время для зачатия – в конце менструации, после легкого завтрака и массажа.

Домашние роды были единственно возможными, и у богатой роженицы, такой как Ливия, комната была наполнена женщинами; в богатых домах несколько акушеров тогда на-

ходились в постоянном штате. Мужья в комнате для родов не присутствовали, хотя отец Октавиана, Гай Октавиан, как сообщали, опоздал к голосованию в Сенате в 62 году до н. э., когда рожала его жена Атия. О посещении мужчинами врачей почти не сообщается. Замечательная терракотовая надгробная плита из Изолы Сакры возле римского порта Остия предлагает нам необычайный вид римской женщины в процессе родов. Акушерка (которой, вероятно, и посвящен этот грубо высеченный похоронный рельеф) согнулась на низком стуле перед рожаящей женщиной, голой, крепко вцепившейся в подлокотники кресла для родов; торс роженицы поддерживает другая женщина, стоящая позади нее. Из других медицинских источников мы знаем то, что не показывает рельеф – в сиденье такого кресла существовала серповидная дыра, через которую ребенка принимала сидевшая на корточках акушерка^[29]. Неприятного вида вагинальный расширитель, сделанный из бронзы, был найден в руинах Помпеи, такие приспособления могли использоваться для проверки родового канала в случае осложнений. Если следовать совету, записанному Сораном, под рукой находились горячее масло, вода и компрессы, а воздух наполняли запахом трав – таких, как мята болотная, а также свежих цитрусовых, чтобы облегчить самочувствие измотанной матери^[30].

В античности роды были опасными и для матери, и для ребенка. По оценкам, около четверти младенцев умирало до первого дня рождения, а похоронные эпитафии на клад-

бищах часто звучат траурными песнями матерям, которые умерли в родах^[31]. Но в случае успешного разрешения, как в случае удачного рождения Тиберия шестнадцатилетней Ливией, дом вскоре заполнялся поздравляющими, друзьями, хлопающими по спине гордого отца, и есть письменные свидетельства, что родившие женщины получали помощь от женщин – членов их семьи^[32].

Через девять дней для ребенка устраивался день церемониальных очистительных ритуалов, называемый *lustrate*, во время которого он или она получали официальное имя^[33]. Публичный осмотр не заканчивал вопроса воспитания ребенка. Несмотря на тот факт, что большинство женщин из элиты, судя по всему, передавали своих детей кормилице, многие древние источники критиковали эту практику и настаивали, чтобы женщины сами кормили своих младенцев грудью. Описание II века говорит о философствующем наблюдателе по имени Фаворин, критикующем мать девочки за попытку лишить дочку крайне необходимого вскармливания грудью вскоре после рождения, настаивая, что моральный облик ребенка будет испорчен молоком иноземной рабыни-кормилицы – которая в придачу может быть склонна к вину. Затем он раскрывает мысль до конца:

«Как же неестественно, неправильно и не по-матерински родить ребенка и сразу же отослать его от себя? ... Или, может быть, вы думаете... что природа дала женщине соски для красоты, а не с целью вскармливания детей, лишь

как украшение груди?»^[34]

Интеллектуальные критики, вопреки гинекологическому руководству Сорана, рекомендовали измотанной матери кормилицу. Но высмеивание женщин, которые не хотят выдержать испытание и испортить деторождением фигуру, было традиционно для общества с долгой, окрашенной в розовый цвет памятью. Именуемая женским нарциссизмом, эта практика изображалась критиками как явный контраст с добрыми старыми днями раннего Рима, когда Корнелия, уважаемая матрона II века до н. э., как говорят, обходилась без наемной помощи и растила своих детей «у груди» и «на собственных коленях»^[35].

Древняя биография Тиберия говорит, что Ливия сама наняла кормилицу, или *nutrix*, чтобы та заботилась о ее сыне, — это один из очень немногих штрихов, который есть у нас об этом периоде ее жизни^[36]. И все-таки он важен, так как проникает непосредственно в суть римского представления об идеальной женщине, создавая критерий, по которому судили Ливию и ее преемниц как первых леди Рима. Женщины редко заслуживали похвалу в древних записях о действиях в собственных интересах; скорее их хвалили за содействие интересам их мужей и сыновей и за добавление через них славы Риму. Корнелия, как мать политических популистов, братьев Тиберия и Гая Гракхов, восхвалялась за управление ими в детстве, воспитание их красноречивыми ораторами и морально образцовыми молодыми людьми, вскормленными

на материнском молоке. Таким же образом детали воспитания Ливией Тиберия сохранились не потому, что древние биографы были заинтересованы в личности Ливии, а потому, что было важно понять, как воспитание ею Тиберия могло отразиться на взрослом человеке и императоре, которым он со временем станет.

Эти обзоры еще не были написаны, когда родился Тиберий. На этой стадии, несмотря на впечатляющее фамильное древо, Ливия все еще оставалась пешкой среди огромного числа статистов в великом историческом повествовании об этом бурном периоде римской истории. Но разворачивающиеся политические события и устремления ее мужа вскоре продвинули ее ближе к центру действий.

На фоне общей победы Марка Антония и Октавиана над Брутом и Кассием при Филиппах в 42 году до н. э. – победы, которая состоялась в результате самоубийства отца Ливии, – медовый период для хитрых соперников не продлился долго. Взаимоотношения между харизматическим боевым ветераном и амбициозным политическим вундеркиндом всегда были браком по расчету. По возвращении со сцены, где была одержана победа, Антоний отправился управлять своей долей территории на востоке Римской империи. Третьему триумвиру, Лепиду, осталась провинция в Африке, а Октавиану достались Италия – и трудная задача вернуть землю и снова перераспределить ее среди своих солдат, которым была

обещана награда за поддержку триумвиров в борьбе против Брута и Кассия. Очень скоро между лагерями Октавиана и Антония началась холодная война, которая в течение последующего десятилетия проявила некоторые признаки перехода в горячую стадию.

Лепид остался несколько в стороне от этой борьбы, измотанные борьбой правящие классы оказались под давлением, вынужденные объявить о своей лояльности одному из соперничающих кандидатов. Вскоре Тиберий Нерон сделал свой выбор, вывесив свой флаг на мачте Антония. Ливия с их новорожденным сыном, укрывшиеся в 41 году до н. э. вне Рима, направились в Перузию (современная Перуджа) в Центральной Италии, где отыскиали жену Антония, Фульвию, и его брата Луция, пытавшихся направить против Октавиана недовольство тех итальянцев, чьи земли были переданы в другие руки^[37].

Третья жена Антония, Фульвия, была сомнительно необходимой фигурой в этой кампании. Характерное покушение на нее, описанное в древних источниках, подсказывает нам, что имелось про запас для других *femmes dangereuses* имперской эры. Рим был агрессивно милитаристским обществом, которое воспринимало войну как высший подвиг. Присутствие женщины на передовой линии ослабляло ее, делая Фульвию первой мишенью для противников Антония, которые использовали для своей пропаганды факт присутствия женщины, выполняющей на поле боя действия своего му-

жа. Недавние археологические открытия в Перудже и находки метательных снарядов, запускавшихся во время противостояния враждебных сторон, позволяют нам прочувствовать вид использовавшейся риторики. Находки включали баллистические орудия, на которых были нацарапаны унижительные оскорбления в адрес Фульвии: «Рвусь к твоему лону, Фульвия» или «Бедняги Луций, Антоний и Фульвия, подставляйте свои зады»^[38].

Отзывы о Фульвии в анналах римской истории едва ли более лестны, чем эти грубые надписи^[39]. По словам одного древнего историка, после смерти самого резкого критика Антония, Цицерона, Фульвия потребовала принести ей его голову и проткнула уж очень шустрый язык великого оратора своей золотой шпилькой для волос – импровизированный женский вариант кинжала или меча. Это создало ей репутацию жуткого гибрида женского и мужского естества. Октавиана тоже подозревали в авторстве непристойной поэмы о ней, в которой он заявлял, что Фульвия, недовольная отношениями Антония с другими женщинами, умоляла Октавиана: «Сразись со мной или поимей меня» – но он это приглашение насмешливо отклонил^[40].

Для римской женщины быть замеченной на традиционно мужской территории, подобной той, на которой действовала Фульвия, не вело автоматически к ее осуждению. Сильно идеализированная история города в своей мифологической части пестрит историями о женщинах, подобных юной Кле-

лии, прославляя ее за спасение группы женщин, заложниц этрусского короля Порсены, которых она уговорила переплыть с ней через Тибр под градом вражеских копий. Ее все-народно отблагодарили, воздвигнув статую на Аппиевой дороге, — честь, доступная во время Республики почти исключительно одним мужчинам. Других женщин, и литературных, и реальных, хвалили за их «мужскую» храбрость при совершении самоубийства. Наиболее заметной в этой группе была Лукреция, изнасилование которой Секстом Тарквинием, сыном римского царя Тарквиния Гордого, стало толчком для свержения монархии в 509 году до н. э. и основания Республики на выраженных демократических принципах. Лукреция заслужила вечную похвалу и стала ролевой моделью для римских женщин за то, что после изнасилования поразила себя в сердце, не позволив скомпрометировать свою чистоту и принести бесчестие своему отцу и мужу.

Были и еще женщины, что напрямую вмешивались в конфликт между воюющими мужчинами, выступая как посредники в установлении мира. В ответ на мольбы других римских матрон города Ветурия и Волумния начали переговоры об уходе от городских ворот Кориолана, сына и мужа соответственно, угрожавшего вторжением в Рим в V веке до н. э. Когда похищение сабинянок самыми первыми римскими поселенцами стало угрожать возникновением войны между горожанами и их соседями, именно мольбы женщин привели к миру.

Все эти легенды возникли в римской истории во времена суровых перемен, когда свергали тиранов или разрушали их планы, восстанавливая естественное течение дел. Существовало высказывание, что если бы все женщины были так целомудренны, как Лукреция, так храбры, как Клелия, и так мудры, как Ветурия и Волумния, Рим никогда бы не попал в ловушку порока, коррупции и деспотизма, что столь ярко проявлялись в различные моменты его истории^[41].

Как правило, женщины вроде Фульвии и Клеопатры, вторгавшиеся на эксклюзивно мужскую политическую и военную территорию, рассматривались как предвестники перемен. Разделительная линия между женской сферой домашней жизни и публичным миром мужчин была строго зафиксирована, и горе любой женщине, ощутившей, что переступила ее. Одной такой фигурой республиканской эры стала Клавдия Метелла, упомянутая в судебной речи, произнесенной в 56 году до н. э. Цицероном, когда он защищал ее бывшего любовника, Целия Руфуса, за попытку убить ее. Цицерон заявил, что голословное обвинение было сфабриковано братом Клавдии, Клавдием, с которым Цицерон имел давнюю вражду. Цицерон опорочил статус Клавдии как свидетельницы, заявив, что она входила в шумную, пьющую и развратную компанию, что жила на популярном морском курорте Байя, к югу от Рима. Самое страшное слово, которое он использовал, было «печально известная» – подразумевая, что Клавдия нарушила неписаное правило римского обще-

ства, диктовавшее обязанность женщины быть видимой, но не слышимой^[42].

Однако прежде всего реальной целью таких выпадов были мужчины, так или иначе оказавшиеся в зависимости от вторжения женщин в публичную сферу – согласно римским понятиям о мужественности, они представлялись слабыми и женственными, неспособными содержать в порядке собственный дом. По крайней мере, именно такие эмоции прятались за описанием Фульвии как *«женщины, которая не занимается прядением и домом, ей не интересно установление власти над мужем, который является простым горожанином, она хочет править правителем и командовать командиром – и следовательно, Клеопатра должница Фульвии в том, что учила Антония подчиняться женщине»*^[43]. Полностью противоположные эпитафии на гробницах женщин этого периода прославляли исполнительниц домашней роли, которые все без исключения рожают детей, любят своих мужей, ведут дом, прядут шерсть и могут поддержать разговор, но знают свое место^[44]. Для римского образа мышления сидящая с веретеном домохозяйка была идеалом женщины, слепленным в образе героической мученицы Лукреции, которая ткала за своим ткацким станком, когда ее насильник впервые увидел ее. Контраст между нею и бесстыжей Фульвией не мог быть более ярким.

В конце концов кампания Фульвии и Луция по привлечению оппозиции Октавиану на сторону Антония была по-

давлена в начале 40 года до н. э., когда войско Октавиана осадило их лагерь, заставив восставших хаотично отступить, увлекая за собой и Тиберия Нерона с Ливией. Следующий год их жизни прошел в изгнании, в странствиях, и маршрут их неясен. Вынужденные сначала переместиться на курорт Пренесте восточнее Рима, они двинулись оттуда до Неаполя, а затем на Сицилию, где муж Ливии надеялся получить защиту от другого изменника – Секста Помпея, использовавшего остров как свою базу после бегства с места поражения своего отца Помпея от войск Юлия Цезаря. Но Октавиан начал попытки помириться с Секстом Помпеем, и Ливии с Тиберием Нероном пришлось уехать в Грецию, где Спарта, похоже, наконец-то оказала паре эмигрантов теплый прием – вероятно, благодаря имени Клавдия, семейство которого имело интересы в этом регионе. Когда место, где они скрывались, было раскрыто, им пришлось бежать через горящие леса Спарты^[45].

Таковы были беспокойные обстоятельства первого вступления Ливии в рушащийся мир поздней Республики. Более красочные детали – горящее платье и волосы, когда она бежала через пылающий лес, ее отчаянные попытки успокоить кричащего сына, читаются сейчас почти как предыстория к биографии политического кандидата, как хроника борьбы против трагических обстоятельств.

Невозможно не удивляться тому, что юная Ливия сделала в ее ситуации. В отсутствие первичных или даже вторичных

источников мы никогда не узнаем, была ли она добровольным соучастником политических амбиций Тиберия Нерона или же просто его пассивным сообщником, чьей единственной возможностью было покорно следовать по стопам мужа? Рисунки из Помпеи, относящиеся к I веку, на которых римские женщины, хотя сами и лишённые права голоса, оказывают поддержку определенным выдвинутым кандидатам, и действенный пример, поданный республиканскими матронами, такими как Фульвия, показывают, что женщины могли оказывать поддержку политическим акциям своих мужей^[46].

Несмотря на римскую концепцию публичных выступлений как еще одного чисто мужского действия, женский протест не оставался не услышанным. Самый известный инцидент имел место за год до осады Перузии в 42 году до н. э., когда дочь одного из великих ораторов, Гортензия, произнесла речь против введения триумвирами налога на богатых женщин Рима, чтобы расплатиться за войну с Брутом и Кассием, – налога, позднее частично отмененного. Ливия, теперь, когда ее отец умер и она стала *sui iuris* (независимой, свободной от надзора опекуна, который следил за ее делами), могла законно оставить Тиберия Нерона, если бы захотела. Но, наоборот, она осталась с мужем и вела себя таким образом, что даже тот, кто обличал ее в более поздние годы, признавал благородным поведение женщины в этот период. Это подтверждает историк Тацит, который с одобрением писал о добродетелях, проявляемых женщинами в бурные времена,

«сопровождая своих детей при побегах [и] следуя за своими мужьями в ссылку»^[47].

Тем не менее брак с Тацитом Нероном, при всей его впечатляющей жертвенности, никогда бы не принес Ливии больше, чем просто упоминание их побега в анналах римской истории, если бы не другая женщина, которая временно оказалась в свете общественного внимания.

Пытаясь залатать трещины в своем хрупком союзе, Октавиан и Антоний теперь согласились прекратить войну в Перузии и установить перемирие. В октябре 40 года до н. э. в порту Брундизий (Бриндизи) на Адриатическом побережье Италии были согласованы условия мирного договора, который подтвердил передачу восточных провинций империи Марку Антонию, а западных провинций Октавиану, в то время как третий член, Лепид, был отправлен в африканские провинции, подальше от эпицентра действий.

Чтобы скрепить договор, Октавиан воспользовался опытом своего двоюродного деда Юлия Цезаря, предложив противнику свою недавно овдовевшую старшую сестру Октавию, которая тринадцать лет назад уже послужила для подобной сделки, будучи предложена Цезарем своему сопернику Помпею (но была отвергнута последним). Фульвия умерла годом раньше от болезни, когда пыталась присоединиться к Антонию в Греции. Это убрало все препятствия с его стороны. И хотя римские традиции рекомендовали со-

блюдовать десятимесячный траур после смерти в мае предыдущего мужа Октавии, Гая Клавдия Марцелла, прежде чем она снова выйдет замуж, политические нужды ее брата не могли ждать. Антоний принял предложение. Договор и сопровождающий его брак гарантировали мир между Антонием и Октавианом, а 29-летняя Октавия стала клеем, скрепившим пакт^[48].

Октавия была спокойной женщиной эры римских политиков, ныне ее помнят в основном как пассивного наблюдателя, играющего роль фона для куда более яркой и экзотической соперницы – Клеопатры. В своей трагедии «Антоний и Клеопатра» Шекспир описывает ее как «святость, холодность и спокойствие в речи», намекая, что именно ее фригидность кинула Антония в руки «египетской красавицы». А недавняя телевизионная драма о Римской империи изобразила ее как грустную мокрую ледышку, безвольную пешку в планах ее матери-интриганки Атии^[49].

Но в древности репутация Октавии была более впечатляющей. Вслед за вдохновенными панегириками от ее брата Октавиана, ее представляли женщиной, чья красота, честь и благоразумие вполне успешно могли привлечь блуждающий взгляд повесы Антония. Кроме того, она показала себя хорошей матерью. Через три года после Брундизия она родила двух дочерей, Антонию Старшую и Антонию Младшую, которых она вырастила вместе со своим сыном и двумя дочерьми от первого брака, а также двумя пасынками от брака

Антония с Фульвией – итого семь детей^[50]. В общем, Октавия в глазах римлян была великолепным образцом женщины и супруги, противостоящим образам дурных женщин типа Клеопатры или Фульвии, повторением образа матери, как Корнелия – тем, чьему примеру положено было следовать другим женщинам ее поколения.

Но в одном важном моменте роль, предназначенная Октавии при замужестве с Антонием, представляла собой разрыв с прошлым. Вскоре после их свадьбы Антоний выпустил на монетных дворах, работавших в различных восточных городах, находящихся под его контролем, серию золотых, серебряных и бронзовых монет, изображающих его и его новую невесту. Крохотные, с ноготь, образцы этих монет сохранились, демонстрируя головы Октавии и Антония. Портреты пары отчеканены или отдельно на оборотной и лицевой стороне, или вместе, с накладывающимися профилями.

Выпуск этих монет был сильным шагом. Демонстрируя новый династический альянс, связывающий две половины империи в показной счастливой гармонии, монеты делали Октавию первой явно распознаваемой живой женщиной, законно появившейся на официальной римской монете. Насколько известно, впервые образ римской женщины оказался рядом с мужем, поддерживая его политические верительные грамоты^[51].

Выбор монеты как средства публичной демонстрации для римской женщины был особенно действенным. Монеты дуб-

лировали и распространяли этот образ в огромных количествах, быстро находя путь в ладони и кошельки подданных. Вообще-то первый публичный портрет Октавии находился в рамках существующих римских традиций, изображая ее как хорошую и преданную жену, спокойную поддержку для мужа. Даже ее прическа была демонстрацией: тщательно собранная укладка, известная как *nodus* (то есть «узел»), с ясно различимым валиком волос, уложенным над лбом. Такая высокая прическа с валиком была очень модной в среде как обеспеченных, так и менее богатых женщин I века до н. э. Ее сдержанная строгость предполагала пристойный образ уважаемой римской жены и матери, и это был тот образ, из которого Октавия никогда не выходила за всю свою жизнь – по крайней мере на официальных портретах^[52].

Но, несмотря на успокаивающее наличие *нодуса*, монеты, выпущенные после Брундизия, нарушали статус-кво, который ранее не предусматривал изображение живой женщины на государственной иконографии. Портреты женщин появлялись на монетах в восточных провинциях империи – но никогда на монетах, выпущенных самим Римом^[53]. Для Сената изображение женщины на монете, выпускаемой, чтобы представить власть Рима подданным, было поразительной инновацией. Вскоре Октавиан использует это, чтобы ударить противника его же оружием^[54].

Однако пока монеты напоминали подданным о единстве изображенной на них пары – и единстве в сердцах триумви-

рата, а Октавия играла роль цемента, скреплявшего все сооружение. Некоторое время царила иллюзия, что эти ранее жесткие противники играют в счастливую семью, а перемирие, заключенное в Брундизии, пролило масло на тревожные воды средиземноморской политики.

В рамках условий отдельного курса, проводимого Антонием и Октавианом по отношению к Сексту Помпею, обосновавшемуся на Сицилии, людям, выступившим против триумвиров, было позволено вернуться из ссылки без репрессий. Эта амнистия, наконец, позволила Ливии с мужем и сыном закончить неудобную жизнь в бегах. Они вернулись в Рим в 39 году до н. э. Однако в качестве наказания за нелояльность некоторым противникам триумвиров была возвращена только четверть их конфискованного имущества. Тиберий Нерон был среди тех, кому было определено такое наказание. Это, безусловно, означало конец любых перспектив яркой политической карьеры для мужа Ливии и стало чем-то вроде ухода на пенсию, знаком, посланным бывшему претору. Но жизнь Ливии уже собиралась сделать удивительный поворот^[55].

Когда Антоний в октябре уехал на восток с новой женой, его юный шурин пересмотрел свои брачные планы. Сын респектабельного, но незаметного семейства всадников, чьи связи с Юлием Цезарем через его мать являлись единственной претензией на высокое положение, необычайно амбициозный Октавиан больше всего нуждался в выгодной же-

нитьбе. Годом ранее, в 40 году до н. э., он женился на Скрибонии, дважды разведенной женщине на десять лет старше него. Этот брак был обусловлен ее тесными семейными связями с сицилийским изменником Секстом Помпеем, с которым Триумvirат в это время пытался прийти к соглашению. Предыдущая женитьба Октавиана на дочери Фульвии, Клавдии, была расторгнута, когда он сразу же после этого рассорился с отчимом Клавдии, Антонием. Перед этим Октавиан имел как минимум еще одну разорванную помолвку – демонстрируя скорость и легкость обручения, развода и повторного брака в среде римской элиты в той обстановке, когда мужа, отцы и братья, нуждаясь в составлении системы союзов между влиятельными семьями, использовали родственниц-женщин в качестве валюты^[56].

Но к концу 39 года до н. э., демонстрируя, как легко заключать и разрывать подобные союзы, Октавиан развелся со Скрибонией – через несколько часов после того, как она родила их единственную дочь Юлию – и пригласил беременную бывшую жену одного из своих политических противников переехать к нему в качестве будущей невесты. Этой беременной женщиной была Ливия. Год, который она начала в политической ссылке, закончился для нее в качестве супруги одного из двух самых влиятельных людей в мире^[57].

Встреча этой пары, бросившей своих приличных супругов, стала предметом сильнейшей путаницы и бурных дискуссий. Позднее Октавиан так писал о своем внезапном ре-

шении развестись со Скрибонией всего лишь после года брака: «Я не мог переносить ее ворчание»^[58]. Его критики, такие как Тацит, который рассматривал события прошлого с выгодной позиции следующего века, заявляли, что, наоборот, Октавиан был пленен и соблазнен красотой Ливии и украл ее у Тиберия Нерона силой. Едкие письма от Антония его сопернику, сохраненные его имперским биографом Светонием, намекают, что Скрибонии было указано на дверь за слишком громкий протест из-за появления соперницы и что Октавиан был настолько распутным, что однажды даже соблазнил на обеде жену своего гостя, растрепав ей волосы и вернув ее к столу с пылающим лицом. Возможно, это и была Ливия, хотя точной информации у нас нет^[59]. Однако другие источники изображают Тиберия Нерона не столько обманутым мужем, сколько добровольным соучастником: якобы он даже заявил, что заменит отца своей бывшей жены на церемонии бракосочетания, а потом присоединился к празднованию^[60].

Еще большая интрига окружает тот факт, что во время ее второй помолвки осенью 39 года до н. э. Ливия была уже на шестом месяце беременности вторым сыном, Друзом, которого она родила 14 января 38 года до н. э., уже живя под крышей Октавиана. У нее было всего три дня, чтобы оправиться от родов, прежде чем 17 января состоялась свадебная церемония^[61]. Предсказуемо, что беременность Ливии дала пищу острым языкам. Известное желание Октавиана соблю-

сти приличия, даже обращение за консультацией к жрецам о возможности женитьбы на беременной женщине, не оставило неизбежных спекуляций об отцовстве Друза, вылившись в саркастическую эпиграмму, которая веселила население Рима:

«Везет же тем родителям,
Ребенок у которых
Лишь три месяца в утробе!»^[62]

Анекдоты, окружавшие их союз, смущают глубиной подробностей; историками было выдвинуто несколько теорий в попытке распутать тугой узел этой истории. Топливо для слухов о незаконнорожденности Друза могли подбрасывать острые на язык союзники Антония. Другие доказывали, что собственные сыновья Тиберия Нерона позднее могли попытаться очиститься от предположений, что их отец был в некотором роде рогоносцем, распространяя сведения о его согласии на все акции^[63]. Оба варианта правдоподобны, так как и тот и другой давали римскому истеблишменту возможность поставить дымовую завесу над неудобным историческим эпизодом.

За сохранением таких историй ясно проступает другая тема. Те, кто читал или слушал рассказы об уходе Ливии у Тиберия Нерона, должны были обратить внимание на мужественные проявления соперников – ось, на которую нанизывались все римские политические баталии. Некоторые хоте-

ли изобразить Тиберия Нерона человеком высокой морали, другие делали заключение, что Октавиан из них двоих более мужественный^[64].

Но по крайней мере одно твердое заключение о мотивах брака Октавиана и Ливии сделать можно. Доказанная способность Ливии к деторождению, как и ее фамильное древо, были бесценными качествами для ее нового мужа. Родство Октавиана с убитым диктатором Юлием Цезарем открывало множество дверей при его продвижении вверх по политической лестнице, – но его собственная ближайшая семья однозначно принадлежала к среднему классу, оставляя его мишенью для насмешек римской политической аристократии, которая быстро улавливала запах буржуазности. Женитьба на Ливии с ее безупречной семейной родословной, связывающей две знатнейших и наиболее уважаемых римских политических династии, Клавдиев и Друзов, могла эффективно заткнуть рот всем критиканам. Такие соображения не могли пройти мимо Октавиана при повороте его внимания на жену одного из своих противников.

Возражал или не возражал Тиберий Нерон против того, что его отодвинул от бока собственной жены более молодой соперник, протестовать было бесполезно. Его звезда закатилась, его политическое влияние в Риме было почти исчерпано, он потерял большую часть своей собственности в изгнании – полный контраст с блестящим взлетом Октавиана, стоящим теперь в одном шаге от сбора всех карт в его им-

перской колоде. Сдаться с хорошей миной в такой ситуации было, вероятно, наилучшим вариантом. Отойдя от дел, Тиберий Нерон тихо прожил еще пять лет после развода и умер около 32 года до н. э., назначив Октавиана опекуном обоих своих сыновей. Дети жили с Тиберием Нероном с момента развода, как предписывалось римским законом, который обычно отдавал детей на попечение отцов^[65]. В должное время девятилетний Тиберий взошел на место оратора на римском Форуме, чтобы произнести похоронный панегирик своему отцу.

Скрибония ушла в тень и, похоже, никогда больше не вышла замуж – хотя прожила далеко за восемьдесят, достигнув очень пожилого возраста для этого времени. Не ясно, позволили ли ее маленькой дочери Юлии остаться с ней или она ушла к отцу; детям позволяли оставаться с матерями, когда так было удобно. Из-за младенческого возраста Юлии и политических забот Октавиана, возможно, девочку оставили на попечении матери^[66]. Однако история Скрибонии драматически интересна благодаря дальнейшей жизни Юлии. Недружелюбный портрет, данный Октавианом бывшей жене, как сварливой ворчунье, остается самым известным ее описанием, но другие авторы древности восторгались ею. Философ Сенека называл ее *gravis femina* («серьезная» или «достойная» женщина) за ее умный совет, данный много лет спустя опозоренному внучатому племяннику о том, как принять наказание по-мужски. Поклонник одной из ее дочерей

от более раннего замужества обращался к ней ласково «дорогая мать Скрибония»^[67]. Это был популярный эпитет для некрологов – но ее беспредельная преданность как матери действительно осталась ее самым замечательным наследием.

Домом для сыновей Ливии от Тиберия и для ее пятилетнего Друза после смерти их отца в 32 году до н. э. стало элегантное, пусть и относительно скромное серое каменное строение на Палатинском холме, занятое их теперь 26-летней матерью и новым отчимом. Дом был конфискован Октавианом во время кампании объявлений вне закона после битвы при Филиппах у семьи Квинта Гортензия, знаменитого оратора и великого соперника Цицерона, который скопил богатство как юрист и со временем оставил виллу в наследство своей дочери Гортензии и ее сыну Квинту Гортензию Горталу. Оба были яркими противниками Октавиана. Гортензия, которая унаследовала отцовский дар ораторства, стала героиней для республикански настроенных женщин XVIII века, таких как британский историк Кэтрин Маколи³ (которую столь обожала первая леди Америки Эбигайл Адамс и другие американские дамы-писательницы) – за ее противостояние Октавиану и его планам обложения налогом богатых

³ Кэтрин Маколи (1731–1791) – первая британская женщина-историк, автор восьмитомной «Истории Англии» (1763–1783). Придерживалась либерально-республиканской направленности, ей принадлежит фраза «Каждая деталь республиканского правления лучше, чем любая деталь монархии» – поэтому она была популярна в ранних Соединенных Штатах. (*Прим. ред.*)

римских женщин в 42 году до н. э. Брат Гортензии погиб при Филиппах, сражаясь за Брута и Кассия. Забрав себе их фамильный дом, Октавиан не только посыпал солью их раны, но и объявил о своей победе при Филиппах самым очевидным возможным образом^[68].

В литературе сохранились лишь слабые следы о действиях Ливии в качестве жены Октавиана в течение следующих десяти лет. Но мы можем набросать картину богатой жизни римской матроны, выдвинувшейся в первый круг республиканского римского общества. Источником, например, могут быть письма Цицерона, посвященные впечатлениям о домашних шутках и очаровательных светских сценках, в которых проводили время женщины из высшего света, – вроде его собственной жены Теренции, чье огромное личное состояние использовалось для финансирования политической карьеры Цицерона и для организации жизни его дочери Туллии, когда-то предмета ухаживаний Тиберия Нерона^[69].

Написанные за два десятилетия до жестокого убийства в 43 году до н. э., письма Цицерона, в основном адресованные его близкому другу Аттику, создают радостный портрет идиллической семейной жизни. Мы видим упоминания о Теренции и Туллии, совершающих долгие, ленивые летние прогулки по семейным хорошо ухоженным имениям у моря в прибрежных курортных местах, таких как Антиум к югу от Рима, – такие развлечения на отдыхе были особенно популярны у имперской аристократии. Городская жизнь то-

же предлагала женщинам много развлечений. Хотя им было запрещено входить в общественные здания, такие как Сенат, римские женщины имели относительную свободу передвижения, особенно по сравнению с их предшественницами, изолированными от общества афинскими женщинами. Помимо женских религиозных собраний, таких как ритуалы Благой Богини (*Bona Dea*), существовало множество развлечений – посещения театров и общественных игр, на которых, в отличие от более поздних лет, женщинам позволялось сидеть с мужчинами. Это давало возможность не только наслаждаться зрелищем, но и общаться с друзьями; как заметил ехидный поэт Овидий несколькими годами позднее, цирк был отличным местом затевать любовные дела. Он советовал своим читателям пытаться обмахивать предмет своего ухаживания программкой, чтобы завоевать ее улыбку^[70].

Затем были званые обеды, на которых строили планы, принимали гостей и наносили ответные визиты. В отличие от классических афинских дам, уважаемые римские женщины ели, откинувшись на кушетках, рядом с мужчинами – хотя на избыточное потребление женщинами вина смотрели неодобрительно^[71]. Одно из немногих имеющихся у нас упоминаний о занятиях Ливии в 30-е годы говорит, что в 36 году до н. э. она, ее дети и Октавиан устроили государственный банкет, отмечающий окончательную победу над Секстом Помпеем, – все иллюзии о перемирии с которым рассеялись после развода Октавиана со Скрибонией. Последова-

ло несколько морских столкновений, прежде чем Секст был разбит помощником Октавиана, Марком Агриппой, в битве при Навлохе. Если вслед за публичными торжествами следовал традиционный обед с протоколом, то Ливия должна была приглашать гостей-женщин, а Октавиан – мужчин^[72]. Так как мужчинам дозволялось посещать приемы в одиночку, а женщин должны были сопровождать кто-то из мужчин, вероятно, число гостей-мужчин зачастую превосходило количество женщин. Как и на подобных смешанных приемах в XIX веке, женщинам приходилось ограничивать свои разговоры приемлемыми темами и не пытаться вступать в мужские беседы на такие темы, как, например, обсуждение современных поэтов. Но иногда им позволялось оставаться на послеобеденные мероприятия – например, литературные чтения, выступления фокусников и даже шутов, хотя на некоторых приемах не одобрялось, если женщинам позволяли смотреть эти представления^[73].

Как и у Теренции, ежедневная рутинная жизнь Ливии вращалась в основном вокруг дел ее мужа, которые доминировали, во всяком случае в первую половину дня, из-за *salutatio* – обязательных ежедневных приемов, которые начинались на восходе и представляли собой бесконечный поток друзей и клиентов, толпой приходящих к порогу всех выдающихся политиков вроде Цицерона и Октавиана. Посетители искали их помощи или совета во всевозможных личных и деловых вопросах. Цицерон писал, что ненавидит эти ежедневные за-

нения, жалуясь Аттику, что единственный отдых для него – это пребывание с женой и детьми. Ожидалось, что в это время женщины элиты проводят утро, давая задания прислуге и проверяя, как ведется домашнее хозяйство. Наверняка не известно, принимали ли женщины конца Республики, вроде Ливии и Теренции, во время утренних *salutati* своих посетителей – но Ливия наверняка выполняла это в период имперской эры. Но мы точно знаем о предложениях к женщинам нанести визит вежливости. Время от времени женщины даже принимали доверенных посетителей-мужчин без сопровождения, как делала это жена Аттика, Пилия, когда однажды одолжила виллу Цицерона на озере Лукрин на время летнего отпуска, проводимого без мужа и дочери^[74].

Знатные римские семьи обычно имели несколько имений для личного пользования, ранней весной они переезжали из зимних городских домов в роскошные виллы на модных прибрежных курортах, таких как Антиум, а в душные летние месяцы сбегая в прохладу Альбанских или Сабинских гор недалеко от Рима, где склоны были усеяны летними дачами элиты^[75]. Как показывают письма Цицерона, для респектабельных римских матрон было вполне приемлемо путешествовать по Италии без сопровождения мужей. Определенные богатые римские женщины этого периода, включая Терентию, Фульвию и саму Ливию, известные как владелицы значительной собственности, имели особые права. Жемужиной во впечатляющих владениях Ливии, унаследованной,

вероятно, от отца, была великолепная сельская вилла в местечке, известном сегодня как Прима-Порта, в девяти милях от города по виа Фламиния – одной из главных дорожных артерий, ведущих из Рима на север. Большинство рассказов о ее частной жизни помещают ее туда вскоре после брака с Октавианом.

Вилла, впервые найденная в 1596 году, вплоть до вскрытия ее развалин при раскопках в конце XIX века не связывалась с собственностью Ливии и была отнесена к таковой частично из-за нахождения там так называемого Прима-Порта Августа – самой известной из существующих статуй супруга Ливии^[76]. Лежащее высоко на холме поместье имело прекрасный сад, с террасы которого открывался захватывающий дух вид на окрестности, с замечательной перспективой долины реки Тибр в сторону Рима и Альбанских гор, чьи склоны пестрели священными усыпальницами. Благодаря ржаво-красному туфу окрестностей, который использовался также при строительстве дома Ливии, Прима-Порта в древности называлась *Saxa Rubra*, или Красные Скалы; древние знали виллу под именем *Gallinas Albas*, что переводится разговорным языком как Дом Белой Куропатки^[77].

Хозяева римских вилл ценили в своих домах у гор прохладу и тень. Журчащие фонтаны и благоухающие сады создавали освежающую прохладу в жару, и владельцы предпочитали располагать спальни и столовые в центре дома, подальше от жары наружных стен^[78]. Но все-таки оставались возмож-

ности впустить окружающую природу внутрь, как показало замечательное открытие 1863 года на вилле Ливии огромной подземной летней столовой (*triclinium*), размером чуть меньше чем двадцать на сорок футов. Рисунки на стенах создавали здесь удивительную иллюзию средиземноморского райского сада, заросшего маками, дамасскими розами, барвинком и хризантемами. На фоне цвета теплой бирюзы среди ветвей лимонных, апельсиновых, гранатовых деревьев и кипарисов летали черные дрозды, соловьи и серые куропатки; на мраморной балюстраде стояла даже клетка для птиц, а вокруг расстилалась аккуратная лужайка, окруженная тростниковым плетеным забором. Укрытая от палящей летней жары этим прохладным подземным помещением, в которое вели крутые ступени, Ливия когда-то играла тут роль политической хозяйки для гостей своего мужа, которые или приезжали с соседних вилл, или добирались из недалекого Рима. Она могла даже быть автором самого уникального дизайна *триклинума*^[79].

Посетители, ближе взглядевшие в эту буйную ботаническую и орнитологическую фреску, теперь украшающую прохладный, с кондиционером, музей, часть Национального музея в Риме, найдут в ней интригующие детали. Пристроившиеся среди пальм и сосен, на стенах комнаты старательно размещены лавровые деревья – достаточно обычные в римских садах, но имеющие особое значение в этом случае. Присутствие в декорациях лавров вместе с куропаткой в назва-

нии виллы перекликается с известным предзнаменованием, которое, как говорят, было послано Ливии во время ее пребывания тут. Это предзнаменование сформировало ключевую часть самовозвеличивающей, победной легенды ее мужа в годы после битвы при мысе Акция.

Известная по нескольким древним источникам, легенда повествует о том, что вскоре после заключения брака с Октавианом Ливия возвращалась на виллу, когда внезапно белоснежный птенец куропатки выпал из клюва орла, летящего у нее над головой, и упал прямо ей на колени. В клюве птенца была зажата веточка лаврового дерева, которую Ливия вынула и решила посадить в землю по совету прорицателей. Куропатка вырастила здоровый выводок птенцов, а лавровая веточка превратилась в пышную рощицу деревьев.

Птица, свалившаяся с неба в колени к Ливии, смотрится уж слишком удачно, чтобы быть правдой, – но недавние раскопки на ее вилле указывают, что лавровая роща тут, похоже, действительно была. Продырявленные глиняные цветочные горшки, обожженные в собственных обжиговых печах виллы и идеально подходящие для выращивания лавровых деревьев, были найдены на юго-западном склоне холма в Прима-Порта^[80].

Хотя сама по себе лавровая роща ускользает от раскопок по сей день, идея о ее существовании служила мощным талисманом поколениям наследников Ливии и Октавиана. В последние годы, когда римские императоры их рода проез-

жали в триумфальной процессии, лавровые ветви, которые они высоко несли и которыми их увенчивали, как говорят, срезались в той самой роще на вилле^[81]. Легенда гласила, что до тех пор, пока лавры растут на вилле Ливии, династия, основанная ее мужем, будет процветать – и лавр, дерево, ассоциирующееся с римским богом Аполлоном, будет эмблемой Октавиана, знаком данного ему божественного права на власть. Так Ливия, которая по историческим меркам сама еще была лишь начинающей актрисой, получила свою первую важную роль в пьесе – роль спутницы в легитимизирующем мифе ее мужа. В течение последующих лет она будет все сильнее и сильнее внедрять себя в сознание римского общества.

Однако прошло десять лет, а Ливия все еще продолжала играть фоновую роль при своей золовке. Октавия все еще находилась в центре внимания как связующее звено между самыми могущественными мужчинами в империи. Весной 37 года до н. э., примерно в то время, когда она была беременна своей младшей дочерью, Антонией Младшей, ее призвали потушить еще одну вспышку конфликта между ее мужем и ее братом и стать посредницей в новых переговорах по достижению соглашения о разделе власти, проводившихся в заливе Тарент, на юге Италии^[82]. Воскрешая роль, сыгранную легендарными миротворицами Ветурией, Волумнией и Сабиной, комментаторы нового договора сообщают, что компромисс был достигнут только благодаря спокойной ди-

пломатии Октавии, когда Антоний и Октавиан согласились одалживать друг другу корабли и солдат для будущих военных кампаний против Парфии и Сицилии. В ответ Октавия была провозглашена «замечательной женщиной»^[83]. Чествование ее в качестве миротворицы снова привело к появлению на монете ее мужа – на этот раз с головами Антония и Октавиана, соединенными, как сиамские близнецы, и глядящими на ее профиль; реверс изображал три галеры с поднятыми парусами. Другие дошедшие до нас бронзовые образцы монет сохранили на оборотной стороне изъеденные временем изображения лиц Антония и Октавиана, повернутые друг к другу, а на лицевой мы можем различить пару – изображение морского бога Нептуна и его жены Амфитриты, скачущих, обнявшись, по волнам в колеснице, запряженной морским коньком^[84].

Но романтическая картина была немногим более чем рукотворной иллюзией. После благополучного завершения дел в Таренте и нового соглашения о разделе власти между триумвирами еще на пять лет, Антоний осенью 37 года до н. э. снова покинул Италию и вернулся на восток. Октавия обычно проводила зимы с мужем в Афинах – но на этот раз он оставил жену и детей в Риме под опекой Октавиана. В качестве извинения он выдвинул тот предлог, что оберегает их от трудностей пути, пока он продолжит затянувшуюся кампанию против Парфянской империи на востоке. Но это было неправдой. По словам Плутарха, «ужасное бедствие, скры-

тое долгое время», было готово пробудиться^[85]. Нелегкий политический и семейный альянс был готов окончательно развалиться, и хрупкое основание союза Антония и Октавиана оказалось полностью брошено на произвол судьбы. Используя слова другой утратившей иллюзии королевской жены, можно сказать, что в этом браке их было трое.

Последняя и самая знаменитая царица Египта из македонской династии фараонов, правившей Египтом почти три века с момента его завоевания Александром Великим, Клеопатра VII унаследовала трон в 51 году до н. э. в возрасте семнадцати лет. Следующее десятилетие она провела в борьбе с внутренними врагами семьи – отчасти спровоцированной ее стремлением опираться на поддержку римлян, которым она оказывала военную и финансовую поддержку в ответ на территориальные гарантии. В этот период она заключила особо тесный союз с Юлием Цезарем; она стала его любовницей, их союз породил сына, Цезариона. Она провела два года гостем в его доме на Тибре, вызывая неодобрительное брюзжание Цицерона, который в письме своему старому другу Аттику написал, что высокомерие царицы, живущей в резиденции, «[заставляет его] кровь кипеть». Убийство Цезаря вернуло ее назад в Египет^[86]. Тремя годами позднее, в 41 году до н. э., Клеопатру посетил гонец, приглашая ее на дипломатические переговоры в город Тарс на юге Малой Азии с триумфом Антонием, который управлял восточной частью владений Рим-

ской империи по договору о разделе власти с Октавианом и Лепидом. Остальное – ладно, остальное стало историей^[87].

Любовь Антония и Клеопатры, которая вспыхнула, когда первый еще был женат на Фульвии, множество раз изображалась и обыгрывалась в литературе, живописи и фильмах, может быть, наиболее общеизвестен и наверняка является самым дорогим фильм «Клеопатра» 1963 года Джозефа Л. Манкевича с Элизабет Тейлор и Ричардом Бартоном в главных ролях^[88]. Другие воплощения относятся к великим полотнам XVIII века художника Джованни Баттиста Тьеполо, крышкам серебряных часов, нюхательным табакеркам и массовой продукции, а также ярким эмалевым фигуркам, активно производимым между XVII и XIX веками^[89]. Среди литературных реконструкций выделяется пьеса Шекспира «Антоний и Клеопатра», хотя существуют и другие знаменитые переложения этой истории – Чосера, Боккаччо и Драйдена. Основным источником для шекспировской пьесы был английский перевод произведения, написанного в начале второго века биографом Антония Плутархом^[90].

Хотя Плутарх использовал более ранние источники, в том числе свидетельства Квинта Деллиуса, присутствовавшего при первой встрече Антония и Клеопатры, он явно опирался также и на свое воображение. Рассказывая историю этой пары, он заполнял пробелы в исходном материале собственным вымыслом, описывая сцены, при которых не мог присутствовать никто, кроме главных героев, или вкладывая в

уста персонажей длинные речи, которые никогда и никем не были записаны^[91]. Это важно как для оценки событий, приведших к столкновению Антония и Октавиана при Акциуме, так и для понимания истории первых римских императриц, выдвинувшихся на видное место в период после смерти Клеопатры. Надо признать, что египетская царица, ставшая образцом для огромного количества средневековых и современных подражаний, сама является во многом воображаемой личностью, сотканной из множества свидетельств, домыслов и суждений, обработанных, отредактированных и распространенных в обстановке победы Рима над Египтом в битве при мысе Акций и во многом использованных для возвеличивания итогового победителя – Октавиана.

Клеопатра, которую мы знаем сегодня, представляет собой образ женщины, готовой использовать свое *Artes meretricae*, чтобы добиться власти над римлянином Антонием. Этот образ создавался и поддерживался рекламной машиной Октавиана, который был полон решимости представить Клеопатру как воплощение варварских женских ценностей. Именно над ними Октавиан одержал не только военную, но и моральную победу, утвердив такие мужские римские ценности, как *virtus* (смелость) и *pietas* (благочестие), шедшие в тесной связи с традиционными женскими чертами – верностью и целомудрием, олицетворяемыми его супругой Ливией и сестрой Октавией.

В истории, изложенной Плутархом, за эффектным приби-

тием Клеопатры в Тарс в 41 году до н. э. последовал обмен гостеприимством между нею и Антонием, когда каждый попытался превзойти другого, проводя расточительные банкеты, – и Антоний в этой схватке явно проигрывал. Тем не менее общества Клеопатры за обеденным столом было достаточно, чтобы захватить его целиком настолько, что она смогла заманить его на зиму в Александрию, так что он даже забыл о войне.

Далее следует рассказ о пребывании Антония в Египте – странный сборник причудливых анекдотов и подвигов, изображающих пару закоренелыми искателями удовольствий и шутниками. Клеопатра подбивала Антония на всевозможные увеселения, включая игры и охоту; говорят, что они образовали клуб пьяниц, назвав его «Обществом Непревозойденных Гуляк», и одевались, как рабы, чтобы шлаться по улицам Александрии, к огромной радости населения. Они спускали деньги, как воду, заказывая праздники на двенадцать персон, где могли бы насытиться сто. Пара также разыгрывала различные шутки. Однажды, расстроенный неудачной рыбалкой в порту Александрии, когда за ним наблюдала Клеопатра, Антоний велел одному из своих рабов нырнуть под воду и прикрепить ранее пойманную рыбку к концу его лески, а затем с триумфом вытянул добычу. На следующий день Клеопатра побила соперника его же оружием; перед большой толпой своих друзей, которых предупредила заранее, она приказала одному из своих рабов прикре-

пить к крючку Антония рыбу явно не морского происхождения – к огромному его смущению, когда он ее вытащил^[92].

Были ли то слухи или факты, но рассказы вроде этого становились бесценным оружием для Октавиана в Италии. В 40 году до н. э. Клеопатра родила близнецов, Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, но новости о разгроме Луция и Фульвии силами Октавиана в Перузии уже увлекли Антония от его египетской любви в Италию и в итоге толкнули на противостояние с Октавианом. Результатом стал пакт в Брундиции, скрепленный женитьбой Антония на Октавии. Клеопатра внезапно оказалась вне игры и оставалась в этом положении целых три года, пока Антоний, снова встав бок о бок со своим соперником, руководил военными операциями против парфян из Афин, где обосновался вместе с Октавией.

Но затем, осенью 37 года до н. э., когда Октавия все еще собирала похвалы за свою роль посредницы между мужем и братом в Таренте, Антоний снова направился на восток для восстановления союза с Клеопатрой. В 36 году он попытался вторгнуться в Парфию при финансовой поддержке Клеопатры – но был разгромлен и обращен в бегство, опорочив свою военную репутацию. Тем временем 3 сентября Октавиан разбил в битве при Навлохе давнего врага триумвиров Секста Помпея и одновременно вытеснил незадачливого Лепида с третьей позиции Триумvirата на основании того, что тот попытался присвоить себе авторитет Октавиана в битве за Сицилию. Триумvirат стал дуумvirатом, а козыри нача-

ли устойчиво складываться в пользу Октавиана.

Одним из них в рукаве у Октавиана всегда была Октавия. Так же, как она была инструментом для поддержания мира, теперь она стала инструментом для войны. Летом 35 года до н. э., вскоре после того, как Антоний пережил оскорбительное поражение в парфянской кампании, Октавия приехала из Рима в свой старый супружеский дом в Афинах, привезя деньги, снабжение и войсковые пополнения для мужа. Здесь наш источник, Плутарх, описывает прием, устроенный Октавии в Афинах, где она нашла письма от Антония, запрещающие ей двигаться дальше, а также хвалит ее самообладание – несмотря на гнев из-за лицемерия мужа. Затем он описывает шум, который устроила Клеопатра, вообразив, что «Октавия придет схватиться с ней врукопашную», ее притворную имитацию болезни, будто ее сразило горе при мысли о потере Антония. Упрекаемый слугами Клеопатры, которые порицали его за пренебрежение женщиной, столь сильно его любящей, Антоний, как говорят, вынужден был стать «таким мягким и нежным», что его уговорили оставить войну и вернуться к ней в Александрию. Октавия вынуждена была вернуться в Рим с пустыми руками – но против воли брата отказалась покидать дом, который разделяла с мужем. Там она заботилась о двух своих сыновьях и отпрыске Фульвии и продолжала принимать его друзей, *«задевая тем самым Антония, даже не желая того, потому что его стали порицать за несправедливое отношение к женщине с такими*

прекрасными качествами»^[93].

Образы Клеопатры как бесчестного манипулятора, Антония как мягкого и бесхребетного влюбленного и Октавии как преданной, обижаемой жены стали элементами все более ширящейся кампании Октавиана по убеждению римлян в том, что он – единственный человек, могущий управлять ими. С ухваткой профессионального политика он воспользовался прекрасной возможностью сделать политический капитал на несчастном браке своей сестры и использовать его для рекламы самого себя как поборника консервативной морали, рисуя при этом Антония изнеженной марионеткой в руках иностранной царицы. В процессе этой кампании традиционный образ женщины в римской политической жизни оказался разбит, так как Ливия и Октавия становились все более важным элементом политической борьбы, помогая создавать образ Октавиана как преданного мужа, брата и семейного человека.

Водораздельным оказался 35 год до н. э. Стремясь подать римской публике образ жены и сестры в виде новых Корнелий этого века, Октавиан организовал им серию замечательных почестей и привилегий. Их новые права утρώились. Во-первых, им обеспечили защиту, известную как *sacrosanctitas*, – по которой любые вербальные оскорбления против них считались преступлением. Во-вторых, им дали освобождение от необходимости *tutela* (опеки со стороны

мужчины), что на деле означало свободу вести собственные финансовые дела. В-третьих, их портретные статуи были подготовлены для публичного показа^[94].

Эти три знака отличия поставили двух женщин в экстраординарное и небывалое до того положение. Право *sacrosanctitas* было уступкой, сохраняемой исключительно для всенародно выбранных мужчин с политическим положением трибунов. Предоставление его Октавии и Ливии означало признание их общественно-политической значимости, до того закрытой для женщин. Оно также предполагало, что произошла эскалация войны слов между лагерями сторонников Антония и Октавиана, ведущая к ответным оскорблениям, направленным на Ливию и Октавию, – или, по крайней мере, что Октавиан *хотел* создать такое положение. Право на свободу от опеки не было совсем новым, так как им, к примеру, давно обладали жрицы Весты. Но от всех остальных римских женщин, даже тех, чьи отцы и мужья умерли, требовалось принять надзор *tutor*, или опекуна, – в данном случае присвоение статуса, сравнимого со статусом весталок, было явным. С Октавией и Ливией следовало обращаться так же, как и с самой уважаемой группой женщин в римском обществе^[95].

Однако потенциально предоставление такого статуса было даже еще важнее. Политики Римской республики всегда были противниками идеи увековечивания женщины в виде публичной скульптуры. В 184 году до н. э. великий оратор

и ярый моралист Катон Старший едко раскритиковал такую идею, и до решения Октавиана в 35 году до н. э. мы слышали только об одном примере публичного превознесения в Риме живой женщины созданием ее статуи – конечно же, это была Корнелия, увековеченная в бронзе как мать братьев Гракхов, – увы, ныне эта статуя утеряна^[96]. Несмотря на это исключение, мысль о том, что женщина может занять место в галерее публичных портретов, прославляющих римских мифологических и исторических лидеров, все еще была глубоко чужда высшему римскому классу, и сенаторы упорно сопротивлялись возможности для женщин переступить порог политики.

Октавия, конечно, уже имела публичный профильный портрет на Востоке – благодаря монетам, выпущенным во время мирных лет их замужества греческим и азиатским монетными дворами, находящимися под юрисдикцией Антония. Более того, хотя статуи женщин были табуированы в самом городе Риме, не было ничего необычного в том, что в греческих восточных областях империи воздвигались статуи жен, дочерей и матерей мужчин высокого ранга. Царские дома Востока не испытывали сомнений при отведении места женщинам своей династии на монетах и в скульптуре. Сохраняя практику портрета Птолемея, Клеопатра множила свой образ по всему своему царству в виде статуй, изображений на рельефах в храмах и на монетах. Вероятно, именно это стало для Октавиана поводом санкционировать появле-

ние подобных статуй его сестры и жены в Риме. Октавиан по сути открыл соревнование женщин своей семьи с их восточными аналогами^[97].

Но в этой хитрости заключался некий риск, так как общественные статуи женщин – членов семьи на Востоке обычно демонстрировали принадлежность к царской семье, то есть в Риме могли привести к обвинению в династических устремлениях. Октавиану пришлось действовать осторожно. Его жест означал, что одним ударом Октавия и Ливия были избавлены от многих существующих для их пола ограничений – и одновременно стали самыми придирчиво рассматриваемыми женщинами во всем городе. Поэтому Октавиану требовалось сделать эти портреты похожими на реальность, чтобы не обидеть приверженцев традиции, в поддержке которых он нуждался.

Мы не можем наверняка идентифицировать, какая статуя была самой первой и стала образцом для множества последующих. Но можно предполагать, что кандидатура на это место находится на первом этаже Национального музея в Риме^[98]. Слегка выщербленный мраморный бюст, чуть менее шестнадцати дюймов высоты, – лицо безмятежно красивой женщины с правильными, симметричными чертами и большими глазами с тяжелыми веками. Аккуратно расчесанные локоны тщательно собраны в прическу *нодус*, с несколькими прядками, которым позволили выбиться над ушами. Найденная в Веллетри, к юго-востоку от Рима, она была признана спе-

циалистами как портрет Октавии, семья которой происходила из этого региона. Идентификацию подкрепляет также сходство лица с портретами ее брата и сравнение с ее профилем на монетах. Более того, старомодный стиль ее *нодуса*, волосы, поднятые в более высокую прическу, чем было в моде в последующие десятилетия, соответствует предположению, что этот портрет действительно находился среди первых оригинальных скульптур, сделанных с Октавии в 35 году до н. э.^[99]

Бюст из Веллетри – наиболее часто воспроизводимый образ Октавии сегодня. Сохранился более разнообразный набор древних портретов ее золовки, Ливии, – ведь она гораздо больше времени провела в сфере общественного внимания. Но все равно портреты обеих женщин столь похожи, что иногда уверенно различить их просто невозможно. Монетные и скульптурные портреты, к сожалению, не дают нам ничего и близкого к фотографическому изображению, поэтому мы не знаем, как на самом деле выглядели Ливия, Юлия и другие женщины империи. Иногда в их портретах проявляются индивидуальные черточки, которые могли бы помочь с идентификацией: например, округлость щек Ливии, ранние ее портреты с тонкими губами выдают легкий своеобразный прикус, свойственный всем членам семьи Клавдиев. Октавии же присущи серьезное выражение лица и аристократическая костная структура, которая характерна для портретов ее брата. Но по большому счету это идеализированные

образы, заказчиков которых в первую очередь интересовало не сходство, а создание более или менее соответствующего образа, который мог универсально воспроизводиться художниками и скульпторами по всей империи.

Эта строгая регулярность сама по себе выражала ключевое послание: изображение Ливии и Октавии с загадочной, безупречной единообразной прической *нодус* в их ранних портретах утверждало доказательство традиционной истинной римской женственности и чувства собственного достоинства – укор Антонию за то, что оставил римскую жену ради египетской Клеопатры^[100].

Не следует воображать, будто улицы империи внезапно заполнились образами женщин или что традиционные представления о месте женщины в общественной сфере куда-то внезапно исчезли. Но несколькими стратегическими ходами Октавиан громко призвал римский мир увидеть свою жену и сестру музами его проекта воскрешения давно потерянного золотого века римской истории – того золотого века, когда легендарные женщины, подобные Лукреции, приносили себя на алтарь долга, и для которого Октавиан молча предлагал себя в качестве архитектора и реставратора.

Пока Октавиан задумывал для жителей Рима образы Октавии и Ливии в мраморе как образец женской скромности, Клеопатра заменила Октавию в качестве лица на римских монетах Антония, выпущенных монетными дворами

под его контролем. Сохранившиеся данные об одном из тиражей примерно 33 или 32 года до н. э. сообщают, что огромное количество серебряных *денариев*, римской валюты, было отчеканено по приказу Антония, когда он наконец-то добился некоторого военного успеха на Востоке, разбив с финансовой помощью Клеопатры Армению. Эти монеты изображают Антония на одной стороне и Клеопатру – на другой, с носом судна на переднем плане, чтобы показать ее вклад в морские силы, приведшие к победе^[101].

Несмотря на уступку в отношении статуй Ливии и Октавии, размещение иностранной царицы на официальных римских монетах было совершенно беспрецедентным и глубоко провокационным шагом в политической культуре, и так отчаянно сопротивляющейся как идее о женщине – а тем более иностранке – в самом сердце власти, так и принципу монархического правительства. В 34 году до н. э. Антоний организовал еще и празднование одной из своих побед, устроив расточительное торжество в римском стиле в городе Александрии, во время которого он, как говорят, преподнес Клеопатре и ее детям огромные подарки в виде территорий, известные сейчас как Дары Александрии.

Октавиан хорошо знал, какую надо нажать кнопку, чтобы заставить римские политические элиты озаботиться происходящим в Александрии. Играя на давних предубеждениях против женственного, слабого, аморального, раболепствующего и дикого Востока, он активно продолжил изображать

Антония как изменника традиционным мужским римским ценностям, комнатной собачкой Клеопатры.

Антоний напрямую отверг как минимум одно из многих обвинений, которые Октавиан выдвинул против него – обвинение в пьянстве, обычный стереотип Востока. Он написал эссе, озаглавленное «О его пьянстве», которое с тех пор утеряно. В письмах своему бывшему зятю он обвинил того в лицемерии, напомнив о собственных поступках Октавиана:

«Что на тебя нашло? Ты возмущаешься, что я сплю с Клеопатрой?.. А что же ты сам? Разве ты предан Ливии Друзилле? Мои поздравления, если, когда прибудет это письмо, ты не будешь в постели с Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Тиценией – или со всеми ими сразу. Разве это действительно так много значит, с кем ты занимаешься любовью?»^[102]

Возвращаясь к вопросу о свадьбе своего оппонента, Антоний заявил, что свадьба его соперника на Ливии была проведена «в недостойной спешке», и напомнил Октавиану о временах, когда его друзья организовывали для него очередь из женщин, раздевая их для его осмотра донага, как на рынке рабов^[103].

Точно как на современных выборах составление политического капитала из грешков своих оппонентов было обычной тактикой, используемой соперниками для прихода к власти в республиканском Риме. Самые знаменитые сановники этого периода – Цицерон, Помпей, Юлий Цезарь – все в ка-

кие-то моменты обвинялись в соблазнении чужих жен, поэтому в обвинении Антония, что Октавиан нечестен с Ливией, не было ничего необычного. Но оно требовало опровержения, раз Октавиан явно противопоставлял себя Антонию как моральный гарант римских ценностей. Его биограф I века Светоний цитирует объяснения, данные друзьями Октавиана, которые, признавая его неверность, заявляли, что она никогда не мотивировалась бездумной похотью. На деле, соблазняя жен и дочерей своих врагов, он добывал информацию, которая помогала его политической кампании, и таким образом защищал интересы Рима^[104].

Многие из наиболее пафосных римских историй о дурной славе Клеопатры, представленные в поэмах и хрониках, записаны уже после финального сражения между двумя сторонами при мысе Акций. Но они передали нам привкус того обличения, которое в предыдущие годы было целью – настроить общество против Клеопатры, говоря о ее сексуальной и кулинарной ненасытности. Плиний Старший в I веке писал, что Антоний и Клеопатра однажды поспорили, кто сможет устроить самый расточительный банкет, и что Клеопатра победила, бросив одну из своих жемчужных сережек в кубок с уксусом, позволив ей там раствориться, а затем беспечно выпив его^[105].

Такие рассказы отражают длительные усилия римских моралистов, демонстративно оплакивавших ненасытность плутократов, искателей удовольствий, как среди своих совре-

менников, так и в предыдущие эры. Сам Плиний Старший сокрушался, что в его дни римляне тратят более 100 миллионов сестерциев в год на жемчуг и духи, привозимые с Востока. Огромные расходы на пищу были особенным источником ярости критиков^[106]. Непристойные истории о разнузданных банкетах Антония и Клеопатры и безумных тратах денег вызвали к римской морали. Вероятно, одной из самых известных привычек Клеопатры была ее любовь принимать ванну в ослином молоке, чтобы сохранять кожу мягкой. Учитывая тот факт, что привычку принимать точно такую же ванну, как говорят, имели многие женщины позднего Рима, считавшиеся такими же расточительными и развращенными (например, вторая жена Нерона, Пoppея), можно предположить, что это было обычным обвинением любой женщины, которую критиковали за оскорбление морали^[107].

Летом 32 года до н. э., после года или двух такой травли, Антоний наконец развелся с несчастной Октавией, приказав своим людям отправиться в Рим и выселить ее из его дома. Тут пропагандистская машина Октавиана заработала на полную мощность^[108]. Он отправил делегацию к жрицам Весты, которые обычно действовали как хранительницы важных городских бумаг, с приказом принести завещание Антония. Когда весталки отказались отдать бумагу, Октавиан сам явился забрать документ – уже оценив его содержание со слов двух бывших сторонников Антония, которые были свидетелями при его составлении и впоследствии нарушили

свой долг. Получив завещание, Октавиан собрал Сенат и народную ассамблею и устроил чтение его вслух. Из озвученных пунктов выяснилось, что Антоний оставляет огромную сумму денег своим детям от Клеопатры и, что самое страшное, хочет быть похоронен рядом с египетской царицей в Александрии^[109].

Обнародование завещания другого человека против его воли было делом незаконным, и шаг Октавиана вызвал совершенно различную реакцию. Некоторые говорили, что его действия объяснялись тревогой и скептицизмом; другие считали, что документ убедил каждого, даже ближайших друзей Антония, в их худших предположениях, что Антоний полностью находится под каблуком женщины и даже планирует перевести центральное правительство Рима на Нил^[110]. Но исход был один. Образ Антония, римского полководца, одетого в восточные одежды и идущего за носилками женщины в компании ее евнухов, не мог быть принят Римом. В октябре Сенат принял резолюцию, объявляющую войну. Однако, не желая подвергаться обвинению в начале гражданской войны, официальной целью Октавиан объявил не Антония, который, в конце концов, был римлянином, – а Клеопатру, которая заставила Антония обнажить свой меч и вынудила его сражаться на стороне Египта^[111].

Несколько следующих месяцев были истрачены на подготовку к войне. Армии были отоброшены, казна пополнена, лояльность союзников куплена обещаниями земель и

наград. С обеих сторон идеологическая подготовка кампании продолжалась всю осень и зиму 32 года. Циркулировавшие истории о знамениях и приметах, предсказывавших Антонию поражение, вероятно, запускались агентами Октавиана. Сам Октавиан всенародно заявил, что Антоний живет на наркотиках и что, когда дойдет до сражения, врагами римлян будут парикмахеры Клеопатры, ее евнухи и ее фрейлины^[112].

На самом деле Антоний, имевший в своем распоряжении все богатства Клеопатры, начал войну с большим количеством сил и ресурсов^[113]. Но благодаря великолепному управлению войсками помощника Октавиана, Агриппы, преимущество Антония исчезло уже в первых же стычках весной и летом 31 года до н. э. В конце концов основная масса флота Антония встала на якорь возле мыса Акции, в узкой горловине Амбракийского залива. В полдень 2 сентября, после нескольких дней противостояния, флоты противников начали двигаться навстречу друг другу по сверкающей синей поверхности Ионического моря, чтобы решить судьбу Римской империи^[114].

...С одной стороны был Август Цезарь, ведя людей Италии в бой вместе с сенатом и народом Рима, с его домашними и его великими богами... с другой стороны, со всем богатством варварского мира... торжествующе выступил Антоний... с ним двигался весь Египет и власть на Востоке от самой далекой Бактрии, но завершала все и вызывала наибольшее возмущение его египетская жена! Они примчались

на большой скорости, вся поверхность моря была взбита в пену, и как бабочки над волнами взлетали тройные ряды их весел... свежая кровь начала красить бразды полей Нептунна...

Но высоко на мысе Акции Аполлон увидел это и натянул свой лук. В ужасе пред ним весь Египет и Индия, все аравийцы и все савцы развернулись назад, и сама их царица, как можно было увидеть, призывала новые ветры в свои паруса^[115].

На многие годы после битвы при мысе Акции образ Клеопатры, поднявшей красные паруса и позорно бежавшей вместе с Антонием с места сражения, стал постоянной темой литературных произведений, написанных в честь победы Октавиана. Но сражение при мысе Акции не опустило финального занавеса – на самом деле потери в нем оказались относительно невелики. Но оно стало поворотной точкой, решившей судьбу Октавиана и его борьбы с Антонием.

Вместе с несколькими уцелевшими кораблями Антоний и Клеопатра вернулись к жизни в Александрии, где они оставались еще год, пока летом 30 года до н. э. сюда не прибыл Октавиан и не нанес окончательного удара по наземным и морским силам соперников. Последний акт истории Антония и Клеопатры превратился в легенду. После того, как раздавленный Антоний покончил жизнь самоубийством и истек кровью на руках у Клеопатры, египетская царица смогла убедить Октавиана в своей лояльности, даже предложив

подарки Октавии и Ливии, чтобы заслужить их расположение. Таким образом, она заработала разрешение посещать гробницу Антония – где позднее и была найдена мертвой на золотой кушетке, отравив себя или укусом змеи, как сообщала наиболее популярная версия, или выпив яд из пузырька, укрытого в головке одной из шпилек на голове. В ответ на упрек римского солдата у одной из ее умирающих фрейлин, Шармион, также принявшей яд, хватило дыхания прошептать: «Не более того, что сделала эта дама, наследница столь большого числа царей». Шестнадцатую веками позднее Шекспир позаимствовал эту тему для построения собственного сюжета^[116].

Мечта Октавиана провезти своих венценосных пленников по улицам Рима не исполнилась, но позднее он пронес по ним в триумфальной процессии изображение Клеопатры – которое, как говорили, изображало змею, впившуюся челюстями в мертвую царицу.

Последняя гражданская война Республики завершилась. В отличие от отца и бывшего мужа, Ливия оседлала верную лошадку.

Ливия не скоро стала императрицей. Трансформация из республики в монархию после смерти Антония и Клеопатры не была мгновенной. Рим все еще был изранен и кровоточил после нескольких десятилетий гражданской войны, и Октавиан понимал необходимость действовать аккуратно –

слишком хорошо помня судьбу своего великого дяди, Юлия Цезаря, чьи попытки железной рукой заставить государство принять автократическое правление привели к его убийству.

В 27 году до н. э., через три года после смерти Антония и Клеопатры, Октавиан устроил огромное шоу, где отказывался от чрезвычайной власти, данной ему как триумвиру, обещая восстановить Республику и отклоняя деспотическое царствование. В ответ на этот жест самоуничтожения Сенат, чьи ладони уже были умаслены обещанием реставрации его прошлой конституционной власти, умолил Октавиана стать пожизненным консулом и настоял на принятии имени Августа, означающего «божественно оберегаемый», и титула *принцепса*, или «первого горожанина», – в Республике им фамильярно обозначался ведущий государственный лидер. Сенаторы эффектно передали Октавиану ключи от империи, а мандат на абсолютную власть оказался аккуратно скрыт под традиционной республиканской риторикой, смазавшей переводимые стрелки.

Ливия не получила официального титула. Август не решился дать своей жене почетное имя, эквивалентное его имени, и только после его смерти, почти через сорок лет, ее роль в династической структуре изменилась – теперь ее имя стало звучать как Августа. Это могло читаться как *императрица* – но на латыни нет эквивалента этого слова. Римский народ, видимо, не возражал против размещения портретов Ливии в общественных местах после разрешения 35 года

до н. э. Но утверждение ее официального статуса, подобного статусу царицы в восточных царских семействах, в римском обществе, все еще приемлющем идею только мужского управления, и в котором память о Клеопатре была очень свежа, представлялось слишком уж далеко идущим шагом^[117].

Победа Августа была достигнута под лозунгом очищения Рима – не просто его улиц и общественных мест, но его сердца и души. Критикуя Антония и Клеопатру как носителей порока, коррупции и моральной распущенности, которые так ослабили старую Республику, новый римский правитель подавал себя защитником традиционных добродетелей давно ушедших дней, когда мужчины отставляли свой плуг, чтобы отправиться на войну, а женщины скорее бы умерли, чем предали свои брачные клятвы.

Если бы эта иллюзия работала в собственной семье императора, в его шкафу не было бы скелетов. И пока Октавиан занимался восстановлением заброшенных храмов и древних законов, которые обещали возродить приличия, его старшая сестра Октавия, его дочь Юлия и его жена Ливия оказались реинкарнациями добродетельных женщин этого золотого века – Лукреции, Ветурии и Волумнии, чьи чистые, мудрые образы помогли в прошлом спасти Рим.

Но по крайней мере одна из этих женщин оказалась гораздо менее удобным образцом, нежели прочие. Август, как сформулировал один исследователь, мог «самоуверенно моделировать семейное наследие, неотразимое, как Камелот

Джеки Кеннеди»^[118]. Но, подобно истории с Камелотом, мечты были разрушены, мираж внезапно рассеялся.

Глава вторая

Первое императорское семейство

Женщины Октавиана Августа

*Есть хоть кто-нибудь в Риме, с кем не переспала
бы моя дочь?!*

Август в «Я, Клавдий», эпизод 2

«Ожидание за кулисами», Би-би-си, 1976 год^[119].

Политическая программа первого римского императора началась, литературно выражаясь, дома. Решив доказать своим подданным, что он действительно «первый среди равных» – человек из народа, обычный парень, как все они, Август отклонил возможность переехать в богатый дворец в восточном стиле, как у Клеопатры. Он предпочел остаться с семьей жить в своем старом доме на элитном, но плотно заселенном Палатинском холме, где народ мог гулять прямо перед его входной дверью – древнеримский эквивалент современного хода медийного политика, оставляющего свою фамилию в общем телефонном справочнике^[120].

Лавровые деревья обрамляли входную дверь императорского дома – вероятно, они были выращены из веток, срезанных в поместье Ливии, Прима-Порта. Кроме них лишь дубо-

вый венок, врученный Августу благодарным государством, выделял снаружи его дом среди соседских. Внешнее подобие остальным домам повторялось и внутри. Каменно-серым минималистским интерьером и простой мебелью дом, где жило первое римское семейство, поражал скромностью – по сравнению с грандиозными резиденциями более поздних императоров. По крайней мере, так заметил один из посетителей:

«Новый дворец [Августа] не выделялся ни размером, ни элегантностью; двор с навесом, поддерживаемым квадратными каменными колоннами из вулканического туфа; жилые комнаты без мраморных или тщательно уложенных мозаичных полов... Как просто был обставлен дворец Августа, можно заключить, осмотрев все еще стоящие тут лоджа и столы, многие из которых вряд ли считались бы подходящими даже для рядового горожанина»^[121].

Светоний, автор этого описания, посетил дом только несколько десятилетий спустя после того, как его занимали Ливия и Август. Его оценка относительного отсутствия роскоши подтверждается раскопками на Палатинском холме, осуществленными между 1861 и 1870 годами Пьетро Роса, итальянским архитектором и топографом, который работал по поручению Наполеона III – который сам был отпрыском имперской династии и был захвачен идеей найти дворцы Цезарей^[122]. Открытие Росой в 1869 году части дома Августа, которую посчитали личными покоями Ливии благодаря находке свинцовой водопроводной трубы, подписанной

ее именем, доказало, что дом действительно был выложен черно-белой мозаикой, а не более дорогим привозным мрамором. Бережливое использование местного камня красноречиво показывало римской публике скромные вкусы новой имперской семьи^[123].

По общему признанию, старое имение, конфискованное у Гортензия, расширилось за предыдущее десятилетие. Через два года после женитьбы на Ливии Август приобрел соседнее хозяйство – виллу, принадлежавшую ранее римскому сенатору Катуллу, когда-то самому богатому человеку в Риме. Покупка сделала Августа самым крупным землевладельцем на Палатине, и теперь объединенные здания не только вмещали аппарат имперского правительства, но обеспечивали жилые апартаменты для всей семьи. На великолепных стенных росписях, изображавших мифологических существ и сельские пейзажи, преобладали дорогая красная киноварь и желтая краска, демонстрируя важность семейства и его выдающееся социальное положение, – но таким образом, чтобы чувствовалась четкая грань между демонстрацией хорошего вкуса и оскорбительным выставлением напоказ богатства. Став *принцепсом*, Август также добавил к дому пристройку в форме храма, посвященного своему покровителю Аполлону, которая занимала пространство размером в половину футбольного поля. Со священным покровителем, живущим за соседней дверью, Август начал демонстрировать эстетику трезвости, заставляя всю семью делать то же самое.

При этом личные привычки Августа к воздержанию от роскоши действительно расширялись: вне зависимости от сезона он спал в одной и той же спальне на низкой кровати с простыми простынями, питался в основном рационом из сухого хлеба, рыбы, сыра и фиговых плодов, отказался от шелков и тонкого льна, которые носили аристократы, – новая императрица Ливия тоже делала вид, что у нее мало времени, чтобы заниматься своей внешностью, и, как говорили, следовала примеру мужа, одеваясь в неброском стиле и избегая украшений^[124]. Такое поведение было подражанием поведению чтимой в народе Корнелии, которая когда-то замечательно возразила собеседнице, хваставшейся своими драгоценными украшениями, что ей не нужна такая роскошь: «Мои украшения – это мои дети»^[125]. Даже рецепт, который Ливия демонстративно использовала для зубной пасты, был широко распространенным: сушеная садовая крапива (особый сорт, выбираемый за его абразивные свойства), вымоченная в морской воде и запеченная с каменной солью до обугливания – неаппетитный на вид состав, правда, в данном случае еще и сбрызнутый экзотическим привозным народным маслом^[126] 4.

⁴ Масло, получаемое из сухого корня *nardostachys jatamansi*, – травянистого растения семейства валериановых, распространенного на Ближнем Востоке, используется как афродизиак. Впрочем, в прежние времена рецепт народного масла был гораздо сложнее – например, у Ибн Сины оно характеризуется как «одно из самых благородных масел», включает два десятка компонентов и готовится в три варки. (Прим. ред.)

Еще одним популистским жестом с Палатина был указ, чтобы все простые шерстяные плащи императора изготавливались лично Ливией, Октавией, Юлией, а в конце жизни — еще одной из его внучек. Работа с шерстью считалась идеальным времяпрепровождением для римской матроны, что отразилось в римских легендах о добродетельных женщинах, занятых ткацким станком и спицами. В обычае было прикреплять нечесаную шерсть к дверному проему, когда невеста впервые переступала порог дома мужа^[127]. Август заставлял жену, сестру и дочь заниматься шерстью, чтобы создать образ классического римского дома, демонстрируя верность традициям. Ткацкие станки обычно устанавливались в атриуме — самом людном месте в доме; в богатых домах здесь вдобавок было самое лучшее освещение для работы, а рабы могли трудиться под присмотром своих хозяек. Посетители и любопытные прохожие на запруженных улицах у дома императора, заглядывая в широкие двойные двери, сознательно постоянно державшиеся открытыми, таким образом могли наблюдать за императрицей и ее женской прислугой, занятой домашними делами в большом прохладном помещении^[128].

Усилия Августа показать своих родных женщин в виде сельских дам у ткацкого станка трудно сопоставляются с тем фактом, что домашнее хозяйство на Палатинском холме велось сотнями людей, некоторые из них были заняты исключительно изготовлением императорской одежды. Мы можем даже назвать имя как минимум одного такого работ-

ника. В 1726 году на римской Аппиевой дороге был раскопан необычный похоронный склеп или *columbarium*, построенный к концу правления Августа; его открытие позволило реконструировать и почти с медицинской точностью определить персонал – как оказалось, состоявший в основном из мужчин, – который выполнял ежедневную домашнюю работу семьи Августа.

Похоронный склеп, или *Monumentum Liviae*, содержал кремированные останки более тысячи римских рабов и свободных граждан, их пепел был уложен ряд за рядом в *ollae* (похоронные урны), установленные в крохотные ниши вокруг склепа, как в норки голубей, – отсюда и название таких помещений *columbarium*, что означает «голубятня». Большинство погребенных тут работали на императорский дом, и благодаря расшифровке надписей на мраморных пластинах под каждой нишей мы теперь знаем, что примерно девяносто человек, пепел которых найден тут, работали на Ливию. Парикмахеры, массажисты, привратники, переписчики и секретари, бухгалтеры, лакеи, весовщики шерсти, мойщики окон, сапожники, строители, водопроводчики, полировщики мебели, ювелиры по золоту и серебру, пекари, поставщики провизии, медики, кормилицы, даже человек для ухода за ее жемчугом, – вот люди, выполнявшие для Ливии перечисленные выше функции. Среди записанных имен мы нашли свободного человека по имени Окт, занятием которого было взвешивать и раздавать шерсть рабыням император-

ского дома для работы на ткацких станках^[129].

Останки в *Monumentum Liviae* являются лишь образцом «штатного расписания» слуг в римском аристократическом доме и не включают тех, кто работал в других владениях Ливии, таких как вилла Прима-Порта. Только самые богатые римские семьи могли позволить себе содержать столь многочисленных слуг, а высокая специализация занятий указывает на богатство и престиж их хозяина. Гардероб Ливии был столь бюрократизирован, что она держала двух слуг, следивших за ее церемониальной одеждой, еще одного – чтобы убирать ее одежду, и одного, по имени Пармено, – чтобы ухаживал за ее пурпурными одеяниями. Локиз, *sarcinatrix*, следил за починкой одежды, Менофил, сапожник (*calciator*), содержал в порядке обувь императрицы, массу сандалий и ботинок на пробковой подошве, которые обычно носили римские женщины; а профессия Эвтакта, называемая *capsarium*, предположительно заключалась в том, чтобы следить за какой-то коробкой, или сундуком для хранения одежды Ливии, или, может быть, за каким-то более портативным хранилищем, которое служило императрице в качестве ручной клад^[130].

Мы, вероятно, увидели бы Ливию и Октавию, сидящих на виду у проходящего мимо римского плебса, либо Августа, старательно ткущую тоги, – это имело тот же смысл, что и соревнование по приготовлению пищи, проводимое каждые четыре года между супругами потенциальных американских

кандидатов в президенты^[131]. С талантом Августа к рекламе нетрудно вообразить, что картина ткающих жены и сестры имела целью сохранить поддержку народа и показать ему, что первая семья империи живет так же, как живет любой римлянин – хотя римский плебс наверняка принимал этот образ за символ. Но во всей этой тщательной постановке главной была прозрачность. Реальная обеспокоенность Августа по этому поводу была столь глубокой, что он и в старости повторял все то же, запрещая единственной дочери Юлии и своим внучкам «говорить или делать что-либо плохое или то, о чем нельзя было бы сообщить в ежедневных хрониках» – издававшемся для народа бюллетене ежедневных новостей с Палатина^[132].

В случае Юлии это оказалось пустыми предупреждениями.

Мы в последний раз видели Юлию, когда она была вопящим новорожденным младенцем, только что попавшим в руки акушера от ее матери Скрибонии накануне отъезда Августа к Ливии. Ко времени, когда ее отец стал правителем Римской империи, девочке исполнилось десять лет, и ее приняли в счастливую семью, которую так старательно создавал Антоний. На Палатине ее окружал дом, полный кузин и кузенов, очень близких ей по возрасту. Здесь были ее сводные братья Тиберий и Друз, а также кузина Антония Младшая – самая младшая из четырех дочерей Октавии, а также сын

Октавии Марцелл, на три года старше Юлии^[133].

Хотя древние римские биографы зачастую с мельчайшими подробностями описывали детские дни будущих императоров, они, как правило, совершенно не интересовались годами взросления их сестер и кузин. Основываясь на рассказах о воспитании других римских девочек ее круга, мы знаем, что детство для девочек, подобных Юлии, заканчивалось слишком быстро. Иллюстрацией резкого перехода от детства к взрослости, минуя подростковый период, может служить такой обычай: если девочка умирала до достижения возраста замужества – который был законно установлен отцом Юлии с двенадцати лет, – ее любимые игрушки могли быть похоронены вместе с ней; игрушки, которые служили в первую очередь для обучения, обозначавшие цели, к которым ей следовало стремиться во взрослой жизни. В гробах юных римских девочек находили кукол, обычных – и собранных из деталей слоновой кости. У кукол были взрослые пропорции и широкие бедра, демонстрировавшие готовность к деторождению, – полная противоположность, скажем, современной Барби. Прически кукол соответствовали последней моде в среде женщин элиты того времени^[134].

Ребенком Юлия имела более простую прическу, чем носили взрослые женщины ее круга. Волосы завязывались сзади шерстяной лентой (*vittae*), пока они не стали достаточно длинными, чтобы заколоть их в тугий *нодус*, так любимый ее мачехой и тетей, – это произошло как раз, когда она при-

близилась к возрасту замужества. Длинная, простая туника с рукавами, окаймленная пурпурной полосой, была стандартной формой одежды для рожденных свободными мальчиков и девочек в Риме. Защитная шейная цепочка, называвшаяся *bulla* в случае мальчиков, а у девочек именовавшаяся *lunula* и имевшая форму луны (луна была символом Дианы, римской богини целомудрия), была их единственным предметом украшения. Несмотря на любовь римлян к объемистым женским бедрам, под туникой девочки также носили нагрудную ленту, или *strophium*, целью которой было стягивать растущую грудь в попытке сделать ее маленькой, соответствующей римскому идеалу женского тела^[135].

До замужества система воспитания девочек широко варьировалась от дома к дому, в зависимости от богатства и намерений ее семьи. Чтению и письму учили большинство девочек высшего класса, но некоторых, демонстрировавших склонность к более глубокому образованию, обучали также риторике и философии – тем же дисциплинам, каким в этих домах учили мальчиков после десяти-одиннадцати лет. Но женщинам императорской семьи, как подчеркивали собственные рекомендации Августа касательно образования, главное внимание следовало уделять домашним умениям, полезным в замужестве. Рабыне, рожденной в доме своей хозяйки, вроде парикмахерши Ливии, Доркас, тоже могли дать образование – но лишь в рамках ее профессии^[136].

Образование женщин в ранний имперский период было

весьма дискуссионной темой. Некоторые философы доказывали, что девочки должны получать образование наравне с мальчиками – но более активная и традиционалистски настроенная публика критиковала это мнение и предсказывала, что женщины, которым будет дано слишком большое образование, станут или возмнившими о себе пустозвонками, или аморальными потаскушками^[137]. Однако некоторые элитные семьи, особенно те, что гордились своими интеллектуальными традициями, такие, как семьи Квинта Гортензия и Цицерона, подталкивали своих дочерей, как и сыновей, к соперничеству и в области образования. Старый враг Августа, Гортензия, которая с блеском добилась триумфа, выступив с трибуны в 42 году до н. э., была, возможно, единственной женщиной, добившейся славы как публичный оратор, – но учителя грамматики все-таки нанимались для некоторых женщин, таких как Цицилия, дочь Аттика, друга Цицерона, а великая Корнелия писала письма, которые были опубликованы и стали одобренными образцами стиля.

Уроки музыки, на которые когда-то смотрели неодобрительно, понемногу вползали в дома в традиционный курс обучения, некоторых девочек учили также читать и писать по-гречески. Однако введение столь широкого образования было мотивировано не прогрессивной педагогической философией, а весьма традиционным желанием быть уверенным, что девочки, которым предстояло быть женами публичных политиков, смогут стать для своих мужей не только хозяй-

ками дома, но и помощницами в карьере, а также хорошими наставницами для своих сыновей, выбирающих политическую карьеру.

Есть свидетельства, что частными учителями, нанимаемыми для привилегированных девочек, были такие личности, как Цицилия; Юлия, по всей видимости, набиралась знаний, обучаясь у Марка Веррия Флакка, известного грамматика, которого Август привлек в свой дом огромным ежегодным заработком в 100000 сестерций – в первую очередь для обучения юной мужской поросли императорского дома на Палатине. Хотя, конечно, какое-то время девочка проводила, обучаясь простым домашним занятиям, которыми, как был твердо уверен ее отец, обязаны владеть все женщины его семьи^[138]. Мы знаем, что по крайней мере одна из дочерей Юлии получила литературное образование.

Когда рассматриваешь привилегированную ситуацию Юлии – жизнь в доме, который ежедневно посещали самые великие деятели культуры тех дней, включая Горация и Вергилия, доступ к только что отстроенной имперской библиотеке на Палатине, – не удивляешься, что много веков позднее ее помнили как «любительницу писем и хранилище значительных знаний – которые нетрудно было получить в ее доме»^[139].

Но оговорки, до какой степени может распространяться образование женщины, не исчезли. Слишком часто описание девушки как *docta*, или «умная», было эвфемизмом для

чего-то гораздо менее respectable. В случае Юлии это обернулось неприятной правдой.

Первую половину правления Августа женщины императорского дома оставались в стороне от литературных новостей. Для огромного большинства жителей империи публичные портреты были единственным видимым знаком связи с императором и его семьей. Официальные типовые скульптуры императорской семьи заказывались и создавались в Риме, а затем распространялись в провинции, где служили моделями для местных скульпторов и для копирования на монетных штампах. В результате могли появляться вариации, когда отдельные художники или монетные дворы позволяли себе свободу творчества, но базовый портретный тип оставался тем же самым^[140]. Однажды выставленные публично на городском форуме, на крыльце храма или даже в богатых частных домах, эти молчаливые портреты служили напоминанием женскому населению империи о моделях, на которые им следует равняться для подражания. Портреты Юлии, вошедшей в возраст, показывают ее с волосами, убранными в такой же тугий *нодус*, любимый ее мачехой и тетей, под контролем которых она воспитывалась^[141].

Однако даже находясь под наблюдением и несмотря на необходимость соответствовать образцу домашней матроны для публичного портрета, Ливия настойчиво и незаметно создавала свое собственное имя. В период между 27 и 19 годами до н. э. Август большую часть времени провел за грани-

цей, объезжая свои владения сначала в Галлии и Испании, а позднее на востоке. И хотя люди консервативных убеждений неодобрительно фыркали при мысли о возможности для женщин сопровождать мужей в зарубежных поездках, Ливия сопровождала императора, демонстрируя важность миссии, которую Август возложил на нее, и заодно создавая свой образ за границей. Хотя большинство историков времен правления Августа мало что сообщают о ее присутствии, немой доказательством его служат множество объектов, на открытии которых она играла важную роль. Предполагается, что она исполняла различные церемониальные обязанности, примерно соответствующие разрезанию ленточки, участие в которой сейчас ожидается от жены приехавшего с визитом главы государства^[142].

До некоторой степени Ливия была лишь объектом взглядов толпы, которая собирались поглазеть на огромные, с балдахином, увитые шелками имперские носилки, когда они лениво проползали по двадцать миль в день по маршруту, включающему знаменитые туристические места, такие как оракул в Дельфах. Римские императоры любили путешествовать со вкусом, и носилки Августа сопровождал огромный обоз, который тащили мулы, с рабами, обслуживавшими всех участников, включая поваров, служанок, докторов и парикмахеров. Один наследник Августа имел даже установленную в его экипаже игральную доску; другой оборудовал свои носилки вращающимися сиденьями^[143].

Несмотря на табу, существовавшее в Риме относительно путешествий женщин, громадная свита Августа включала фрейлин, служивших свитой его жены. Еще более пышная женская компания предоставлялась противной стороной на зависимых территориях империи – это были такие фигуры, как Саломея, жена короля Иудеи Герода, которая стала подругой Ливии на всю жизнь и ее постоянной корреспонденткой. Некоторые остановки походили даже на возвращение домой. Во время одного из путешествий Августа в Грецию в конце 20-х годов до н. э. он нанес визит вежливости в Спарту, посетив обряд публичного жертвоприношения: возможно, в память об их помощи Ливии, когда она смогла укрыться там с Тиберием Нероном, – по иронии судьбы, прячась именно от Августа^[144].

И все-таки роль Ливии в этих путешествиях значила гораздо больше, чем просто демонстрация, как говорит письмо, написанное Августом грекам с острова Самос и найденное нацарапанным на мраморе стены архива в 1967 году во время раскопок древнего турецкого города Афродисиаса. Через некоторое время после начала правления Августа островитяне Самоса написали ему, прося независимости от контроля империи. В представленном ответе Август с извинениями объясняет островитянам, почему он должен отказать, несмотря на данную ему привилегию, именно людям Афродисиаса. Он принял решение неохотно, говорит он жителям Самоса, несмотря на энергичные уговоры Ливии в их

пользу: «Я хорошо отношусь к вам и хотел бы сделать уступку своей жене, которая активно выступает в вашу пользу, — но не до такой степени, чтобы нарушать свои привычки»^[145].

В этом случае Ливия проиграла с первой попытки. Но очевидно, что она могла быть настойчивым посредником. После того как свита Августа провела две зимы на Самосе между 19 и 21 годами до н. э., он наконец дал им их независимость. Островитяне Самоса, очевидно, признали в этом заслугу императрицы, так как на острове были найдены посвящения Ливии^[146].

В том, что женщина могла служить привратником, контролирующим доступ к своему мужу, в некотором смысле не было ничего нового для римской политики. Во время Республики несколько женщин из элиты точно так же выполняли роль заступниц и посредниц между своими мужьями и внешними социальными группами. Цицерон, например, обращался к Муции Терции, когда искал союза с ее мужем Помпеем, и даже, как говорят, Клеопатра после мыса Акций пыталась перетянуть Ливию и Октавию на свою сторону, предлагая им в подарок ювелирные украшения и выражая надежду, что они будут сочувствовать ей^[147]. Но такие мероприятия проводились за закрытыми дверями, и женщины вроде Муции Терции никогда не имели в виду добиться публичного признания их усилий с присвоением им государственного статуса или другими официальными почестями.

Ливия же теперь играла вне рамок традиционной женской

роли в *общественном* политическом контексте, приобретая за это славу и известность. Ей и тем женщинам, кто повторял ее путь, были розданы роли послов доброй воли с задачей продвигать моральные ценности нового режима, служа образцом традиционного женского поведения и одновременно приобретая беспрецедентную публичность в роли посредниц между императором и его подданными. Хотя первым ответом Августа на просьбу Самоса о независимости был отказ, публично сообщив им о стараниях Ливии в их пользу, он надеялся подсластить пилюлю и сохранить свою популярность среди островитян.

Это очевидное желание показать роль жены в его делах свидетельствует о намерении Августа политизировать личную жизнь. Согласно его древним биографам, это навязчивое стремление распространялось даже на записи его личных бесед в одном из дневников о себе, который он вел по привычке, включая туда все более или менее серьезные разговоры, – до такой степени он сознавал, что его частная жизнь может отражаться на нем как на общественной личности. В одном таком записанном разговоре, который позднее был широко опубликован, Ливия предложила измученному бессонницей и стрессом Августу развернутый совет, как поступить с заговором Корнелия Цинны, правнука Помпея Великого. Она уговаривала его отказаться от наказания смертью, чтобы избежать обвинения в деспотизме, – этому совету Август в должный момент последовал:

«Я могу дать тебе совет – но только если ты хочешь получить его и не осудишь меня за то, что я, хоть и женщина, осмеливаюсь тебе предложить то, чего никто больше, даже твои самые близкие друзья, не осмелятся предложить... Я равно разделяю твои удачи и твои неудачи, и до тех пор, пока ты в безопасности, я также имею свою долю во власти – но если с тобой случится беда (не дай этого боги), я погибну с тобой... [Я] делюсь с тобой своим мнением, что тебе не следует налагать смертный приговор [на этих людей] ... Меч, безусловно, не может решить все твои проблемы... так как люди не начинают больше любить того, кто дышит мстью, которую, как они видят, этот он выплескивает на других; наоборот, они становятся более враждебными из-за страха... Поэтому выслушай меня, дорогой, и выбери свой курс... Мужчина не может вести такой огромный город от демократии к автократии и осуществлять перемены без кровопролития – но если ты продолжишь свою старую политику, будут считать, что ты делал эти неприятные вещи обдуманно»^[148].

Быть может, намеренное сохранение ее речи имело целью сделать Ливию голосом женского сострадания, заступничества, продемонстрировать путь к мирному выходу из потенциального тупика, как делали это римские героини прошлого^[149]. Но это также дает нам четкий портрет женщины с пронизательным политическим разумом, умудренной жизнью и понимающей, что лучше всего подействует на аудиторию ее

мужа.

Учитывая, что ее изображали столь важной фигурой в жизни Августа, реальные личные отношения Ливии с мужем, естественно, интересуют историков. Но только с учетом крайне противоречивых свидетельств биографов императора их нелегко понять. Как мы видели, брак в высшем римском обществе организовывался по типично прагматическим, а не по романтическим мотивам. Тем не менее любовь в браке проявлялась в похоронных эпитафиях и, что более убедительно, в опубликованных письмах, где, несмотря на все риторические формальности, видны проблески привязанности, близких, даже страстных отношений между парами и глубокого горя после смерти одного из супругов^[150].

Брак Августа и Ливии, каковы бы ни были его истоки, стал одним из самых продолжительных из всех, зафиксированных в римской истории, – он длился более пятидесяти лет. Понятно, что он рекламировался в публичном искусстве и льстивой литературе того времени как модель супружеского согласия. Однако некоторые литературные источники предполагают, что Август пользовался своими заморскими поездками в качестве прикрытия для свиданий с женой своего друга и советника Мецената, маскируя эту связь нападками на Антония и упрекая своего врага в лицемерии за его связь с Клеопатрой.

Один римский историк пишет об Августе, что Ливия была «женщиной, которую он действительно любил до самой

смерти», но далее сообщает, что к старости сама Ливия поощряла мужа к адюльтеру, поставляя ему девственниц, к лишению девственности которых он имел страсть^[151]. Эта мерзкая сплетня вдохновила выход в 1787 году порнографического справочника, составленного светским авантюристом с псевдонимом барон д'Ханкарвилль⁵ – «*Monumens du culte secret des dames romaines*», в котором среди прочих была изображена римская камея с голой Ливией во время сексуального акта с Августом, с надписью: *«Услуги этой дамы мужу были незаурядными. Не удовлетворяясь поиском повсюду прекрасных девишек, чтобы развлечь его, она также не отказывалась использовать свою прекрасную ручку для удовлетворения и умасливания императора»*^[152].

Говорят, что к концу жизни Ливия так ответила человеку, спросившему, как она приобрела такое влияние на Октавиана: *«...тем, что была скрупулезно чистой сама, радостно исполняя что угодно, лишь бы угодить ему, не вмешиваясь ни в какие его дела и, в особенности, делая вид, что не слышу и не замечаю фавориток, которые становились объектами его страсти»*^[153]. Можем ли мы верить этим словам или же ее длинным поучениям, как поступить с заговором Корнелия Цинны, якобы напрямую сошедшим с ее губ, оста-

⁵ Под этим псевдонимом укрылся французский искусствовед и систематизатор античных изображений Пьер-Франсуа Юг (1719–1805), издавший два альбома фривольных стилизаций под такие изображения. Хотя эти стилизации иногда именуют «порнографическими», они не содержали ничего, что бы не встречалось на реальных античных вазах и камеях. (Прим. ред.)

нется вопросами без ответов. Но для образца деловой жены политика, каковой она определенно была, это заявление выглядит абсолютно реальным и уместным. Оно завоевало ей аплодисменты подданных, которые называли ее достойной наследницей женщин римского «золотого века», и породило рассказ, будто однажды она вмешалась, чтобы спасти жизни нескольким мужчинам, которых должны были казнить за то, что случайно попались ей на глаза в голом виде; как объяснила она, для столь чистой женщины, как она, голые мужчины ничем не отличаются от статуй^[154].

Но, похоже, не все обожали Ливию в роли супруги и наперсницы императора. «У меня есть своя доля во власти», – предположительно заявила она в разговоре с Августом о заговоре Цинны. Это было весьма подстрекательское мнение^[155].

Как минимум один источник информации о сложностях в браке Ливии и Августа нельзя замаскировать никаким количеством тумана. Хотя оба они имели детей от предыдущих супругов, сам союз Ливии и Августа остался бездетным, несмотря на «заветнейшее желание» императора, как писал Светоний, – причем желание это было взаимным. Их ребенок, родившийся недоношенным, не выжил; повторяя Плиния Старшего, их союз был одним из тех редких браков, который имел «определенную физическую несовместимость», позволяя им производить детей с другими, но не друг с дру-

гом^[156]. Бездетность пары была несчастьем, над которым насмехалась Клеопатра во время войны слов перед мысом Акций, и, хотя это может звучать несправедливым уколом, бездетность Ливии и Августа имела серьезные и далеко идущие последствия и для династии Юлиев-Клавдиев, и для принципов будущего имперского наследования^[157].

Любой династии нужны наследники. Хотя судьба дала Октавиану возможность прожить до глубокой старости, слабое здоровье часто приводило его в постель первые десять лет его правления, вызывая особую озабоченность проблемой – кто из его родственников в итоге заменит его? Женское первородство оставалось вне рассмотрения, исключая единственного биологического ребенка Августа – Юлию. Оставалось два основных кандидата: Тиберий, старший сын Ливии от ее брака с Тиберием Нероном, и Марцелл, старший сын сестры императора Октавии.

Октавия не была забыта в планах Августа на наследование. Наоборот. Теперь, в свои сорок лет, после расторжения брака с Антонием, она жила с братом и золовкой на Палатине, где приняла на себя обязанности по воспитанию девяти детей – не только своего сына и четырех дочерей от браков с Клавдием Марцеллом и Антонием, но также четырех выживших детей Антония от Фульвии и Клеопатры^[158]. Словом, она представляла собой образцовый пример материнства, Корнелия, мать двенадцати детей, являлась образцом, который Август искренне поддерживал.

Одним из самых важных итогов 41 года правления Августа стало физическое изменение римской городской линии горизонта. Он с удовольствием хвастался, что принял Рим городом кирпича, а оставил его городом мрамора, и Октавия активно участвовала в этом процессе^[159]. В этот период узкие улочки Рима и многоквартирные дома почти постоянно задыхались в пыли и грохоте строительных работ вокруг таких проектов, как новый мавзолей семьи Юлиев-Клавдиев на берегу Тибра – огромная круглая усыпальница из белого травертина⁶, которая должна была стать местом вечного упокоения праха императора и его наследников. Однако самовозвеличивающее рвение Августа в строительстве уравновешивалось осуществляемой им моральной революцией: роскошные виллы и здания, что выросли в эру Республики, когда патриции соревновались между собой в богатстве, постепенно заменялись на более скромные или передавались под места общественного пользования. Одним таким строительным проектом, начатым вскоре после 27 года, был портик Октавии – общественная колоннада, названная в честь сестры императора и построенная на ступенях предыдущего строения, созданного больше века тому назад бога-

⁶ Травертин – известковый туф, горная порода, образованная различными минералами карбоната кальция. Образуется в результате осаждения карбоната кальция из воды углекислых источников. Имеет белый, сероватый или желтоватый цвет. Травертин добывался у города Тиволи близ Рима, а также в Сабинских горах. (Прим. ред.)

тым сановником Цецилием Метеллом. Посетив портик теперь, вы найдете только слабую тень его прошлого величия. Ныне это место превратилось в печальные и заброшенные античные развалины. Со Средневековья и до конца девятнадцатого века здесь находился рыбный рынок, а сегодня его разбитый фронтон служит местом гнездования голубей и грачей. Но когда-то эти невзрачные руины были элегантным двором с каскадами фонтанов и садом, который вел гостей в галерею ценных картин и скульптур^[160].

Гордостью этого места была сидячая скульптура Октавии, играющей роль модели, Корнелии. Основываясь на свидетельствах одного очевидца, Плиний Старший, который осматривал статую несколькими годами позднее и описал ее как расположенную «в бывшем портике Метелла, теперь в зданиях Октавии», считал, что когда Август строил портик для Октавии, статуя уже была на месте. Это, вероятно, объясняет, почему Август выбрал именно это место в качестве витрины для своей сестры^[161]. Изображение в портике Метелла на самом деле оказалось единственной известной статуей исторической римской женщины в городе до появления аналогичных статуй Октавии и Ливии в 35 году до н. э., поэтому свидетельство Плиния необычайно важно.

Но более современная теория предполагает, что Плиний мог быть введен в заблуждение. В 1878 году при раскопках в портике Октавии обнаружили большую мраморную плиту, на которой стояла именно скульптура Корнелии, с над-

писью *Cornelia Africana f. Gracchorum*, «Корнелия, дочь Африкана, мать Гракхов». Исследования этой надписи предполагают, что она вырезана по другой, первичной статуе. Предполагается, что у Августа была другая женская статуя – классической богини, так как сидячая поза обычно в древней скульптуре указывает на статус божественности, – заново подписанная как Корнелия и добавленная в отремонтированный портик его сестры, чтобы подчеркнуть связь между ними. Статуя, которую увидел Плиний, находилась на этом месте со дней Метелла, таким образом, она могла оказаться там лишь с 20-х годов до н. э.^[162]

До воцарения Августа строительство и именование римских общественных зданий являлось исключительным правом мужчин. Эра Юлиев-Клавдиев дала пример пути, которым традиционные женские ценности стали распространяться с очень нетрадиционных основ. Портик Октавии стал одним из последовавшего за ним ряда зданий, поименованных в честь женщин. Октавия также стала своеобразным каналом связи между Августом и великим римским архитектором, инженером и историком Витрувием, чей очень важный трактат «Об архитектуре» содержит предисловие с благодарностью сестре императора за рекомендацию, данную Августу при его найме.

Ясно, что не только Ливия была полезным источником контактов в императорском кругу. Позднее Ливия обгонит Октавию в качестве патронессы общественных строитель-

ных работ – но пока что Октавия играла более очевидную роль в психологической атмосфере города и ее звезда стояла выше на небесном своде.

Сын Октавии Марцелл и сын Ливии Тиберий быстро выдвинулись в возможные наследники Августа. Они были почти одного возраста, в юности им давались равные возможности. Им обоим позволяли править несущимися лошадьми колесницы Августа во время триумфальных праздников после победы при мысе Акций. Марцелл, «юноша благородных качеств, с веселой душой и нравом», по контрасту с бледным, молчаливым кузенком, имел еще одно преимущество: он был родственником императора по крови и делал более быструю карьеру^[163]. В 25 году до н. э. династия Юлиев-Клавдиев отпраздновала свою первую королевскую свадьбу: 17-летний Марцелл женился на своей 14-летней кузине Юлии^[164]. Отец невесты не мог присутствовать, так как все еще находился в заграничной поездке. Таким образом, по иронии судьбы, которая проявилась лишь позднее, Агриппа, верховный командующий Августа, был вынужден выполнить роль родителя^[165].

Рядом с Юлией, наряженной в желтые подвенечные вуаль и туфельки, статус сына Октавии, как фаворита для облачения в пурпур, подтвердился, подняв престиж самой Октавии до важного (хотя и неофициального) положения матери несомненного наследника. Но «мыльный пузырь» лопнул слишком уж быстро. Через два года, осенью 23 года до н. э.,

когда сорокалетний Август поправлялся от тяжелой болезни, Марцелл внезапно умер от таинственного недуга в возрасте двадцати лет, оставив Юлию вдовой и внезапно первым заняв место в новом, с иголки, семейном мавзолее, теперь возвышавшемся над городом как 130-футовый свадебный торт.

Траур по юноше был очень большим, потерю Октавии широко обсуждали^[166]. Похоронив себя в уединении, она, как говорят, запретила упоминать когда-либо имя сына, давая выход своему горю только во время встреч с Вергилием – великим поэтом и другом семьи, позволяя читать ей отрывки из своей эпической поэмы «Энеида», в которой, ища в подземном царстве отца, римлянин Эней, считавшийся предком семейства Августа, встречается дух Марцелла в череде римских героев. В начале XIX века в картине «Вергилий читает «Энеиду» Августу, Октавии и Ливии» французский художник Жан Огюст Доминик Энгр отобразил момент, описанный древними биографами Вергилия, – когда Октавия с лицом, пожелтевшим от горя, падает в обморок на руки Августу, прослушав ту часть поэмы, которая упоминала ее сына^[167].

Энгр добавил к сцене дополнительную фигуру, чье присутствие не описывалось в рассказе об обмороке Октавии, но упомянутом биографом Вергилия IV века Донатом. Август держит на руках потерявшую сознание сестру и поднимает руку, указывая поэту остановить чтение, а слушающая Ли-

вия сохраняет при этом каменное лицо. Ее прикрытые капюшоном глаза не выдают эмоций, когда она поддерживает одной рукой голову Октавии, а другую вяло свесила со спинки своего стула, с бесстрастным интересом разглядывая убитое горем лицо перед нею. Серый и голубой тона ее одежды выражают ледяное спокойствие – по контрасту с теплыми розовыми и красными оттенками, играющими на одежде других участников. В более поздней версии картины две анонимные фигуры задумчиво смотрят на Ливию из тени, их подозрения пробуждаются из-за отсутствия у нее чувства огорчения^[168].

Композиция Энгра отражает страшные слухи, кружившие по Риму после смерти Марцелла: что именно Ливия, подталкиваемая завистью при виде, как ее сын Тиберий лишается наследования, отравила Марцелла. Донесший до нас эти слухи Кассий Дион записал, что многие отвергали такие обвинения, указывая на высокий уровень заболеваемости в городе в том году; тем не менее некоторое количество грязи попало на Ливию и не отмыто до сих пор. Роман Роберта Грейвза «Я, Клавдий» деликатно намекает на «неослабевающее внимание» Ливии к своему племяннику, а в телевизионном сериале по этой книге камера особенно долго задерживается на злорадном выражении лица Ливии, когда она обещает позаботиться о мальчике во время болезни^[169].

Энгр никогда не был удовлетворен своей композицией. Он перерабатывал картину несколько раз, и его нерешительность отражает отсутствие уверенности по поводу акцента на

обвинении Ливии^[170]. Тем не менее смерть Марцелла стала лишь первой в серии убийств при помощи яда, обвинения в которых сложат у ее двери. Хотя ныне уже бесполезно пытаться доказать или опровергнуть ее вину в этом или ином случае, нужно помнить, что образ женщины-отравительницы был характерен для древних мифов и историй, воплощенный в Клеопатре, ведьме в воображении жителей имперского Рима, которая испытывала свою аптечку смертельных ядов на военнопленных и в итоге сама приняла яд для самоубийства. Именно ее пример повлиял на портреты более поздних роковых женщин, таких как Лукреция Борджиа^[171].

Образ колдуний, вроде Медеи и Цирцеи, которые использовали свои снадобья и зелья для управления людьми и запугивания их, помогал создать великолепный контраст между двумя стереотипами женщин: помогающей и убивающей. Это была линия, вдоль которой Ливия продолжала идти, – так же неуклонно, как неуклонно росло количество ее образов в поле зрения римлян. Женщины опекали домашнее царство и были хранительницами ключа от кухни; но одновременно римские сатирики изображали их как внутреннего врага, знатока ядов, необходимых для вызывания аборта, отравления своего мужа или уменьшения количества неудобных соперников и повышения шансов наследования для своих сыновей:

«Вы, тоже сироты без отца, те, которые зажиточные, я предупреждаю вас – следите за своей жизнью и не верьте

ни одному блюду. Пирожные злобно сочатся материнским ядом. Заставляйте кого-то другого сначала все пробовать, что предлагается вам женщиной, которая носила вас»^[172].

Но женские познания в фармакологии могли быть также направлены и на добрые дела, на использование лекарств, которые исцеляли, а не вредили. «De Medicamentis liber», необычайно полная подборка традиционных римских средств, собранных в V веке Марцелом из Бордо, медиком и писателем, донесла до нас даже то, что считалось любимыми медицинскими рецептами Ливии и Октавии. По записям Скрибония Ларгуса, врача, обслуживавшего императорскую семью во время правления правнука Ливии Клавдия, мы узнаем, что Ливия рекомендовала микстуру из шафрана, корицы, кориандра, опия и меда, чтобы вылечить больное горло, а также держала в кувшине у своей кровати мазь из майорана, розмарина, пажитника, вина и масла, чтобы успокаивать озноб и нервное. Кроме сообщения нам формулы зубной пасты Ливии, сборник является для нас также источником информации о собственном рецепте зубной пасты Октавии – *dentifricium*. Как и у ее золовки, это была простая абразивная смесь, состоявшая из каменной соли, уксуса, меда и ячменной муки, запеченной и прожаренной и ароматизированной, надушенной, как и у Ливии, нардом^[173].

Профиль Октавии резко заострился после смерти Марцелла. Несмотря на клятву, что она больше не появится на публике, она вышла из тени, чтобы создать в портике свое-

го имени библиотеку, посвященную умершему сыну, а Август создал поблизости театр его имени. Она также продолжала периодически появляться в художественной галерее, собранной ее братом. Но здоровье уже было подорвано. Говорят, что она так и не оправилась ни телом, ни в политике от смерти Марцелла и последние десять лет своей жизни носила траурные одежды. Среди древних панегириков, рисующих ее как одну из лучших, наиболее скромных и достойных похвалы римских женщин, через несколько десятилетий прорезался голос с другим мнением – в лице Сенеки, члена внутреннего круга императора Нерона. Он заявил, что Октавия слишком демонстративно скорбела по поводу сына и это неприятно контрастировало со сдержанным поведением Ливии, когда той пришлось переживать собственное материнское горе.

Конечно, различия между двумя женщинами были гораздо глубже, чем их сравнительное поведение в горе. Согласно Сенеке, после смерти Марцелла они сильно отделились. Говорят, Октавия лелеяла свою ненависть к золовке, подозревая, что та теперь добьется своего давнего желания увидеть одного из своих сыновей наследником Августа.

Но если Ливия действительно лелеяла такие материнские амбиции, ей приходилось еще какое-то время подождать^[174].

После событий 23 года до н. э. Август был вынужден быстро пересмотреть свои планы. Смерть Марцелла не только

создала вакансию, нарушив династический порядок, — она оставила юную вдову, Юлию, без мужа. Позволить своей единственной дочери оставаться одной какое-то время противоречило гражданским нормам, которые активно насаждал Август; по закону, проведенному им в ближайшие годы, женщина могла оставаться незамужней вдовой не более года, далее ожидалось, что она снова выйдет замуж^[175].

Но Август не симпатизировал ни одному из сыновей Ливии — хотя, по общему правилу, ему следовало бы организовать новый брак внутри императорского дома. Вместо этого в 21 году до н. э. он последовал совету своего друга Мecenата, который сказал Августу, что тот уже возвысил своего командующего Агриппу до столь высокого положения, что «тот должен или стать зятем [Августа], или быть убит». 42-летний творец победы при Акциуме развелся со старшей дочерью Октавии, Клавдией Марцеллой Старшей, чтобы освободить место для новой невесты, 18-летней Юлии. Этой брачной рокировке Октавия, очевидно, дала свое благословение^[176].

В 1902 году железнодорожные рабочие, строившие путь между Боскотреказе и Торре Аннунциата, нашли развалины великолепной загородной резиденции, где Агриппа и Юлия провели по крайней мере часть своей супружеской жизни. Стоящая в холмах недалеко от несчастной Помпеи, вилла имела панорамный вид на юг, на Неаполитанский залив; по окрестности были разбросаны сельские жилища прочей

римской элиты. Раскопки были прерваны в 1906 году из-за извержения горы Везувий, которое вновь засыпало уже откопанный остов виллы, но рисунков на амфорах и изразцах, найденных в руинах, было достаточно, чтобы подтвердить имена первых владельцев строения. Благодаря стилю изображений, украшавших интерьеры, так называемому «третьему стилю», который был популярен после 15 года до н. э. и характеризовался тонким рисунком на одноцветном фоне, было сделано предположение, что строительные работы на вилле, вероятнее всего, начались в первые годы брака Агриппы и Юлии^[177].

Вилла Боскотреказе была одним из самых впечатляющих домов своего времени, демонстрируя огромное богатство и престиж, которые его хозяин приобрел после Акциума. Прекрасные фрески, которые были найдены внутри, когда-то затопляли дом переливами цвета, как прозрачной радугой; сегодня они поделены между художественным Метрополитен-музеем в Нью-Йорке и Национальным музеем в Неаполе^[178]. Мы не можем сказать, предназначались ли эти комнаты для Юлии или их использовала какая-нибудь другая представительница семьи. Одним из ключевых отличий римских домов от греческих является то, что они не демонстрируют признаков разделения по полу. Ничто в оформлении, внутреннем расположении или меблировке не указывает, какие комнаты отдавались исключительно в пользование мужчинам или женщинам. У нас нет даже таких зацепок, как остат-

ки игрушек, которые могли бы идентифицировать детские комнаты^[179].

В то время как афинские дамы почти постоянно находились в изолированном пространстве своих жилищ, от Юлии и прочих римских матрон ожидалось, что они будут присутствовать на глазах публики – хотя бы занимаясь чисто домашними делами в атриуме дома, где их деятельность будет видна благодаря «политике открытых дверей», принятой римскими политическими деятелями, дабы продемонстрировать, что им нечего прятать в личной жизни. Этот принцип поддерживался даже в их домах вне метрополии. Вилла Боскотреказе также служила для поддержания роли Агриппы в имперской политике – открытый сельский дом, где с помощью Юлии он мог развлекать друзей, принимать клиентов и продолжать демонстрировать свою значимость.

Однако подобная общительность распространялась только до определенного предела. Виллы и в городе, и в деревне были поделены на четко определенные пространства, публичные и личные; *cubiculum* (спальня) была самым личным местом, а атриум – наименее личным. Чем более видным и привилегированным был посетитель, тем в более личную и богаче украшенную комнату он допускался. Признаком необычайно высокого статуса Ливии и ранга посетителей, которых она принимала, являлось то, что императрица сама утверждала штат *cubicularii*, или прислуги для спальни, чьей задачей было отслеживать допуск в ее внутренние покои^[180].

Подобно любому обществу, римское имело свои неписанные правила поведения, не озвученное определение того, где проходит линия между приемлемым и вульгарным поведением. Дом Агриппы и Юлии, с его пасторальными и мифологическими украшениями интерьеров, несмотря на эту цветовую гамму, достаточно совпадал с элегантным, но сдержанным стилем императорской резиденции на Палатине. Тем не менее Август имел серьезные претензии по поводу роскоши загородных особняков, которые некоторые римляне строили для себя, и старался продемонстрировать, что сам он не украшает свои загородные резиденции художественными панелями и статуями, а предпочитает естественные украшения – террасы и сады. Когда, много лет позднее, одна из его внучек, Юлия Младшая, построила роскошный загородный дворец, не соответствовавший проповедуемым Августом моральным нормам, он приказал разрушить это строение. То был зловещий знак: он демонстрировал, что Август не потерпит морального лицемерия в собственной семье^[181].

Юлия Младшая была одной из пяти детей, которых родила Юлия за время своего пятилетнего союза с Агриппой, вознаградив надежды династии Юлиев-Клавдиев, которая теперь, похоже, рассчитывала на нее и Агриппу как на продолжателей династии. Самый старший ребенок, сын по имени Гай, родился в 20 году до н. э., тремя годами позднее появился младший брат Луций. Указанием на то, что их намерены

воспитывать как первых претендентов на престол их деда, стало официальное усыновление их Августом.

Такое усыновление, когда хозяин дома принимает ребенка другого человека, даже представителя другой семьи, в собственную семью и объявляет законным наследником, было давней римской практикой, часто используемой теми, кто не мог произвести собственного наследника. Сам Август обязан был своим взлетом усыновлению в семнадцатилетнем возрасте своим двоюродным дядей Юлием Цезарем^[182].

В 13 году до н. э., когда Гай и Луций достигли возраста семи и четырех лет соответственно, римский монетный двор выпустил монету, изображающую с одной стороны императора, а с другой – крохотный, с пухлыми чертами, бюст Юлии, волосы которой были аккуратно уложены в *нодус*, в окружении головок двух ее маленьких мальчиков. Таким образом, Юлия стала единственной женщиной, которая появилась на монете римского монетного двора во время правления ее отца. Однако над ее изображением располагалась *corona civica* – венок из дубовых листьев, который, как и лавровый, был личным украшением герба Августа. Это отмечало Юлию как новую царицу-мать, так было до нее с Октавией, матерью Марцелла^[183].

Рождение двух девочек, Юлии Младшей и ее младшей сестры, Агриппины Старшей, последовало за мальчиками Гаем и Луцием. После них появился еще один мальчик по имени Агриппа Постум – как свидетельство того факта, что

он родился после смерти Агриппы^[184]. Как и ее мачеха Ливия, Юлия проводила много времени, сопровождая мужа в поездках, и считается, что ее дочь Агриппина родилась на острове Лесбос, возле турецкого берега. Надписи и статуи вдоль маршрута Агриппы и Юлии демонстрируют уважение плодородию путешествующей дочери императора: так, один греческий город Прин назвал ее *kalliteknos*, что означало «родительница прекрасных детей»^[185].

Через три года брака Юлии и Агриппы, в 18 году до н. э., реформаторское рвение Августа привело его к введению необычайно спорного набора законов, которые частично имели целью содействовать распространению примера Юлии в деторождении среди других женщин. Август намеревался нанести резкий, уверенный толчок морального порицания в мягкое, ленивое и безнравственное подбрюшьи римской аристократии. *Leges Iuliae*, или законы Юлии, явно были введены в ответ на сокращение количества браков в среде римской элиты и содержали новые строгие меры, имевшие целью установить экономические стимулы для брака и заведения потомства. Тут поднимался также смежный вопрос об укреплении социальной иерархии путем сохранения чистоты и финансовой неприкосновенности семей высшего класса – что продемонстрировали ограничительные законы, введенные и на браки между разными сословными группами, – например, сенаторами и вольноотпущенницами (бывшими рабынями, которые получили свободу), и на

завещания наследства вне семьи^[186]. Сутью новых законов стал *lex Iulia de adulteriis*, объявивший прелюбодеяние криминальным оскорблением и предписывавший строгое наказание для пойманных во время акта. Причем закон декларировал полное неравенство: основной удар от последствий приходился на женщину.

По новым законам женщина была виновна в измене, если имела сексуальные отношения с любым мужчиной, кроме мужа, а мужчина был виновен в оскорблении, только если он имел сексуальные отношения с замужней женщиной. Связь с рабынями, проститутками, наложницами и одинокими женщинами допускалась, так как ключевой целью было дать уверенность в том, что именно этот мужчина является отцом своих детей. Закон также давал отцу право убить замужнюю дочь, пойманную *in flagrante*, вместе с ее любовником; обманутый муж хотя и не имел права убить жену самостоятельно (и становился преступником, если сделает это), но обязан был немедленно с ней развестись. Разведенная женщина и ее любовник представляли перед специальным судом, и если объявлялись виновными, то самым распространенным наказанием для них становилась ссылка. Любой мужчина, который не развелся с опозоренной женой, мог быть обвинен в сводничестве – это стояло примерно между прелюбодеянием и проституцией. Пересмотренный позднее закон также запрещал неверной жене снова выходить замуж за свободно-рожденного римского мужчину, по нему также конфискова-

лась половина ее приданого и треть ее имущества. Это вновь подчеркивает тот факт, что эти законы создавались в основном для более богатых классов римского общества^[187]. Вдовы и разведенные женщины с двадцати до пятидесяти лет, которые не были виновны в грехе измены, но развелись по другим причинам, по закону были обязаны снова выйти замуж в течение года и полугода соответственно^[188].

Новый брачный закон демонстрировал и кнут и пряник, давая снижение налогов для членов римских сенаторских семейств, которые женились и рожали детей. На мужчин от двадцати пяти до шестидесяти лет и женщин от двадцати до пятидесяти лет, остававшихся неженатыми или бездетными, накладывались наказания – такие, как лишение наследственных прав^[189]. Женщины, которые выполняли свой долг рождения детей, по этому закону получали также шанс приобрести некоторую степень имущественной независимости. Свободнорожденные женщины, которые родили троих и более детей, освобождались от мужской опеки – это называлось *ius trium liberorum*, «правило троих детей»; вольноотпущенницам, чтобы попасть под действие этого закона, требовалось четверо и более детей. Женщины, которые подходили под этот идеал, ставились в пример своим товаркам; одна особенно плодовитая рабыня удостоилась даже статуи от императора^[190].

В сумме законы Юлии, названные в честь собственной семьи императора, провозглашали возвращение к традици-

онным семейным ценностям старых добрых дней римского прошлого – воображаемому времени, когда женщины были целомудренны, а измена считалась отклонением с верного пути. Как писал сам Август в рассказе о своем правлении «Res Gestae» («Мои достижения»): *«Благодаря новым законам, которые прошли по моему предложению, я вернул назад многие достойные практики наших предков, которые оказались забытыми»*^[191].

Но набросанная Августом поверхностная картина счастливых результатов его трудов скрывала более темную, трудноуправляемую и противоречивую реальность. Проявляющаяся в литературных источниках явная связь между обвинением в адюльтере в адрес замужней женщины и попытками изобразить их обманутых мужей политическими импотентами демонстрирует, что некоторые обвинения можно объяснить чисто личным соперничеством. Также нам неизвестно, до какой степени проводились в жизнь или могли быть осуществлены законы Августа в реальности^[192]. Вероятно, многие мужья и жены предпочитали не проходить через публичный позор и неловкость суда. Устраивались даже публичные демонстрации за отмену законов; одна женщина по имени Вистилия даже зарегистрировала себя проституткой, чтобы избежать обвинения в прелюбодеянии. Ловушка захлопнулась уже при наследниках Августа^[193]. Поэт Овидий, который был выслан на Черное море в 8 году н. э. за частые высмеивания режима Августа, также добавил сюда ед-

кий штришок. Он не только советовал мужчинам, как заговорить с женщиной на соревнованиях колесниц – единственном спортивном событии, дававшем право не соблюдать новые правила, которые не подпускали женщин, за исключением весталок-девственниц и женщин императорской семьи, к кулисам театра и к гладиаторской арене – его поэзия также предлагала женам варианты, как обмануть мужа, флиртуя с любовником за обедом.

Когда она садится на диван как респектабельная супруга
И занимает место рядом со мной, аккуратно касаясь моей
ноги,

Следит за моими словами и кивает в ответ,

Подхватывая мои сигналы и давая на них ответы —

Я буду читать ей целые поэмы одной поднятой бровью,

Слова будут возникать из моих пальцев, слова рождаться
в моем бокале.

Если вы думаете о том последнем случае, когда мы
занимались любовью друг с другом —

Прикоснитесь к розовой щеке своим божественным
пальчиком^[194].

Но самым большим возмездием для Августа оказалась собственная дочь. По глубочайшей иронии судьбы скромная девочка, разрекламированная Августом как идеал женственности, единственная женщина, которая появилась на монетах, отчеканенных в Риме, мать двух будущих наследников

Августа, превратилась в известную всем разбитную девицу с бойким языком, которую раздражали оковы, наложенные на нее консервативным отцом. Такой образ возникает из вымышленного разговора на обеде о шутках и высказываниях Юлии, который содержится в произведении V века под названием «Saturnalia». Его автор, Макробий, отбирал материал для своей книги из коллекции остроумия, опубликованных в I веке неким Домицием Марсом, – который, в свою очередь, будучи протеже Мecenата, высокопоставленного приближенного Августа, вероятно, повторял истории, ходившие по Риму и в придворных кругах того времени^[195].

Первыми позорящими пятнами на портрете Юлии как образца женской высокой нравственности стали шепотки об отцовстве ее детей. Неверность во время ее брака с Агриппой связывалась с именем Семпрония Гракха, члена знаменитого клана Гракхов, и хотя ее отец игнорировал эти подозрения, ее ближайшие друзья явно знали лучше. Когда Юлию спросили, как так получается, что все ее дети от Агриппы похожи на него, в то время как у нее так много любовников, говорят, она дерзко ответила: «Пассажиров никогда не пускали на борт, пока трюм не заполнен», – подразумевая, что допускала в свою постель других мужчин, только будучи безопасно беременной от мужа^[196].

Тем не менее Юлия, очевидно, была популярной в народе фигурой благодаря *«мягкой человечности и доброму расположению... Те, кто знал о ее грехах, удивлялись этому*

противоречию с ее известными качествами»^[197]. Согласно историям, приведенным в «Saturnalia», Август сначала пытался смягчить ситуацию, советуя дочери умерить «экстравагантность ее одежды и дурную славу ее компаний». Он был оскорблен, когда однажды она в его присутствии вышла в непристойном одеянии. На следующий день она пришла, одетая в скромное платье, со строгим выражением лица, и обняла отца, который обрадовался проявлению уважения и внешних приличий. «Это платье, – заметил он, – гораздо больше подходит дочери Августа». У Юлии был наготове ответ: «Да, сегодня я одета, чтобы встретиться с глазами отца – а вчера одежда была для моего мужа»^[198].

Для римской женщины платье было буквально минным полем – как социальным, так и портновским. Ливия и другие высокопоставленные женщины часто изображались на статуях в традиционной *stola* – похожем на сарафан платье с V-образным вырезом у шеи, женским эквивалентом мужской *тоги* и стандартной одежде римской горожанки времен Республики. Но *стола* больше уже не была повседневной одеждой при Юлии, хотя ее ношение могло придать дополнительный налет благочестивой респектабельности в глазах ее отца. Взамен богатые матроны, начиная с I века до н. э., носили длинную с разрезными рукавами тунику и *palla* (накидку). Это было окутывающее одеяние: туника имела широкие, длиной до локтя рукава и высокую линию шеи, а обширные складки *паллы* сложным образом драпировались вокруг те-

ла и накидывались на голову, когда женщина выходила на улицу. Она четко отличала римских женщин свободногословия от женщин социально низших классов, которые не могли бы выполнять свою ежедневную работу в столь жарком и стесняющем одеянии; бедные женщины носили более короткие, не подпоясанные туники. Количество ткани тоже делало стоимость такой одежды доступной только богатым^[199].

Хотя общая форма женской одежды оставалась неизменной веками, римские женщины находили пути подчеркнуть и свой статус, и свое чувство стиля. Выбеленные обломки древних статуй не передают цветов одежд, которые когда-то носили женщины, – но отдельные следы пигмента на мраморе таких скульптур и раскрашенные портреты из Египта и других провинций империи свидетельствуют, что одеждам была доступна богатая палитра исчезнувших ныне оттенков, от небесно-голубого (*aer*), морской голубизны (*unda*), темно-зеленого (*Paphiae myrti*) и аметистового (*purpureae amethysti*) до шафраново-желтого (*croceus*), бледно-розового (*albentes rosae*), темно-серого (*pullus*) и каштаново-коричневого (*glandes*) – все эти цвета были перечислены Овидием, чтобы украсить девичью фигуру. И наоборот, выбор определенных цветов, таких как вишнево-красный (*cerasinus*) и зелено-желтый (*galbinus*), указывал на вульгарность, в то время как необычайно дорогой пигмент пурпур все больше становился исключительно принадлежащим

императору и его семье^[200]. *Палла* могла быть окрашена, чтобы соответствовать тунике под ней, также были популярны рисунки и полосы по кайме с дополнительными оттенками.

Крашенные и инкрустированные драгоценными камнями сандалии (*soleae*) и ботинки (*calcei*) также помогали женщинам высшего класса чувствовать свое превосходство перед менее удачливыми женщинами. Веера (*flabellae*), изготовленные из пергамента или павлиньих перьев и с ручками из слоновой кости, зонтики от солнца (*umbraculae*), свободно свисающие с кисти, пояса с высокой талией, изготовленные из крученого шнура контрастного цвета по отношению к тунике, завершали гардероб богатой римской женщины^[201].

Стоимость привозного материала и краски, необходимой для изготовления такой одежды, была астрономической. Хотя некоторые римские комментаторы утверждали, что дорого наряженная женщина является хорошей демонстрацией богатства и общественного положения ее мужа, раздавались также и голоса неодобрения по поводу бросавшихся в глаза затрат. Люди сознавали, что эти женщины, избегая домашних материй из шерсти и льна, взамен требуют шелк – материал, который приходилось за огромные деньги доставлять в империю из Китая. Особого осуждения заслуживал косский шелк, тончайший, прозрачный материал, который ткали женщины на острове Кос; он был, по-видимому, предметом общего увлечения среди римских женщин высшего класса и вызывал неодобрение тех, кто считал прозрачную

ткань приемлемой только для проституток и распущенных женщин. Именно такое платье могло вызвать неодобрение Августа, если он увидел его на собственной дочери^[202].

Еще несколько зафиксированных конфликтов между отцом и дочерью имели место по поводу ее внешности и поведения. В одном случае он приехал, чтобы навестить ее, и увидел, как служанки выдергивают ей преждевременно седеющие волосы. Августа расстроила такая суетность, и он спросил, предпочитает ли она быть лысой или седой. Получив ответ, что все-таки лучше седой, он, как утверждают, ядовито заметил: «Тогда почему эти женщины так торопятся сделать тебя лысой?»^[203]

Римская литература изобилует как правдоподобно, так и абсурдно звучащими историями о средствах, которые использовали женщины для идеального ухода за кожей: прыщики убирались куриным жиром с луком; морщины разглаживали тавотом; применялись лицевые маски из хлеба, ячменя, мирры или лепестков роз; для отбеливания кожи использовали меловую пыль, свинец и даже крокодилий помет – считалось, что он помогает добиться мягкости и белизны. Отшелушивание проводили при помощи раковин местных улиток; отскабливание волос с тела осуществляли пемзой. Проблемы с седеющими волосами, как у Юлии, решали обработкой земляными червями, смешанными с маслом^[204].

Хотя эти гротескные рецепты красоты получены из источников, больше заботящихся о направлении женских уси-

лий на отсрочку действия руки времени, множество косметических тюбиков и коробочек в археологических находках, включая прекрасно сохранившуюся баночку крема для лица, составленного из животного жира, крахмала и олова, доказывает, что туалетный столик женщин римской элиты был плотно заставлен, а косметическое производство в Риме являлось процветающим бизнесом^[205]. Забота Юлии о своей внешности могла расходиться со взглядами ее отца и его пропагандой скромности и моральной безупречности, но Юлия разделяла ее с многими другими римскими – и современными – женщинами.

Тем не менее общественное неодобрение косского шелка и саркастические филиппики о более продуманных формах достижения красоты – все это показывало, как легко было пересечь разделительную линию между приемлемым прихорашиванием и осуждаемым нарциссизмом. При ее остром языке, яркой одежде и компрометирующем общении с мужчинами Юлия понемногу стала воплощать все те черты, которые заставляли римских мужчин заглядываться на женщин, – и угрожали разрушить новые моральные порядки Августа изнутри. Игра стала опасной, особенно когда отец являлся такой публичной и облеченной властью фигурой^[206].

Смерть Агриппы в 12 году до н. э. в загородном имении в Неаполе, когда Юлия была беременна их последним ребенком, Агриппой Постумом, оставила единственную дочь им-

ператора вдовой во второй раз, в возрасте 27 лет. Как мать пятерых детей, она теперь формально попадала под статью в законе ее отца, которая позволяла женщинам с тремя и более детьми освобождаться от мужской защиты или опеки. Но вместо этого, вероятно, опасаясь того, что Юлия еще сильнее будет ставить его в неловкое положение, а также стремясь обеспечить себя дополнительными вариантами в вопросах наследования, Август решил, что теперь она должна выйти замуж за старшего сына Ливии – тридцатилетнего Тиберия, который вместе с младшим братом Друзом недавно добился славы в военной кампании в Альпах.

Если Август и рассматривал идею сделать пасынка своим наследником – промежуточным кандидатом, пока смогут вступить в силу Гай или Луций, он оставлял свою аудиторию в полном неведении. Но его решение означало, что Тиберий должен развестись с женой, Випсанией, которая по иронии, как дочь покойного Агриппы, была падчерицей Юлии. Это оказалось неудачной идеей: по слухам, Тиберий пришел от нее в ярость. Но его развели с Випсанией, матерью его сына Друза Младшего, и, как говорят, он расплакался однажды, встретив ее на улице после развода. К тому же он не проявлял никаких симпатий к своей сводной сестре Юлии – хотя она, как шептались на Палатине, испытывала к нему давние скрытые чувства, на которые он не отвечал взаимностью.

Октавия, держась в тени после смерти Марцелла, прожила достаточно долго, чтобы увидеть свою бывшую невестку за-

мужем за Тиберием. Если верить сообщению Сенеки, будто Октавия опасалась проявления амбиций Ливии, новость была бы убийственной. Смерть Октавии последовала довольно скоро, в 11 году до н. э., предположительно от разбитого сердца; она оставалась идеальной матерью до самого конца^[207]. Август был в печали, он сам произнес надгробную речь. Соблюдая простоту церемонии, ее положили рядом с Марцеллом в мавзолее у Тибра. Надгробный камень, который она разделила с сыном, нашли во время раскопок в 1927 году^[208].

Через два года после похорон Октавии, 30 января 9 года до н. э., новая семья Юлиев-Клавдиев собралась вместе недалеко от Мавзолея на замечательную церемонию освящения *Ara Pacis* – Алтаря Мира, одного из объектов программы общественного строительства Августа, возведенного в честь недавнего триумфального возвращения императора из Галлии и Испании. Этот алтарь должен был объявить век Августа и его семьи веком мира.

Что показательно – одновременно это был день пятидесятилетия Ливии. Хотя ее роль проводника между мужем и его подданными была хорошо отлажена за последние двадцать лет, Ливия была лишь одной из трех ведущих женщин императорского дома, она так и не появилась ни на монете римского монетного двора, не была изображена ни на одном сколько-нибудь важном общественном здании, ее скульптуры не ставились в городе. Лишь в этот год она наконец-то по-

явилась рядом с мужем на *Ara Pacis*, в самом возвышенном и приукрашенном виде. Исчез чопорный *нодус*, вместо него были изображены длинные волосы, разделенные посредине и свободно спадающие под накидкой, умышленное повторение статуй классических богинь. Ее муж стоит возле нее – тоже под накидкой и с гирляндой цветов, демонстрируя благожелательных отца и мать империи, истинных Юпитера и Юнону на земле.

Ara Pacis был первым римским государственным монументом, на котором были изображены женщина и дети. Это был и знак роста общественной роли женщин императорской семьи, и дальнейшее указание на намерение Августа сделать образ семейного мужчины частью своего образа общественной персоны. Позднее в этом году на Капитолийском холме для Сената был устроен банкет в честь побед Тиберия в Далмации и Паннонии, на нем и Ливии, и Юлии оказали честь быть хозяйками празднования, куда пригласили виднейших женщин города. Это первое известное событие, когда женщине отвели важную роль при триумфе ее родственника-мужчины^[209].

Как мать Гая и Луция, а также жена чествуемого Тиберия, Юлия наслаждалась высоким общественным статусом, хотя ее сложная личная жизнь уже вызывала возбужденные шепотки среди гостей. Брак с Тиберием, который сначала выглядел удачным, вошел в беспокойные воды; ходили слухи, что пара даже спит в разных постелях. Говорили, что это бы-

ло решением Тиберия после смерти их первого младенца^[210].

Матери вроде Юлии, которые уже произвели пять здоровых детей, вполне могли не особо переживать потерю одного ребенка в младенчестве. По оценкам исследователей, примерно 5 процентов из всех рожденных живыми римских младенцев умирали в первый месяц и почти 25 процентов младенцев умирали до своего первого дня рождения. Неизбежностью таких потерь можно объяснить, почему дети такого возраста редко имели надгробные памятники – хотя упоминания о них в переписке, как, например, между риториком II века Фронтоном и императором Антонином Пием по поводу потери первым трехлетнего внука показывает, что смерть маленького ребенка все-таки могла стать причиной большого горя. *«Создание бессмертности души станет темой для диспутов философов, но никогда не успокоит тоскующих родителей... Я как бы вижу его лицо, и мне кажется, слышу эхо его голоса. Это картина, которую мое горе вызывает в моем воображении»*^[211].

Биограф Тиберия связывает смерть их ребенка с разрушением брачных отношений, указывая, что эта потеря могла полностью разрушить их брак. Но, несмотря на смерть внука, в 9 году до н. э. Ливия имела все основания быть довольной жизнью, наблюдая за ходом капитолийского банкета, на котором собралась вся римская аристократия, чтобы отпраздновать триумф ее отпрыска, – и за городом внизу, звучащим гулом голосов простых людей, радостно отмеча-

ющих свой праздник. Ее сыновья принесли в дом радость побед в Паннонии, Германии и на Балканах. Друз особенно был популярен у римского народа, и его женитьба на младшей дочери Октавии, Антонии Младшей, произведшей двоих сыновей и дочь – Германика, Клавдия и Ливиллу, – укрепила связи между ветвями кланов Юлиев и Клавдиев, сценировала место Ливии как замкового камня между ними. С прославлением ее образа в качестве главной римской *materfamilias* на расположенном поблизости *Ara Pacis*, жизнь ее обещала стать весьма сладкой – особенно если вернуться мыслями к опасным дням бегства с Тиберием Нероном.

Однако в сентябре этого года трагедия грубо ворвалась в ее жизнь – новостью о преждевременной смерти Друза из-за несчастного случая во время скачек, как раз когда его мать и жена готовили праздничный банкет, чтобы отпраздновать его военные успехи^[212]. Сопровождая мужа, Ливия выехала в город Тисин (Павия), чтобы встретить процессию, несущую тело Друза из Германии. Весь маршрут освещался погребальными кострами, зажженными по всей стране, чтобы выразить глубокую скорбь Рима по своему любимому сыну.

В Тисине она встретилась с убитым горем Тиберием, который проскакал почти триста километров, чтобы прибыть к смертному ложу младшего брата, и теперь вел кортеж домой. Траурная поэма «*Consolatio ad Liviam*», написанная анонимом и адресованная Ливии, изображала ее как воплощение опустошенного материнства, скорбевшей по своему младше-

му мальчику: *«Неужели это и есть расплата за благочестие?.. Где взять силы смотреть на тебя, распростертого тут, мне, несчастной?.. Теперь, в своем страдании, я держу тебя и смотрю на тебя в последний раз»*^[213].

Однако, в отличие от поведения Октавии, реакция Ливии на смерть любимого сына не выразилась в демонстративном уходе от общественной жизни. В соответствии с советом, данным в «Consolatio», – что она должна владеть своими чувствами, – она крепко сжала губы, заслужив одобрение публики. В то время как Октавия отказалась от предложения запечатлеть черты своего умершего ребенка в мраморе, Ливия дала заказ на изготовление статуй Друза^[214]. Ее сила духа поместила ее в прекрасную компанию. В эссе, написанном в 40-х годах н. э., находясь во временной ссылке при режиме императора Нерона, философ-стоик Сенека советовал своей матери, Гельвии, не быть одной из тех женщин, которые печалются весь остаток жизни. Он рекомендовал ей взять за пример великую Корнелию, которая отказалась поддаваться слезам и обвинениям других после смерти своих сыновей^[215].

Еще ряд общественных статуй самой Ливии был заказан Сенатом в знак уважения к ней. Опять служа публичным напоминанием о законах Юлии для женщин, родивших троих и более детей, эти статуи несли новый смысл, потому что они были поставлены именно за ее вклад как матери. Они сопровождались символическим награждением императрицы

привилегиями, как родившую троих детей – несмотря на то, что даже до смерти Друза Ливия имела только двоих живых детей. Впервые вклад матери в дело общества своими детьми был приравнен к мужским достижениям на общественной службе – это демонстрировало осознание новой важности женщины и семьи в римских аристократических традициях власти^[216].

Ливия тоже начала одалживать и свое имя, и свою поддержку многочисленным общественным строительным проектам, которые становились символическими объектами по городу^[217]. Хотя Октавия и некоторые другие женщины уже давно застолбили эту сферу, вскоре Ливия оставила далеко позади своих современниц^[218]. В рамках проводимого Августом духовного возрождения города и его священных мест ей доверили, как минимум номинально, следить за перестройкой некоторых неиспользуемых храмов и усыпальниц. При участии Ливии в общественной жизни и при исполнении ею роли традиционной жены и матери, храмы, получавшие ее попечительство, посвящались богиням, ассоциировавшимся с женщиной и семьей. Таким образом, под защитой Ливии были реставрированы храмы Бона Деа Субсаксана⁷ и Фортуны Мулибрис. Бона Деа (Благая Богиня) была

⁷ Храм в северо-восточной части Авентинского холма, южнее восточной оконечности Большого Цирка. Назывался так, потому что лежал чуть ниже вершины этого холма, называемой Саксум. Сейчас здесь находится церковь Санта-Бальбина, одна из древнейших римских церквей, возведенная на месте храма в IV веке. (Прим. ред.)

богиней плодородия и медицины, которой поклонялись исключительно на женских религиозных празднествах. Храм Фортуны Мулибрис (Женское счастье) был сооружен в честь римских женщин-спасительниц V века до н. э., Ветурии и Волумнии^[219]. Усыпальницы Пудицитии Плебии и Пудицитии Патриции, относящиеся к культу целомудрия, как считают, тоже были открыты Ливией. Она также давала свое имя некультовым зданиям – таким как общественный рынок, *Macellum Liviae*, сооружению, ассоциирующемуся с ведением дома и зоной ответственности римских домохозяек^[220].

В числе строительной программы, которой покровительствовала Ливия, был и *Porticus Liviae* – портик Ливии, место в городе, где можно было посмотреть людей и показать себя, описанное древним путешественником среди прочих знаменитых достопримечательностей Рима^[221]. Как и у портика Октавии, кусок земли, на котором он был воздвигнут, когда-то принадлежал республиканцу и богатому аристократу, а теперь – одному из вольноотпущенных рабов по имени Ведий Поллио, финансовому советнику Августа, который заработал себе плохую репутацию на сомнительных делах. Ходили слухи, что он скармливает несчастных рабов, навлекших на себя его гнев, своим любимым рыбкам.

После своей смерти Поллио завещал императору часть своего имения, расположенного в перенаселенном жилом районе Субура на Эсквилинском холме, помпезно выразив

желание, чтобы место было использовано под пышное строение в честь жителей Рима. Вместо этого Август приказал снести неуклюжий частный храм Поллио и заменить его на портик, названный в честь Ливии, окружив его оазисом залитых солнцем садов со статуями и колоннадами для прогулок, затененными густыми благоухающими виноградными лозами, вьющимися по решеткам. Портик и сад вскоре стали популярным местом отдыха жителей всегда переполненного, зловонного района Субура. Овидий даже нахально рекомендовал его в последние дни перед ссылкой как хорошее место для свиданий с девушками – не совсем то, что имел в виду Август^[222].

Степень, в которой Ливия действительно принимала участие в таких строительных проектах, точно определить нельзя. Но портик был еще одним примером использования Ливии как ключевой фигуры в пропаганде императора. Несколько женщин за пределами императорской семьи также вдохновились ее примером. Среди них была Евмахия, общественная жрица и богатая представительница древнего семейства из Помпеи, которая после смерти отца управляла его предприятиями по производству вина, амфор и облицовочной плитки. Она использовала портик Ливии как образец для строительства за свой счет огромного портика вокруг форума Помпеев⁸, вход в который до сих пор стоит^[223].

⁸ Строго говоря, портик был возведен не вокруг городского форума, а вокруг стоящего на нем так называемого «здания Евмахии» – помещения гильдии го-

Очевидно, что теперь Ливия стала образцом для подражания у женщин римской элиты.

Porticus Liviae был закончен в 7 году до н. э., его освящением руководила сама Ливия. В портике размещалась также гробница, посвященная Конкордии, – в честь культа брачной гармонии, что, по мнению Ливии, принесло особую радость ее мужу 11 июня, когда праздновали нечто похожее на День Матери в римском календаре^[224]. По едкой иронии, на посвящении рядом с ней находился ее сын Тиберий, еще купающийся в славе своей первой победы и наслаждающийся назначением его консулом, – но чья несчастливая женитьба уже вела к гибели его карьеры.

Когда в 6 году до н. э. отчим предложил ему престижную государственную должность в восточной провинции Армении сроком на пять лет, Тиберий отказался и попросил взамен разрешения отойти от общественной жизни и уйти на покой на остров Родос. Он обосновал свое решение тем, что устал от общественного положения и хочет отойти в сторону, уступив дорогу Гаю и Луцию. Однако его заявление вызвало разрыв с Августом, который осудил такое решение своего пасынка в Сенате, сравнив его с актом дезертирства. Говорят, Ливия рвала на себе волосы, чтобы убедить сына изменить решение, – но тот был неумолим. Он покинул Рим через порт Остия, не сказав ни слова большинству своих дру-

родских ткачей и красильщиков, одновременно выполнявшего роль специализированного торгового центра. (Прим. ред.)

зей, и провел следующие семь лет в тихом святилище, посещая лекции различных философов^[225].

Некоторые древние биографы настаивают, что Тиберием действительно двигало искреннее желание защищать интересы мальчиков Юлии^[226]. Другие заявляют, что его задевал их скороспелый политический рост, поэтому он уехал на Родос в угрюмом настроении. Самая популярная версия его самоизоляции на Родосе – что Тиберий был намерен иметь как можно большее расстояние между собой и Юлией, чьей компании он уже не мог вынести.

Как же следовало разрешить проблемы Юлии? Ее вопрос начал становиться реальной головной болью для Августа. Он все больше тревожился из-за непокорности своей дочери, его чувства по ее поводу вылились в замечание, сделанное однажды перед друзьями, что «ему приходится иметь дело с двумя испорченными дочерьми – Римом и Юлией». Намереваясь наставить ее на более достойный путь, он писал ей, приводя в пример ее мачеху, Ливию – после того, как различия между обществами вокруг двух женщин на недавнем гладиаторском бое были прокомментированы свидетелями. Окружение Ливии состояло из видных государственных мужей среднего возраста и контрастировало со свитой Юлии, в основном состоящей из распущенных молодых людей. Но в ответ на критику отцом ее друзей Юлия, как утверждают «Сатурналии» Макробия, опрометчиво написала: «Когда я

буду старой, эти мои друзья тоже станут стариками». В ответ на критику Августа ее склонности к нескромной одежде, буйного круга друзей и даже ее привычке выдергивать седые волосы на голове Юлия не просто отказалась следовать строгому примеру, предложенному отцом, она ответила резко, будто возражая просьбе приятеля: «Он забывает, что он Цезарь, – но я-то помню, что я дочь Цезаря»^[227].

Некоторые, а может быть, и все эти энергичные высказывания, характерные для Юлии, могли быть выдумкой Макробия или его источника I века, Домиция Марса. Тем не менее они показательны для условий, в которых развивался раскол между Юлией и ее отцом, и когда финал все-таки наступил, отступление Юлии от приличий стало впечатляющим зрелищем, которое не оставило места для сомнений в серьезности ее проступков.

Год, когда последовал удар, 2 год до н. э., начался довольно благоприятно. Он отметил двадцать пятую годовщину формального присвоения Августу мантии *принцепса* и псевдорестаурации Республики. 5 февраля император был провозглашен Сенатом *pater patriae* (Отец Отечества), а в августе состоялись пышные празднования в честь освящения Форума Августа. Рядом с бронзовыми статуями Величия и Добра встал великолепный храм Марса Мстителя, приютивший тройную статую святых, объявленных главными богами семьи Юлии: Марса, Венеры Прародительницы и Божественного Юлия. Последний представлял собой обожествленно-

го Юлия Цезаря, которого провозгласили богом в 42 году до н. э., таким образом, удобно позволив его внучатому племяннику называть себя «сыном бога»^[228].

Но тень над сценой уже приняла угрожающие размеры. Едва праздник завершился, Август издал официальный указ для зачитания в Сенате. Разозленный император публично отрекся от своей дочери Юлии: до него дошли слухи, что она подозревается в пьянстве и прелюбодеяниях с рядом мужчин. Список прегрешений включал страшное обвинение в том, что она имела сексуальные отношения на Ростре – платформе, с которой ораторы обращались к толпе на Форуме и с которой ее отец объявлял свои законы о браке и прелюбодеянии в 18 году до н. э. Имелись также еще более непристойные утверждения, прозвучавшие позднее в полных муки личных письмах Августа, что на статую сатира Марсия на Форуме был повешен венок – Юлия занималась здесь проституцией и предлагала себя всем пришедшим, включая чужестранцев.

Позор Августа был таков, что когда вольноотпущенница Юлии по имени Фебе повесилась в преддверии скандала, он, как говорят, заметил, что лучше бы ему быть отцом Фебе^[229]. Скандал нанес разрушительный удар по попыткам Августа представить свою семью как находящуюся вне подозрений в плане моральной чистоты. Наказанием за прелюбодеяние по его собственному законодательству была ссылка. И ярость Августа была такой, что, как говорят, он хотел убить дочь,

но в конце концов удовлетворился ее высылкой на крохотный, открытый всем ветрам островок Пандатерия у западного берега Италии. Тот факт, что в обращении к Сенату он представил ее дело как государственную измену, отражает глубину разочарования, которое испытал Август: его дочь не смогла соответствовать стандартам, которые он установил для своей семьи.

Сегодня остров Пандатерия называется Вентотене. Не более трех километров длиной, усыпанный розовыми и белыми домиками на фоне сверкающей морской синевы залива, он теперь популярен у отдыхающих. Однако ранее это было место суровой ссылки, место тюрьмы-крепости вплоть до самого 1965 года. Юлия была обречена на одинокое существование там в течение следующих пяти лет. При строгом запрете на все удовольствия, включая вино и посещение мужчин, она наконец-то была вынуждена жить согласно политическим и моральным принципам своего отца – хотя и не совсем без общества. Скрибония, жена Августа, брошенная им ради Ливии, как нам сообщают писатели того времени, по собственному желанию взялась сопровождать свою дочь в ссылку. Как уже упоминалось ранее, такие акты поддержки женщинами высланных мужей или детей очень любили восхвалять в римской литературе имперского периода. Поступок Скрибонии продемонстрировал ее не как ворчливую ведьму из писем Августа, а как женщину, которая чувствует

свой долг и важность своей роли – быть матерью для своего ребенка^[230].

За последние два века случай с Юлией вновь привлек интерес публики, и многие ученые-классицисты теперь уверены, что обвинения в сексуальной аморальности, выдвинутые против нее, на деле прикрывают нечто более зловещее^[231]. Основываясь на намеках, оставленных древними писателями, такими, как Плиний и Сенека, исследователи заключают, что действительная вина Юлии заключалась не в адюльтере, а в участии в политическом заговоре против ее отца. Пять человек перечисляются как ее партнеры по прелюбодеянию: Юлий Антоний, Квинт Криспин, Аппий Клавдий, Семпроний Грахх и Сципион – все это представители известных аристократических семей. Существует предположение, что их реальным проступком был заговор с целью изменения режима – тем более что в начале императорского правления существовало несколько таких заговоров.

Если это предположение верно, то имя Юлия Антония должно было вызывать сильнейшее содрогание в позвоночнике у императора. Он был сыном Антония и Фульвии, милосердно воспитанным своей мачехой, Октавией, после смерти отца. Соединение дочери Августа и сына его злейшего врага крыло в себе иронию, не ускользнувшую многие годы спустя от Сенеки, который говорил о Юлии «опять женщина, которой нужно бояться, с Антонием!»^[232].

В действительности вероятность того, что Юлия замыш-

ляла свергнуть отца, достаточно мала. Тем не менее в ее преступлениях невозможно отделить политику от секса. Правдивое или ложное, обвинение в прелюбодеянии против дочери императора имело гораздо более серьезные основы, чем просто личное смущение Августа^[233]. Все равно, как говорят, вслед за изгнанием любимой Юлии последовала волна протестов и резкий всплеск гнева Августа на народной ассамблее.

Но через несколько лет он смягчился, позволив дочери вернуться на материк, хотя и ограничив ее пребывание городом Регий⁹ на носке итальянского «сапога». Здесь Юлии наконец-то было позволено выходить в город, ей был предоставлен дом и годовое содержание. Однако Август так никогда и не помирился с дочерью. Его завещание позднее оглашало, что ни она, ни ее дочь Юлия Младшая, которую сослали за адюльтер десятью годами позднее, не имеют права быть похороненными в фамильном мавзолее – наказание, которое, как выразился один писатель, «составило посмертную и весьма символическую отмену принадлежности к *крови* Юлия»^[234]. Он также лишил ее наследства, и после его смерти доля имущества, на которую она в качестве дочери по закону имела право, целиком досталась Ливии и ее сыну Тиберию^[235].

Хотя Юлия не пострадала от наказания, известного как

⁹ Современный Реджо-ди-Калабрия. Интересно, что в годы ранней Республики он именовался *Regium Julium*. (Прим. ред.)

damnation memoriae, которое немедленно приговорило бы к снесению всех ее существующих скульптур и изображений по всей империи, не сохранилось ее изображений, датированных позднее 2 года до н. э., – то есть года ее изгнания^[236].

Попытки Рима таким образом убрать некоторых горожан из своей памяти обычно оставляли следы в виде сплетен и реальных шрамов на местах, где чье-то имя или образ были вырезаны из монумента. В случае Юлии осталось мало признаков, что такое произошло. Ее существующим общественным изображениям, вероятно, позволили остаться – учитывая, что она являлась матерью Гая и Луция, которые оставались в фаворе у Августа. Их уничтожение повредило бы эстетической привлекательности существующих групповых семейных портретов, на которых она уже явно присутствовала. Но, похоже, на дальнейшее производство портретов опозоренной императорской дочери был тихо наложен неофициальный мораторий, а уже существовавшие ее изображения позднее могли быть переработаны, переделаны и переименованы, подогнанные под образ более поздних женщин императорской фамилии^[237]. Это объясняет, почему монета, отчеканенная в честь нее и двух ее сыновей в 13 году до н. э., является единственным надежно идентифицируемым ее портретом, который сохранился до наших дней. А ведь эта женщина когда-то была центром семейной династии! Некоторые свинцовые театральные билеты из Рима и костяные игровые жетоны из Оксирина в Египте изображают женщину, похо-

жую на портрет с монеты, — но мы не можем сказать наверняка, Юлия ли это^[238].

Юлия была первой женщиной в ранней истории династии Юлиев-Клавдиев, которая пережила такое падение и осуждение. Но она не стала последней. Ее судьба выявила непоправимые трещины на, казалось бы, безупречном фасаде этого нового, морально омолодившегося Рима — трещины, которые, как окажется, трудно будет заделать^[239].

Когда Тиберий в добровольной ссылке на Родосе услышал о судьбе своей жены, эта новость, очевидно, обрадовала его. Тем не менее крушение неудачного брака ослабило претензии Тиберия на место императора, с которыми он мог бы преуспеть у своего отчима. Когда последовавшая от него просьба вернуться в Рим под давлением умоляющей Ливии была в конце концов удовлетворена во 2 году н. э. не желавшим этого Августом, Тиберий стал вести жизнь политического отшельника, поселившись в уединенном доме в Садах Мецената^[240].

Несмотря на скандальную высылку из Рима их матери, Гай и Луций все еще держались на гребне огромной волны популярности, как фактические наследники Августа. Оба давно уже сбросили детские туники и доросли до *toga virilis* — одежда молодых людей по достижении сексуальной зрелости^[241]. В 1 году до н. э., незадолго до достижения двадцати двух лет, Гай уехал строить карьеру в восточных провин-

циях, а дом Юлиев-Клавдиев отпраздновал первую имперскую свадьбу в этом десятилетии, женив Гая на его кузине Ливилле, дочери Антонии Младшей и скончавшегося Друза, то есть внучке и Ливии, и Октавии. Казалось, все идет к неизбежному провозглашению Гая или его младшего брата наследником трона их деда^[242].

Но в течение двух лет после возвращения Тиберия в Рим династический план Августа разлетелся в клочья. 20 августа 2 года н. э. в Марселе, по дороге в расположение армии в Испании, от внезапной болезни умер Луций. В том же году Гай получил ранение во время осады Артагира в Армении – в итоге через восемнадцать месяцев эта рана привела его к смерти 21 февраля 4 года н. э., в дороге, когда он пытался добраться до Италии^[243]. Преждевременная смерть этих двух популярных молодых людей оставила возможным наследником лишь последнего сына Юлии и Агриппы – шестнадцатилетнего Агриппу Постума, единственного выжившего внука императора.

Август не мог возложить все свои надежды на плечи неопытного юного наследника и склонился перед неизбежным. 26 июня, через четыре месяца после смерти Гая, он официально усыновил сорокачетырехлетнего Тиберия, выдвинув сына своей жены в первый ряд наследников линии Юлиев-Клавдиев. В качестве предпосылки к дальнейшему продвижению Тиберия заставили, в свою очередь, усыновить своего семнадцатилетнего племянника Германика, старше-

го сына Друза и Антонии. Оставшись без других возможностей, Август усыновил также Агриппу Постума, обеспечив еще один вариант наследования, если бы он потребовался.

Фигуры на шахматной доске Юлиев-Клавдиев драматически передвинулись. Теперь следующий император Рима, по всей вероятности, происходил бы из семьи Ливии, а не Августа.

В августе 14 года н. э., в возрасте семидесяти пяти лет, Август, сопровождаемый Ливией, отправился из Рима в свое последнее путешествие. Его целью было сопроводить Тиберия, который направлялся в Иллирик по официальному имперскому делу, до города Беневент к югу от Рима. Последние десять лет правления Августа преследовали неудачи, крупнейшей из которых стало жестокое поражение римских легионов в Германии, в Тевтобургском лесу пятью годами ранее. После этой битвы дальнейшая римская территориальная экспансия на севере была временно приостановлена. Границы империи теперь проходили по рекам Рейн и Дунай в Европе, Евфрату на Востоке и по Сахаре в Африке. За оставшееся время существования империи будут сделаны еще несколько новых территориальных приобретений^[244].

Путешествие не прошло благоприятно. Император, всегда страдавший в дороге, заболел диареей во время морского путешествия у берегов Кампании. Экспедиция прервала путешествие на императорской вилле на Капри, чтобы несколько дней отдохнуть, а затем продолжить путь к Беневенту че-

рез Неаполь. Отделившись от партии Тиберия, Август, который все еще страдал от болей в животе, развернулся и отправился в обратный путь в Рим с Ливией. Но ему не суждено было вернуться домой. 19 августа, примерно в три часа дня, согласно официальным сообщениям, первый римский император умер в имении своей семьи в Кампании, в городе Нола, недалеко от горы Везувий. Его последние слова были обращены к 53-летней жене, которую, как говорят, он поцеловал и попросил: «Живи, помня о нашем браке, Ливия, и прощай»^[245].

Пять дней, пока тело Августа не сожгли на погребальном костре в Кампус Марти, Ливия не отходила от него и молча бодрствовала в своем горе еще долго после того, как разошлись по домам присутствовавшие на похоронах сенаторы и их жены. По традиции обмывать и нести тела мертвых до похорон было делом римских женщин – но реакция Ливии была необычной. Свидетелю, который заявил (вероятно, то было отрепетированное утверждение), что видел, как душа Августа воспарила из пламени на небеса, Ливия заплатила награду в один миллион сестерций, чтобы показать свою благодарность. Потом, сопровождаемая ведущими представителями сословия всадников, она завершила свои обязанности, собрав из костра его кости и положив их в построенный для этой цели мавзолей у Тибра, где уже покоились останки Марцелла, Агриппы и сестры Августа Октавии^[246].

Это одна из версий того, что произошло. Но, как обычно,

родилась и другая версия – показывающая Ливию совсем в другом свете. Некоторые исторические источники предполагают, что, опасаясь, как бы Август не изменил своему слову о выборе Тиберия своим наследником и не указал в качестве наследника на последнего живого сына Юлии, Агриппу Постума, Ливия на деле решила избавиться от мужа, намазав ядом зрелые фиги, которые любящему фрукты императору нравилось собирать с деревьев вокруг своего дома. Затем она придержала новость о его смерти, чтобы Тиберий успел добраться до Нолы. Таким образом, за объявлением о смерти Августа смогло беспрепятственно последовать объявление Тиберия новым императором прямо на месте, без задержек, обеспечив гладкий переход власти от отца к приемному сыну. Агриппа Постум, младший сын Юлии и последнее потенциальное препятствие к наследованию, был убит немедленно после формального объявления Тиберия императором. Остается нерешенным вопрос, кто отдал этот приказ^[247].

Ливия – преданная жена у смертного одра своего мужа или же ловкий, хладнокровный политический делец: какому портрету можно верить? Дилемма слишком обычна для изучения этой женщины, и вопрос не в том, как можно ответить на него с должной степенью уверенности. Ливия не была последней императрицей, которую обвиняли в смерти мужа. Поражающая схожесть между зафиксированными действиями Ливии после смерти Августа и рассказами, записанными теми же историками о поведении по крайней мере двух сле-

дующих императриц, заставляет нас скептически относиться к таким обвинениям^[248].

Но на кону стоит большой вопрос о пересмотре этих историй о первых римских императрицах. Мы знаем о глубоком беспокойстве в среде римской элиты по поводу появления женщины в общественной жизни при Августе. Там, где власть раньше твердо принадлежала Сенату и распределялась среди его членов-патрициев, теперь, впервые в его истории, Рим получил единую семью, династический клан, из которого должны были выходить правители империи и который ценил женщин – гарантов такого наследования, более того – выставлял это напоказ. А появление на Палатинской императорской резиденции, эквивалентной Белому дому или Даунинг-стрит, 10, означало, что теперь женщины руководят домом, который также служит штабом правительства, подходя ближе, чем когда-либо, к эпицентру политической власти, – и в прямом, и в переносном смысле.

На этой привилегированной позиции они пользовались таким доступом к императору, о котором остальные могли только мечтать. Как сказала однажды Нэнси Рейган о своих взаимоотношениях с мужем: «Восемь лет я сплю с президентом – и если это не дает особого доступа к нему, то уж и не знаю, что даст»^[249]. Какова бы ни была правда о причастности Ливии к смерти Августа, вопрос о том, сколь часто и какого рода влияние оказывала на власть она и другие римские первые леди, – это ключевой вопрос имперской политики в

следующие десятилетия.

Глава третья

Семейные междоусобицы

Народная принцесса и женщины режима Тиберия

Все называли Агриппину совестью своей страны, кровью Августа, единственным и последним примером древнеримской добродетели: все молили богов, чтобы они сохранили ее род и дали ей жить после полного падения всех этих испорченных мужчин.

Мадлен де Скудери, «Знаменитые женщины, или Двадцать героических характеров самых знаменитых женщин в истории», 1642 г.^[250]

Зимним днем 19 года н. э. плотная толпа зрителей стояла плечо к плечу в порту Брундивий (Бриндизи) на юго-восточной оконечности Италии, ожидая возвращения из-за моря одной из любимых дочерей Рима. Брундивий был воротами в Италию для путешественников из Греции и Малой Азии. Шумный порт обычно был забит торговыми кораблями, разгружающими свои товары; именно здесь в 40 году до н. э. Октавиан и Антоний проводили свою мирную встречу и

закрепили ее женитьбой последнего на Октавии. Но теперь, почти через шестьдесят лет после тех плохо начавшихся переговоров, сцена Брундизия была предоставлена для поминок, а не для свадебного торжества.

Все глаза были устремлены в свирепое, серое ветреное море; некоторые из присутствующих даже вступали в холодные воды на отмели, чтобы лучше разглядеть корабль, уже приобретающий очертания на горизонте со стороны Корциры (Корфу). Другие расселись на крышах и стенах, напоминая ворон на фоне неба. По словам Тацита, настроение было подавленное, люди рассуждали, *«встречать ли ее молча или какими-нибудь словами. Пока они сомневались в правильной линии поведения, флотилия постепенно подходила все ближе. Не было обычной энергичной гребли, все явно говорило о горе»*. Когда корабль наконец вошел в порт и женщина ступила с трапа на твердую землю, едва осмеливаясь встретиться глазами с встречающими, толпа увидела, что ее сопровождают двое ее детей и что она несет в руках *«урну с прахом. Ее спутники выглядели измученными долгим горем, поэтому печаль новых плакальчиков, которые теперь встречали ее, стала скорее демонстративной. И чувства всех были неразделимы, плач мужчин и женщин, родственников и незнакомцев, смешались в едином всеобщем стоне»*^[251].

Пассажиром корабля была не Юлия. Увы, дочь Августа давно уже умерла в ссылке от скудного питания – всего через несколько месяцев после смерти ее отца пять лет назад.

Ее смерть стала прямым результатом действий ее бывшего мужа Тиберия, который, мстя, лишил ее финансовой поддержки. Ее пожилая мать, Скрибония, сразу же вернулась в Рим, и неизвестно, была она еще жива или нет в данный момент^[252]. Прибывшей в горе женщиной была Агриппина Старшая – младшая дочь Юлии от брака с Агриппой, а урна, которую она несла, содержала прах не ее несчастной матери, а ее необыкновенно популярного 34-летнего мужа Германика, старшего отпрыска от брака дочери Октавии Антонии и сына Ливии Друза, когда-то величайшей надежды династии Юлиев-Клавдиев^[253]. Германик умер несколькими неделями раньше в Сирии. Обстоятельства смерти были темны: по слухам, его тело было так разрушено действием яда, что кожу покрывали темные пятна, а рот забила пена.

Путь из Брундизия в Рим длиной в 370 миль по самому старому римскому тракту, Аппиевой дороге, обычно занимал у путешественников от недели до двух. Пока Агриппина с похоронным кортежем мужа медленно двигалась к столице, где пепел Германика должен был упокоиться в фамильном мавзолее, плакальщики в черных и пурпурных траурных одеждах сопровождали их печальное продвижение, и воздух, обычно наполненный запахом болот и москитами, что обычно досаждали путникам на всем пути, теперь был густым от запаха духов и горящих жертвоприношений, приносимых каждым поселением на этом пути.

В прибрежном городе Таррацина, совсем рядом с Римом,

процессию встретил младший брат Германика Клавдий и несколько детей покойного. Достигнув столицы, они нашли город в трауре, погружившимся в горе настолько, что люди даже не устроили общественного праздника, который должен был весельем и пирами отметить ежегодные декабрьские сатурналии^[254].

Но среди горестного плача, сквозь скорбящие толпы тек еще один поток – гнева и подозрения. Не прошло незамеченным, что по крайней мере два человека блистали своим отсутствием. Где, спрашивали люди, император Тиберий? Где его мать Ливия? Почему они не пришли оплакивать любимого народом принца?

Двадцатитрехлетнее правление Римом непопулярного второго императора Тиберия было противоречивым временем. Тиберий, вполне компетентный полководец, плохо подходил на роль политика – он и не должен был стать наследником. Запасная фигура, не имевшая ни шарма, ни политических талантов своего отчима Августа, неохотно делившего поводья управления империей с тем, кто «медленно ворочает челюстями», Тиберий носил пурпур неловко. Его правление было межеумочной эпохой, наполненной полумерами и в итоге скатившейся до полного деспотизма^[255].

Вражда между императором и Сенатом дополнялась конфликтом внутри самой императорской семьи. Частично они были вызваны плохими отношениями Тиберия со стареющей матерью Ливией, выдающееся положение которой в го-

сударственной структуре стало источником сильнейших трений между матерью и сыном. Корни этой вражды, по мнению древних историков, крылись в убеждениях Тиберия, который воспринимал присутствие женщины в общественной жизни как симптом политического хаоса, характеризовавшего эру Юлиев-Клавдиев после Августа. Однако смерть Германика стала самым серьезным кризисом за все правление Тиберия. Помимо того, что вспыхнули обвинения против императора и его матери, она вызвала громкий скандал между самим Тиберием и вдовствующей Агриппиной, подняв новые вопросы о роли женщин в общественной жизни, — вопросы, которые теперь двигались по пятам каждого следующего поколения женщин императорской семьи.

Теперь Ливия вступала в последнюю главу своей жизни. Более пятидесяти лет с того времени, как она вышла замуж за Октавиана, отделили ее от относительной безвестности и поставили на тропу постепенного превращения в императрицу. Так как она оказалась первой женщиной, выполнявшей эту роль, наследование власти ее сыном Тиберием, последовавшее за смертью Августа в 14 году н. э., означало, что теперь она стала первой римской вдовствующей императрицей и снова вошла в неисследованные воды.

Попытки прояснить новый статус Ливии в качестве «королевы-матери» начались еще до того, как состоялись пышные государственные похороны ее мужа и до публичного за-

читывания в Сенате его завещания, которое Август тщательно скопировал в двух блокнотах более чем за год до своей смерти^[256]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Plutarch, Caesar 10.8. Миссис Ландингем, секретарь и консьерж президента, произносит эту фразу в эпизоде «18 и Потомак», вторая серия «Западного крыла».

2.

О методе, которым читаются портреты императоров, см.: Vout (2009), 262. Этот бюст Фаустины Младшей является копией с оригинала: Vatican, Braccio Nuovo, 2195. Museum of Classical Archaeology, Faculty of Classics, Cambridge: no. 601.

3.

О времени написания «Я, Клавдий», см.: Spivey (1999), vii, and Seymour-Smith (1995), 227–33. О восприятии телевизионной драмы: Joshel (2001), везде, и 159, п. 35 – об изображении Ливии, в частности. И в книге, и в телевизионной версии мать Нерона именуется Агриппиниллой, чтобы отличить ее от матери Агриппины Старшей.

4.

Джонатан Стамп, креативный директор «Рима», писал, что образцом для Атии стала Клавдия Метелла, матрона времен Римской республики, но в «Я, Клавдий» ясно распознаваем ее портрет. См. также: Ragalie (2007), 5–7. О признании

Грейвзом влияния историков древности см. Spivey (1999), ix.

5.

В 1893 году итальянский врач Чезаре Ломброзо и историк Гульельмо Ферреро – восемнадцать лет спустя написал историю римских императриц под названием «Женщины Цезарей» – опубликовали труд по физиогномике и патологии женской преступности, на обложке которого было помещено изображение бюста жены Клавдия, Мессалины. Авторы утверждали, что пропорции ее лица были такими же, как у проституток XIX века, см. Wyke (2002), 328–30.

6.

О литературной традиции «достойных женщин» и их корнях в римской истории см. Winterer (2007), 41f; Hicks (2005a) и (2005b); McLeod (1991). О взгляде современных историков на Мессалину см. для более полного впечатления главы 9 и 10 в: Wyke (2002).

7.

См. последние ревизионистские работы о Нероне – например, Elsner and Masters (1994).

8.

См. Elsner and Masters (1994), 2, о проблемах в отношении истории Нерона см. также Edwards (2000), xvi и D'Ambra

(2007), 160.

9.

О проблемах биографии как жанра см. Lee (2009) и (2005).

10.

Литературные ссылки на отдельных женщин-императриц включают: Ovid, *Epistulae ex Ponto* 3.1.125, Ovid, *Tristia* 1.6.25 and the anonymous *Consolatio ad Liviam* 303 (все относятся к Ливии) and Macrobius, *Saturnalia* 2.5.6 (относятся к Ливии и Юлии). См. также Purcell (1986), 78–9 о терминах; а также Barrett (2002), об аналогиях с «первыми леди» применительно к Ливии.

11.

О манерах первых леди Америки см.: Caroli (1995), 5–7 (о Марте Вашингтон); 148 (об Эдит Вильсон); 56 (о Марте Джонсон Паттерсон); 90 (о Лаки Хейз); 71–2 (о Мэри Линкольн); 275–6 (о Нэнси Рейган).

12.

См. Caroli (1995), 35.

13.

Начало записей Хейз о Ливии, книга 2 «Женских биографий».

14.

Этот драматический портрет побега Ливии основан на: Suetonius, Tiberius 6; also Cassius Dio, Roman History 54.15.4 and Velleius Paterculus 2.75.

15.

Suetonius, Caligula 23.2. О переводе этого эпитета см.: Purcell (1986), 79.

16.

Рождение Ливии обычно датируется 59 или 58 годом до н. э. – для более подробного разбора см. приложение 5 в Barrett (2002). Я использовала более распространенную дату – 58 год до н. э.

17.

Suetonius, Tiberius 1. О генеалогии Ливии см. Barrett (2002), 4–8.

18.

В каком году Ливия и Тиберий Нерон заключили брак, доподлинно неизвестно – но Barrett (2002), 11, говорит о 43 годе до н. э. как о наиболее вероятном.

19.

Cicero, *Letters to his Friends* 13.64.2: trans. Treggiari (1991), 129.

20.

Barrett (2002), 11 – о вероятном возрасте Тиберия Нерона.

21.

Treggiari (2007), 95; см. также D'Ambra (2007), 73. О письме Цицерона и о роли согласия женщин на брак в целом – см. Gardner (1986), 41f.

22.

О женщине, браке и законах – см. Gardner (1986), 5 и 13.

23.

Gardner (1986), 42–3 – об ограниченных возможностях для знакомства.

24.

Использование булавки в этом контексте трудно интерпретировать. Как предполагает Плутарх, она могла быть символическим напоминанием римлянам о воинственных сабинянках. Подробнее об этом см. Olson (2008), 21f.

25.

Я реконструировала эту сцену на основе современных научных данных о римских свадьбах, главным образом по Treggiari (1991), 161ff. О подробностях см. также Hemelrijk (1999), 9 – о дарении игрушек; Lefkowitz and Fant (1992), no. 271 – о свадебных приглашениях III века и о значении времени суток; Croom (2000), 95–6, цит. Pliny the Elder, *Natural History* 9.56–114, – о жемчужных вышивках; Shelton (1998), no. 56 – о спетой Катуллом на свадьбе песенке насчет «грязных шуток Фесцени».

26.

Suetonius, *Tiberius* 5 – о дате и месте рождения Тиберия.

27.

Barrett (2002), 177.

28.

Suetonius, *Tiberius* 14.1; Pliny the Elder, *Natural History* 10.154.

29.

Rawson (2003), 101–2.

30.

Kleiner and Matheson (1996), 92, cat. no. 56 – о вагинальном зеркале из Помпеи; Lefkowitz and Fant (1992), no. 355 – об

инструкциях по акушерству: Soranus, *Gynaecology* 1.67–9.

31.

Rawson (2003), 106.

32.

См. эпизод с Фаворином, описанный в Aulus Gellius, *Attic Nights* 12, а также ниже.

33.

On the lustratio, or cleansing ritual, см. Rawson (2003), 110–11.

34.

Aulus Gellius, *Attic Nights* 12.

35.

Nemelrijk (1999), 66, цит. Tacitus, *Dialogue* 28, который также утверждает, что Аурелия, мать Юлия Цезаря, и Атия, мать Августа, кормили своих детей. См. также Gardner (1986), 241f – по вопросам грудного вскармливания, где кратко обсуждается обрывочная запись III века, по-видимому, от отца зятю, с требованием обеспечить свою дочь кормилицей: «Я не позволю, чтобы мою дочь сосали».

36.

Suetonius, *Tiberius* 6.

37.

Suetonius, Tiberius 4; Cassius Dio, Roman History 48.15.3.

38.

Inscriptions Latinae Liberae Rei Publicae 1106 and 1112: translated P.J. Jones (2006), 98; см. также Hallett (1977), 151–7.

39.

О репутации Фульвии см. Delia (1991).

40.

Martial, 11.20.3–8 приводит это стихотворение. О том, как Фульвия радовалась смерти Цицерона, см. Cassius Dio, Roman History 47.8.3–4. О злоупотреблениях Фульвии – Wyke (2002), 170 and Pelling (1988), 141.

41.

См. Milnor (2009), 277–8 – о женщинах, прославившихся добродетелью в общественной сфере. О республиканских героинях Рима см. Hillard (1992) and Joshel (1992). Об их восприятии британскими и американскими женщинами в XVIII веке см. Hicks (2005a) and (2005b).

42.

Цицерон также намекал на кровосмесительные отношения между Клавдией Метеллой и ее братом – стандартный «черный пиар» в римской политике тех лет, он также будет использован в случаях с Калигулой и Друзиллой, Нероном и Агриппиной Младшей, Береникой и Агриппой II; Домицианом и Юлией Флавией, Юлией Домной и Каракаллой, Галлой Пладицией и Гонорием.

43.

Plutarch, *Life of Antony* 10.5.

44.

См. Fischler (1994), 117: *Inscriptiones Latinae Selectae* 8403.

45.

Cartledge and Spawforth (1989), 94. О связях Клавдия в этом регионе, см. также Barrett (2002), 17.

46.

Lefkowitz and Fant (1992), no. 179.

47.

Tacitus, *Histories* 1.3.1. Есть также упоминания о матерях, поддерживавших политические кандидатуры своих сыновей, – например, в случаях Гельвии и Сенеки или Сервилиии и Брута: см. Dixon (1988), 5. О концепции *sui iuris*,

см. Gardner (1986), 6.

48.

Plutarch, *Life of Antony* 31: см. также Wallace-Hadrill (1993), 32, and Wood (1999), 30–1. Octavia родилась около 69 года до н. э. и была родной сестрой Октавиана – у него имелась еще старшая сводная сестра, тоже Октавия. В своих записях Плутарх путает двух сестер. Для большей ясности я вообще не упоминаю о сводной сестре Октавии в этом повествовании.

49.

Antony and Cleopatra, II. vi.119–23. Речь идет о телевизионной драме НВО «Рим».

50.

Plutarch, *Life of Antony* 87 – о детях Антония и Октавии.

51.

Существует мнение, что Фульвия была первой женщиной, изображенной на монете, но эта идентификация еще слишком неуверенна: см. Wood (1999), 41–3, и Wallace-Hadrill (1993), 32 – в поддержку теории, что первой женщиной являлась Октавия.

52.

Kleiner (2005), 262, предполагает, что именно Октавия и ее парикмахеры придумали нодус.

53.

Wood (1999), 44 – о царских парах на монетах эллинской чеканки.

54.

Полный обзор монетных портретов Октавии см.: Wood (1999), 41–51.

55.

Barrett (2002), 18–19 – о дате возвращения Ливии и Тиберия Нерона.

56.

О браке с Клавдией см. Suetonius, Augustus 62; and Plutarch, Life of Antony 20. Barrett (2002), 22 – брак с Клавдией фактически никогда не пошел дальше.

57.

О сопровождении Ливией Августа см. Barrett (2002), 26.

58.

Suetonius, Augustus 62.2.

59.

Suetonius, Augustus 69. Касательно доводов по поводу того, была это жена Ливия или нет, см. Barrett (2002), 24 and Flory (1988), 352–3. О влюбленности Августа в Ливию см.: Cassius Dio, Roman History 48.34.

60.

Velleius Paterculus, 2.79 and 2.94.

61.

Barrett (2002), 26 – о конфликте из-за отношений Друза к свадьбе. Открытие календаря на Верулае в Лацио в 1922 году показало дату свадьбы: Flory (1988), 348.

62.

Suetonius, Claudius 1.1. См. также: Cassius Dio, Roman History 48.44.5.

63.

Об историографической традиции в отношении этого эпизода см. Flory (1988).

64.

См. об этом эпизоде также Vout (2007), 1–3.

65.

Gardner (1986), 146–7 and Pomeroy (1975), 158 – об опеке детей и попечительстве. Как можно судить, детям иногда было разрешено остаться со своими матерями.

66.

Fantham (2006), 23.

67.

Seneca, *Epistulae Morales* 70.a2; Propertius 4.11.65. Генеалогия Скрибонии является чрезвычайно сложной. Мы должны быть несколько осторожнее с термином «миастения», который по-разному переводится у разных переводчиков: см. Severy (2003), 149.

68.

О Кэтрин Маколи и Гортензии см. Winterer (2007), 44f. О доме Гортензии см. Tamm (1963), chapter iv; Kleiner (1996), 34; Claridge (1998), 128–30; Barrett (2002), 177f.

69.

О женщинах семьи Цицерона крупным планом см. Treggiari (2007).

70.

Ovid, *Amores* 3.2.

71.

Некоторые вечера, очевидно, предназначались только для мужчин – за исключением дам, самок, нанятых для обеспечения развлечения. О женском пьянстве см. Treggiari (2007), 19. Современник Цицерона Корнелиус Непот писал об обычае римских женщин ужинать вне дома в прологе к *Lives of the Foreign Generals*, 6.

72.

Hemelrijk (1999), 10; см. также Treggiari (1991), 414.

73.

см. Hemelrijk (1999), 42–4 – о присутствии женщин на званых обедах.

74.

см. Treggiari (2007), 7; также Treggiari (1991), 420 – о женских салютациях.

75.

Casson (1974), 139.

76.

Об открытии виллы Прима-Порта и ее идентификации см. Zarmakourí (2008), 269–70; а также Reeder (2001), 13f. Эта идентификация в настоящее время общепризнана, хотя еще

остается простор для разумного сомнения.

77.

Reeder (2001), 84 – О наименовании виллы. Также, возможно, вилла была известна, как *ad gallinas*.

78.

Casson (1974), 145.

79.

Reeder (2001), 12.

80.

Reeder (2001), 84. См. Pliny the Elder, *Natural History* 15.136 – об истории куропатки, и Macaulay-Lewis (2006), об открытии перфорированных горшков на вилле.

81.

У этой истории существуют небольшие вариации в зависимости от разных записей: ср. Pliny the Elder, *Natural History* 15.136–7; и Suetonius, *Galba* 1.1. См. Flory (1995) о предзнаменованиях.

82.

Plutarch, *Life of Antony* 35. Существует вероятность того, что Октавия на самом деле была беременна здесь не Антонией

Младшей, которая родилась в январе 36 года, а другой дочерью, не выжившей: см. примечания Филиппа Штадтера к переводу Плутарха: Plutarch, *Life of Antony* by Waterfield (1999), 525.

83.

Plutarch, *Life of Antony* 31; Barrett (2002), 30 – об эпитете, вдохновленном случаем у Тарента.

84.

См. Wood (1999), 50, and figs 9 and 10; Zanker (1988), 61.

85.

Plutarch, *Life of Antony* 36.

86.

Cicero, *Letters to Atticus* 15.15.

87.

Существует бесчисленное множество книг о Клеопатре и связанных с ней легендах, и я не имею никакого намерения пытаться забраться на чужую территорию. Основы биографии Клеопатры и ее художественный портрет см. Walker and Higgs (2001) and Kleiner (2005); о ее последующей жизни см. Hamer (1993) and Wyke (2002), 195–320.

88.

Bondanella (1987), 215 – о непомерных расходах на создание фильма.

89.

См. Walker and Higgs (2001), cat. 381–2 – о часовых крышках; cat. 390–1 for figurines, Hamer (2001), 306, о картинах Тьеполо, одну из которых можно увидеть в Национальной галерее в Лондоне: cat. no. 6509: The Banquet of Cleopatra.

90.

См. Pelling (2001), 298 – о роли Плутарха в создании «легенды о Клеопатре»; Pelling (1988), 37 – об опоре Шекспира на перевод Норта, который, в свою очередь, основывался на французском переводе 1559 года.

91.

Pelling (1988), 33–6 – о реальной реконструкции записей Плутарха.

92.

Plutarch, Life of Antony 28–9.

93.

Plutarch, Life of Antony 53–4. См. Fischler (1994), 118 – об

этом пассаже.

94.

Cassius Dio, Roman History 49.38.1.

95.

Об организации такой опеки см. Hemelrijk (2005); Flory (1993) and Purcell (1986), 85–7. О концепции тутела см. Gardner (1986), 14f.

96.

Эта статуя обсуждается более подробно в главе 2 этой книги. Flory (1993) приводит несколько ссылок на упоминание в римской литературе памятников других женщин, которым были предоставлены государственные статуи, ни одна из которых не сохранилась. Но почти все эти женщины были из мифологической истории Рима; ср. Hemelrijk (2005). Единственным заметным исключением является позолоченная статуя самой Клеопатры – как считается, она была возведена Юлием Цезарем в храме Венеры-прародительницы. О статуях Ливии и Октавии в качестве возможной пропагандистской реакции на эту статую, см. Flory, 295–6, а также Hemelrijk, 316 – аргументы, что это на самом деле мог сделать Октавиан, а не Юлий Цезарь.

97.

О статуях и надписях в честь женщин на греческом Востоке см. Flory (1993), 296 и Hemelrijk (2005), 309; подробнее – Smith (1987), Kajava (1990) и Van Bremen (1996).

98.

Выводы на основе последнего визита в 2008 году.

99.

О голове из Веллетри (Museo Nazionale Romano inv. 121221), см. Wood (1999), 52ff.

100.

Wood (1999), 96 – о «клавдиевом» характерном прикусе Ливии.

101.

Wyke (2002), 217–18, and Kleiner (1992), fig. 3. Клеопатра, в свою очередь, поместила Антония на своих собственных монетах.

102.

Suetonius, Augustus 69.

103.

Ibid.

104.

Edwards (1993), 47.

105.

См. Hamer (1993), 60ff – об отражении этого эпизода в искусстве.

106.

Pliny the Elder, *Natural History* 12.84 and 9.120–1. Edwards (1993), 186–91 – о затратах на продукты питания и расходах.

107.

Об использовании ослиного молока в женской косметике см. Richlin (1995), 198f.

108.

Plutarch, *Life of Antony* 57. Интересно, что Плутарх также отмечал, что люди скорее жалели Антония, чем плачущую Октавию, потому что Клеопатра была не более красива, чем она.

109.

Cassius Dio, *Roman History* 50.3 and Plutarch, *Life of Antony*, 58.

110.

Plutarch, *Life of Antony* 58–9 and Cassius Dio, *Roman History* 50.4. См. Zanker (1988), 57–8 – об идентификации Антония с восточным богом Дионисом.

111.

Plutarch, *Life of Antony* 60; Cassius Dio, *Roman History* 50.4–6.

112.

Plutarch, *Life of Antony* 60; Cassius Dio, *Roman History* 50.8.

113.

С другой стороны, рассказы об этом могли иметь целью преувеличить значение победы Октавиана: см. Pelling (1996) 55, n. 297.

114.

Plutarch, *Life of Antony* 65.

115.

Virgil, *Aeneid* 8.678–708.

116.

Plutarch, *Life of Antony* 85. Шекспир, «Антоний и Клеопатра»: 'It is well done, and fitting for a princess, / Descended from so many royal kings' (V.ii.325–6).

117.

См. Flory (1987) – о критериях присуждения титула Августа в течение всего периода правления Юлиев-Клавдиев.

118.

D. Kleiner in K. Galinsky, ed. (2005) *The Cambridge Companion to Augustus* (Cambridge: Cambridge University Press), 203.

119.

I, Claudius, Episode 2: ‘Waiting in the Wings’.

120.

Как, например, поступает Майкл Блумберг, нынешний мэр Нью-Йорка, внесший себя в общественный телефонный справочник.

121.

Suetonius, *Augustus* 72. О дубовом венке см. Ovid, *Fasti* 4.953–4 and *Augustus, Res Gestae* 34; cf. Favro (1996), 203.

122.

Richardson (1992), 73; ср. некролог для Пьетро Роса в «Нью-Йорк таймс» от 13 сентября 1891 года.

123.

На свинцовой трубе было клеймо с именем «Юлия Авг [уста]», почетным именованием Ливии в дальнейшей жизни: см. подробнее в третьей главе. Это привело к современной идентификации дома как Casa di Livia, или Дом Ливии. Нет никаких убедительных доказательств, что у Ливии имелись другие личные резиденции. Тем не менее литературные свидетельства позволяют предположить, что у разных членов императорской семьи были свои жилища вместе с собственной домашней службой. О «Доме Ливии» и позднее открытом «Доме Августа», отождествляемом со старым жилищем Катулла см. в: Tamm (1963), chapter iv; Richardson (1992), 73; and Claridge (1998), 128–31.

124.

Cassius Dio, Roman History 54.16.5; Ovid, Epistulae Ex Ponto 3.1.142.

125.

Об изречении Корнелии см. Valerius Maximus 4.4 pr.: Lefkowitz and Fant (1992), no. 259.

126.

О рецепте «зубной пасты» императрицы см. Levick and Innes (1989), 17–18.

127.

См. D'Ambra (2007), 60.

128.

Edwards (1993), 166 – об использовании местного камня.
Suetonius, Augustus 64 – о заботе императора о том, чтобы его дочери и внучки занимались прядением.

129.

Treggiari (1975), 54 and 74.

130.

Обо всем изложенном см. основополагающую статью Treggiari (1975). Об обуви римских женщин см. Croom (2000), 107 and Olson (2008), 56.

131.

Этот конкурс начался в 1992 году после того, как Хиллари Клинтон спровоцировала возмущение, сказав в интервью, что она выбрала не «остаться дома и печь печенье», и была вынуждена искупать это заявление, противопоставив свои рецепты рецептам Барбары Буш в конкурсе, устроенном журналом «Family Circle».

132.

Suetonius, Augustus 64. Edwards (2000), 313, n. 76 предлагает

именно это объяснение появлению «повседневных хроник».

133.

Октавия имела пятерых собственных детей: сын Марцелл и две дочери, Клавдия Марцелла Старшая и Клавдия Марцелла Младшая – от Марцелла, еще две дочери, Антония Старшая и Антония Младшая – от Антония. Для ясности я не стала вдаваться в подробности жизни двух Клавдий Марцелл и старшей Антонии.

134.

Nemelrijk (1999), 17 – об отсутствии информации о детстве римских девочек; D'Ambra (2007), 62, and figs 25 and 26 – о кукле из слоновой кости из саркофага II века Крептерия Трифена в Капитолийском музее в Риме.

135.

Olson (2008), 16; cf. Croom (2000), 91–3.

136.

Treggiari (1975), 52 and 56 – о Доркас и образовании членов семьи Ливии.

137.

См. Nemelrijk (1999), 79–88.

138.

Hemelrijk (1999), 22.

139.

Macrobius, *Saturnalia* 2.5.2. Об образовании Агриппины Старшей см. третью главу в этой книге.

140.

Об изготовлении и распространении античных портретов см. Fittschen (1996), 42 and Wood (1999), 6.

141.

О нодусе Юлии см. Wood (1999), 64 and figs. 20 and 21; также Wood (1999), 1–2 – об изображениях женских идеалов империи.

142.

Plutarch, *Peri tou Ei tou en delphois* 385F; cf. Barrett (2002), 37.

143.

Casson (1974), 180 – о способе передвижения императоров.

144.

Cassius Dio, *Roman History* 54.7.2. О деталях путешествий Августа и Ливии см. Barrett (2002), 34–8.

145.

См. Reynolds (1982), 104–6: Document 13. Надпись предполагает, что ее семья имела патрон-клиентские отношения с островом: см. Barrett (2002), 37.

146.

О сроках их пребывания на Самосе см. Barrett (2002), 37–8. О статуях на Самосе см. Flory (1993), 303, n. 27. См. также Reynolds (1982), 105 – о предоставлении привилегий самосцам.

147.

Fischler (1994), 118 and n. 10 – больше примеров. См. также Dixon (1983). О Клеопатре см. Plutarch, *Life of Antony* 83.

148.

Выдержки из: Cassius Dio, *Roman History* 55.16–21.

149.

Привычка Августа консультироваться с Ливией по таким вопросам дает современные параллели с Гарри Трумэном и его женой Бесс. Известно, что Трумэн советовался со своей женой при принятии важных решений, их личная переписка была опубликована в 1983 году: см. Caroli (1995), 203–4.

150.

D'Ambra (2007), 77–8 – дискуссия; ср. Lefkowitz and Fant (1992), nos. 242–6 – эпистолярные образцы, а также о письмах ритора II века Фронтонa и о его отношениях с женой Кратией.

151.

Cassius Dio, Roman History 54.19.3 – об отношениях Августа с Теренцией; Suetonius, Augustus 62 – о любви Ливии и Августа; 71 – о том, как она подыскивала ему девственников. См. также Aurelius Victor, de Caesaribus 1.7 and the anonymous Epitome de Caesaribus 1.23: первый говорит, что Августу не повезло в браке, второй – что Ливия была увлечена своим мужем.

152.

Pierre d'Hancarville (1787), Monumens du culte secret des dames romaines, no. IV, Auguste et Livie. Благодарю Дэниела Орреллса, который обратил мое внимание на эту работу.

153.

Cassius Dio, Roman History 58.2.5.

154.

О Ливии как наследнице женщин золотого века см. Consolatio ad Liviam 343; об истории с голыми мужчинами см. Cassius Dio, Roman History 58.2.4.

155.

Cassius Dio, Roman History 55.16.2.

156.

Suetonius, Augustus 63; Pliny the Elder, Natural History 7.13.

157.

См. Barrett (2002), 35.

158.

Его старший сын от Фульвии, Юлл Антилл, был предан смерти Октавианом после победы последнего, но младший сын Юлл Антоний в конце концов женился на дочери Октавии – Клавдии Марцелле Старшей. Антоний также имел троих детей от Клеопатры: близнецов Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, и сына Птолемея Филадельфа.

159.

Suetonius, Augustus 28.

160.

См. Kleiner (1996), 32. Об истории портика см. Ridley (1986), 179–80.

161.

Pliny the Elder, *Natural History* 34.31. См. Flory (1993), 290, and Plutarch, *Caius Gracchus* 4 – о статуе.

162.

О надписи см. Flory (1993), 290–2 and Hemelrijk (2005), 312f – о наличии у Августа статуи греческой богини, которую он заново надписал как Корнелию.

163.

Marcellus's qualities: Velleius Paterculus 93. О внешнем виде и поведении Тиберия см. Suetonius, *Tiberius* 68.

164.

Это не была первая помолвка Юлии – первая состоялась, когда ей было два года, со старшим сыном Антония, Антиллом, но была разорвана после того, как в 37 году до н. э. рухнуло краткое сближение двух лидеров.

165.

Fantham (2006), 29.

166.

О смерти Марцелла и дарах ему: Fantham (2006), 29f. Seneca, *Consolatio ad Marciam* 2 – о том, что Октавия так и не оправилась после смерти Марцелла.

167.

Donatus, *Life of Virgil* 32. Эта работа основывается только на данных Светония.

168.

Siegfried and Rifkin, eds. (2001) 16–22, – о композиции Энгра с Вергилием.

169.

Graves (1934), 37; BBC's *I, Claudius*, episode 1.

170.

См. примечание 50.

171.

Currie (1998), 147. О Клеопатре см. Plutarch, *Antony* 71.

172.

Juvenal, *Satires* 6.629–33.

173.

Marcellus Empiricus, *De Medicamentis liber* 15.6 and 35.6: см. Barrett (2002), 111–12 – о переводе. О зубной пасте Октавии см. Levick and Innes (1989), 17–18.

174.

175.

О возможном замужестве для вдов см. Severy (2003), 53; о брачных законах в целом см. Gardner (1986), часть третью.

176.

Cassius Dio, Roman History 54.6.5 – о советах Мецената Августу; о роли Октавии в деле см. Plutarch, Antony 87. Точная дата рождения Агриппы неизвестна, но считается, что он родился около 63 года до н. э.

177.

О вилле Боскотреказе см. Crawford (1976) and von Blanckenhagen and Alexander (1962); о домах, имевшихся у Агриппы в этом районе, см. Cassius Dio, Roman History 54.28.2. Маттео делла Корте, который опубликовал в 1922 году только список находок и план виллы, считал, что она принадлежала Юлии и сыну Агриппы, Агриппе Постуму – благодаря открытию плитки, носящей его имя. Этой версии был брошен вызов в 1926 году Михаилом Ивановичем Ростовцевым, который считал, что дом изначально принадлежал Агриппе, а потом был передан им своему сыну. Эта версия в настоящее время является общепринятой.

178.

Более подробную информацию о рисунках Боскотреказе, см. Ling (1991), 55–6; and Fantham (2006), 77.

179.

D'Ambra (2007), 96; Wallace-Hadrill (1988), 50–2 – об отсутствии определяющих признаков в домах Помпеи.

180.

Treggiari (1975), 52 – о кубикулярии Ливии. Обратите внимание: хотя «спальня» является обычным переводом слова *cubiculum*, оно имеет не совсем те же коннотации, как наше современное понимание этой комнаты. Кубикулами являлись большинство частных комнат в доме.

181.

Suetonius, *Augustus* 72 – о дворце Юлии Малой и загородных резиденциях Августа.

182.

Такой акт именовался *adoptio*, он обозначал, что человек – мужчина или женщина – переходил под *patria potestas* другого; однако если усыновляемый мужчина не находился под отцовской властью (*sui iuris*) или даже сам был отцом семейства, он назывался *adrogatio*. Женщины осуществлять такой акт не могли – хотя более поздние императоры, судя по

всему, допускали это в тех случаях, когда женщина потеряла ребенка.

183.

C.B. Rose (1997), 225, n. 154.

184.

Точная дата брака Юлии и Агриппы неизвестна, как и годы рождений их дочерей Юлии и Агриппины Старшей. Но, основываясь на оценке годов их брака и даты рождения других детей, Юлия почти точно родилась до 16 г. до н. э., а Агриппина – после: см. Fantham (2006), 108.

185.

C.B. Rose (1997), 13: I. Priene 225. См. Fantham (2006), 66 – подробнее о надписях в честь Юлии.

186.

О запрете сенаторам вступать в брак с женщинами из определенных классов см. Gardner (1986), 32; о наследовании лишь до шестой степени родства см. Gardner (1986), 178.

187.

Lex Papia Poppaea of AD 9. См. Edwards (1993), 40.

188.

Gardner (1986), 77. Эти цифры были позже пересмотрены – до двух лет для вдов и восемнадцать месяцев для разведенных. Имелись также некие формы возмещения для женщин, которые могли бы доказать, что их несправедливо обвинили в прелюбодеянии, или же чьи мужа обманывали их с замужними женщинами: см. Gardner (1986), 90.

189.

Gardner (1986), 178.

190.

O ius trium liberorum, см. Gardner (1986), 20. Женщины по-прежнему находились в patria potestas – иными словами, женщинам, чьи отцы были еще живы, приходилось ждать их смерти, прежде чем закон начинал распространяться на них. О статуте см. Zanker (1988), 157.

191.

Edwards (1993), 34 – перевод Res Gestae 8.5.

192.

Edwards (1993), 56. Вряд ли эти законы приводились в действие очень часто, см. Gardner (1986), 121 and 124.

193.

Suetonius, Augustus 34.2 о публичных демонстрациях; дело Вистилии на самом деле дошло до суда во время правления преемника Августа, Тиберия: см. Tacitus, Annals 2.85.

194.

Ovid, Amores, 1.4. О новых правилах размещения при Августе см. Rawson (1987), 85, 89 and 113; also Edmondson (1996), 88–9.

195.

см. Richlin (1992), 76 and Fantham (2006), 81.

196.

Macrobius, Saturnalia 2.5.9. О Домиции Марсе в качестве источника см. Fantham (2006), 81; and Richlin (1992), 69 and п. 7. О предполагаемом романе с Семпронием Гракхом во время замужества за Агриппой см. Tacitus, Annals 1.53.

197.

Macrobius, Saturnalia 2.5.2.

198.

Macrobius, Saturnalia 2.5.3–5.

199.

Croom (2000), 74 and 87, and Olson (2008), 32.

200.

On colours, см. Ovid, *Ars Amatoria* 3.169; о вульгарных красках см., например, *Martial Epigrams* 10.29.4; cf. Olson (2008), 11–12.

201.

Olson (2008), 55–7 and Croom (2000), 104–7 and Stout (1994) – о женских аксессуарах.

202.

О ценности тканей см. Croom (2000), 21; о косском шелке см. Olson (2008), 14 and Croom (2000), 121.

203.

Macrobius, *Saturnalia* 2.5.7.

204.

Olson (2008), ch. 2 и далее – о косметическом искусстве римских женщин, 73 – о лечении седых волос.

205.

D'Ambra (2007), 115 – о кремах для лица и состоянии римской косметической индустрии.

206.

Об украшающей женщин риторике см. Wyke (1994).

207.

Seneca, *Consolatio ad Marciam* 2.3–4 – о поведении Октавии после смерти Марцелла.

208.

Richardson (1992), 248.

209.

C. Flory (1998), 491 – о роли римских женщин в триумфе.

210.

Suetonius, *Tiberius* 7.

211.

Fronto, *De Nepote Amisso*, ii (Haines. Vol. 2. 229–9).

212.

О празднестве Друза см. Cassius Dio, *Roman History* 55.2.4; and Flory (1998), 491.

213.

Consolatio ad Liviam, 133–7. Перевод мой. Suetonius, *Claudius* I сообщает о подозрении, что Август приложил руку к смерти Друза, имевшего репутацию

сочувствующего республиканцам, – хотя сам Светоний отклоняет эти обвинения. Более подробную информацию о последовательности событий см. Barrett (2002), 42–4.

214.

См. Flory (1993), 299.

215.

Seneca, *Consolatio ad Helviam*; cf. Lefkowitz and Fant (1992), no. 261.

216.

См. Flory (1993), 297–300.

217.

См. Kleiner (1996) – о переоценке роли женщин в этой области, а также Purcell (1986), 88–9 – о вкладе Ливии.

218.

Cassius Dio, *Roman History* 55.8.4 пишет об ипподроме Випсании Поллы.

219.

О празднике Благой богини см. Beard, North and Price (1998), Vol. 1: 296–7 and Takács (2008), 101; cf. Juvenal, *Satires* 6.314–41. См. Takács (2008), 23 – о происхождении храма

Фортуны Мулибрис.

220.

Kleiner (1996), 32–3.

221.

Strabo 5.3.8. Barrett (2002), 200–1 – больше подробностей о портике.

222.

Сам портик давно исчез, но сохранившийся фрагмент мраморной плиты с планом Рима начиная с эпохи династии Северов сохранил для нас факт его существования, местоположение и общий поэтажный план здания. Он был построен в форме прямоугольника 115 на 75 метров вокруг внутреннего двора с садом. Ovid, *Ars Amatoria* 1.71–2, говорит нам, что там была художественная галерея, а Плиний Младший упоминает встречи там с друзьями: *Epistulae* 1.5.9.

223.

Kleiner (1996), 33–4 – о портике Евмахии, а также о других женщинах, по заказу которых строились сооружения.

224.

Severy (2003), 131f – о культе Согласия; 134 – об идее Дня

матери и фестиваля Матралия.

225.

См. Suetonius, *Tiberius* 10; Tacitus, *Annals* 1.53; Velleius Paterculus 2.99; Cassius Dio, *Roman History* 55.9.5–8.

226.

См. предыдущее примечание, а также Fantham (2006), 83 – о возможных мотивах Тиберия.

227.

Macrobius, *Saturnalia* 2.5.3; 2.5.6; 2.5.8.

228.

См. об этом случае Ovid, *Fasti* 2.127f. Об обожествлении Юлия Цезаря см. Beard, North and Price (1998), Vol. 1, 208.

229.

Velleius Paterculus, 2.100; Seneca, *de Beneficiis* 6.32; Pliny the Elder, *Natural History* 21.8–9; Tacitus, *Annals* 3.24; Suetonius, *Augustus* 64–5; Cassius Dio, *Roman History* 55.10.12–16. См. также Syme (1984) о кризисе 2-го года до н. э.

230.

Cassius Dio, *Roman History* 55.10.14.

231.

См. Ferrill (1980) – обзор исследований о причинах падения Юлии.

232.

Seneca, *De Brevitate Vitae* 4.5: translation from Richlin (1992), 68.

233.

Edwards (1993), 42–7 and Fischler (1994), 118–19 – об адюльтере и политических инвективах.

234.

Varner (2004), 46.

235.

Linderski (1988), 190. См. Suetonius, *Augustus* 65 and 101; Cassius Dio, *Roman History* 56.32.4.

236.

Wood (1999), 30.

237.

Wood (1999), 30 and 74; C.B. Rose (1997), 21 and Varner (2006), 86–8 – о возможной обработке портретов Юлии после ее изгнания.

238.

Wood (1999), 69–70, and Fantham (2006), 137.

239.

О последующих судебных решениях в отношении Юлии см. Fantham (2006), chapter 10.

240.

Suetonius, Tiberius 11 and 15; Barrett (2002), 52.

241.

О toga virilis см. Olson (2008), 15.

242.

C.B. Rose (1997), 18.

243.

Резюме – Barrett (2002), 53.

244.

Potter (2007), 55. Очевидным исключением, конечно, была Британия, завоеванная Клавдием в 43 году нашей эры.

245.

Suetonius, Augustus 97–9; Velleius Paterculus 2.123.

246.

Cassius Dio, Roman History 56.42–6

247.

Tacitus, Annals 1.5–6: Cassius Dio, Roman History 56.30.

248.

К этим вопросам мы снова возвратимся в главах с четвертой по шестую – на этот раз в отношении Агриппины Младшей и Плотина. О сравнении с Агриппиной см. Barrett (1996), 24–5.

249.

My Turn: The Memoirs of Nancy Reagan (1989), 216, цит. у Caroli (1995), 279.

250.

Les femmes illustres, or Twenty heroick harangues of the most illustrious women from history. London: Dormand Newman (1693), trans. James Innes.

251.

Это описание обратного пути Агриппины основано на выдержках из: Tacitus, Annals 3.1.

252.

О возрасте и долголетию Скрибонии см. Fantham (2006), 17–18 and 158, n. 30. Мы знаем, что она была еще жива в 16 году, через два года после смерти Юлии, а Сенека (*Epistulae Morales* 70, 12) ссылается на ее советы относительно заговора против Тиберия.

253.

Германик родился 24 мая в 15 или 16 году до н. э. Я остановила здесь свой выбор на более поздней дате.

254.

О пути между Брундизиумом и Римом по Аппиевой дороге см. Casson (1974), 194f.

255.

Описание Тиберия см. Suetonius, *Tiberius* 21.

256.

Suetonius, *Augustus* 101.